

RESPUBLICA
LITERARIA

№3 2024

Respublica Literaria

2024. Т. 5. № 3.

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор - Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора - Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Аблажей А. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Алмакаева А. М. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Арутюнова Е. М. (ФНИЦС РАН, Москва, Россия)
Афонасин Е. В. (БФУ им. И.Канта, Калининград, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГиИПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжеников А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Солодова Г. С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Yachin S. E. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell K. (Техасский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)

Editorial council:

Chief editor-M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor-A. V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Secretary – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovskiy D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)

Editorial Board:

Abblazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Almakaeva A. M. (HSE University, Moscow)
Arutyunova E. M. (Institute of Sociology
of FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Afonasin E. V. (IKBFU, Kaliningrad, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Solodova G. S. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz,
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Борисов Е. В. Прист о теоретико-множественных парадоксах.....	5
Бровкин В. В. Платон и традиционные религиозные представления.....	13
Лунев-Коробский О. А. К вопросу о преемственности между неогегельянством Ж. Ипполита и интерпретацией «Феноменологии духа» в философии Ж. Валя...	28
Стрельцов А. М. «Послесловие к “Достопамятностям” блаженного Сократа» И. Г. Гамана.....	49

СОЦИОЛОГИЯ

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Факторы геостратегического самоопределения стран Центральной Азии в 2022 году	67
Подойницына И. И. Взаимодействие языков в якутском социуме: опыт фокус-группового интервью.....	83
Солодова Г. С. Языковое пространство как поле межкультурных дискуссий.....	104
Ундрал Ё. Индекс социального исключения как показатель социально-пространственной сегрегации в Монголии.....	113

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кефели И. Ф., Плебанек О. В. Проблемы обеспечения когнитивной безопасности информационного общества.....	122
Персидская, О. А. Воспроизводство этничности в миросистемном анализе и теории капиталов П. Бурдьё.....	137
Хлыновская С. А., Изгарская А. А. Проблема социального неравенства в свете миросистемного подхода.....	154
Шмаков В. С. Устойчивое социокультурное развитие Евразии: интеграционный аспект.....	172

ПРАВО

Артемова А. Н. Использование объектов авторского права в машинном обучении: в поисках баланса интересов правообладателей и общества.....	184
---	-----

CONTENTS

PHILOSOPHY

Borisov E. V. Priest on Set-Theoretic Paradoxes.....	5
Brovkin V. V. Plato and Traditional Religious Beliefs	13
Lunев-Korobskii O. A. On the Question of Continuity between the Neo-Hegelianism of J. Hyppolite and the Interpretation of “The phenomenology of Spirit” in the Philosophy of J. Wahl	28
Streltsov A. M. Which Socrates? “Supplement to the Memorabilia of the Blessed Socrates”.....	49

SOCIOLOGY

Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. Factors of Geostrategic Self-Determination of Central Asian Countries in 2022.....	67
Podoinitsyna I. I. Interaction of Languages in the Yakut Society: Experience of Focus Group Interviews.....	83
Solodova G. S. The Language Space as a Field of Intercultural Discussions.....	104
Undral Yo. Social Exclusion Index as an Indicator of Socio-Spatial Segregation in Mongolia.....	113

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Kefeli I. F., Plebanek O. V. Problems of ensuring Cognitive Security of the Information Society.....	122
Persidskaya O. A. Reproduction of Ethnicity in World-system Analysis and the Theory of Capitals by P. Bourdieu.....	137
Khlynovskaia S. A., Izgarskaya A. A. The Problem of Social Inequality in the Light of the World-System Approach.....	154
Shmakov V. S. Sustainable Socio-cultural Development of Eurasia: the Integration Aspect.....	172

LAW

Artemova A. N. Use of Copyright Works in Machine Learning: Search for a Balance of Interests of Copyright Holders and Society.....	184
--	-----

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.3:122

ПРИСТ О ТЕОРЕТИКО-МНОЖЕСТВЕННЫХ ПАРАДОКСАХ

Е. В. Борисов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются два теоретико-множественных парадокса – парадокс Бурали-Форти и парадокс Кенига – в трактовке Приста. Показано, что парадокс Кенига не является строго теоретико-множественным, потому что базируется на некоторых метатеоретических представлениях и формулируется на метаязыке. Прист считает, что парадокс Бурали-Форти не устраняется в аксиоматических теориях множеств, но воспроизводится при их интерпретации. В статье показано, что этот тезис не имеет под собой достаточного основания. Кроме того, показано, что даже если этот тезис верен, он (как и парадокс Кенига) формулируется на метаязыке и базируется на метатеоретических основаниях.

Ключевые слова: теоретико-множественные парадоксы, метаязык, метатеория, Прист.

Для цитирования: Борисов, Е. В. (2024). Прист о теоретико-множественных парадоксах. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 5-12. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.5-12

PRIEST ON SET-THEORETIC PARADOXES

E. V. Borisov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
borisov.evgeny@gmail.com

Abstract. Two set-theoretic paradoxes in Priest's interpretation are considered, viz. Burali-Forti's paradox and Koenig's one. It is argued that Koenig's paradox, strictly speaking, is not a set-theoretic one because it is based on some metatheoretic ideas, and is formulated in metalanguage. Priest holds that Burali-Forti's paradox is not fully eliminated even in axiomatic set theories and that it can be seen when set theories are interpreted. In the paper, I show that this claim is not sufficiently grounded. Moreover, it is shown that even if this claim is true, it is based on some metatheoretic ideas and formulated in metalanguage (as well as Koenig's paradox).

Keywords: set theoretic paradoxes, metalanguage, metatheory, Priest.

For citation: Borisov, E. V. (2024). Priest on Set-Theoretic Paradoxes. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 5-12. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.5-12

Введение

Один из главных философских тезисов Г. Приста состоит в том, что парадоксы коренятся не в ошибках при построении теорий, а в самой природе мышления. Поэтому

парадоксы неустраимы: ошибки можно исправить, но природа мышления неизменна¹. По мнению Приста, это относится, в частности, к теоретико-множественным парадоксам. В данной статье я показываю, что последний тезис не очевиден. На мой взгляд, некоторые парадоксы, которые Прист в «Beyond the limits of thought» [Priest, 1995] рассматривает как теоретико-множественные, выходят за рамки теории множеств, поскольку базируются на метатеоретических представлениях и формулируются на метаязыке. Это значит, что сама по себе (аксиоматическая) теория множеств от этих парадоксов свободна. В первом и втором разделах статьи представлены две схемы парадоксов, которые формулирует Прист, и с использованием этих схем описаны парадоксы Бурали-Форти и Кенига. В третьем разделе применительно к этим парадоксам доказан приведенный выше тезис.

1. Схема Рассела и парадокс Бурали-Форти

Схема Рассела [Priest, 2008, p. 142] представляет собой конъюнкцию следующих трех положений²:

- (1) существует $\Omega = \{y : \varphi(y)\}$;
- (2) если $x \subseteq \Omega$, то $\delta(x) \notin x$;
- (3) если $x \subseteq \Omega$, то $\delta(x) \in \Omega$.

Здесь δ – это функция от булеана Ω к Ω , т. е. функция, отображающая подмножества Ω на элементы Ω . Прист дает положениям, содержащимся в этой схеме, названия: (1) он называет положением о существовании, (2) – положением о трансценденции (в том смысле, что $\delta(x)$ не лежит в x), (3) – положением о замкнутости (в том смысле, что Ω замкнуто относительно δ). Схема Рассела представляет собой противоречивое множество утверждений: подставив Ω вместо x в (2) и (3), мы получим $\Omega \subseteq \Omega \rightarrow \delta(\Omega) \notin \Omega$ и $\Omega \subseteq \Omega \rightarrow \delta(\Omega) \in \Omega$, и поскольку антецедент этих импликаций является теоретико-множественной теоремой, мы получаем противоречие $\delta(\Omega) \notin \Omega$ и $\delta(\Omega) \in \Omega$.

Прист показывает, что некоторые парадоксы наивной теории множеств являются экземплярами этой схемы. Проиллюстрируем этот тезис на примере парадокса Бурали-Форти. Парадокс состоит в следующем. В наивной теории множеств (1) для каждого ординала x существует ординал y , такой, что x меньше y^3 . С другой стороны, класс всех ординалов (будем, по сложившейся традиции, обозначать его On) – это ординал, и поскольку On содержит все ординалы, (2) не существует ординала y , такого, что On меньше y . Как видим, (2) противоречит (1). Этот парадокс возникает в результате следующих подстановок в схему Рассела:

---

¹ Это главный тезис его монографии «Beyond the limits of thought» [Priest, 1995] (в переводе В. В. Целищева «За пределами мысли» [Прист, 2022]). Этот тезис составляет философскую мотивацию разработанной Пристом «Логики парадокса». Логика парадокса – это параконсистентная логика, которая допускает противоречие и поэтому может адекватно моделировать (как минимум некоторые) рассуждения [Priest, 2008, ch. 7, 21; Priest, 1995, pp. 188-194].

² Я несколько изменил нумерацию положений.

³ Отношение «меньше» между ординалами – это отношение принадлежности, т. е. фраза « x меньше y » означает, что $x \in y$.

- φ – это свойство быть ординалом;
- соответственно, Ω – это класс всех ординалов;
- δ определяется следующим образом: если $x \subseteq \Omega$, то $\delta(x)$ – это наименьший ординал y , такой, что все элементы x меньше y ⁴.

2. Схема Приста и парадокс Кенига

Схема Приста [Priest, 1995, p. 147] представляет собой модификацию схемы Рассела, состоящую в следующем: она применяется, только если класс Ω и его релевантные подклассы имеют свойство ψ :

- (1) существует $\Omega = \{y : \varphi(y)\}$, и $\psi(\Omega)$;
- (2) если $x \subseteq \Omega$ и $\psi(x)$, то $\delta(x) \notin x$;
- (3) если $x \subseteq \Omega$ и $\psi(x)$, то $\delta(x) \in \Omega$ ⁵.

Если на место ψ подставить какое-нибудь свойство, которым обладают все классы (например, $\lambda x.x=x$, т. е. свойство быть равным себе), то схема Приста будет сведена к схеме Рассела (т. е. каждое положение схемы Приста окажется эквивалентным соответствующему положению схемы Рассела). Таким образом, схему Приста можно рассматривать как обобщение схемы Рассела.

Прист иллюстрирует эту схему на примере парадокса Кенига. Этот парадокс состоит в следующем. Некоторые ординалы имеют определения на русском языке. Например:

- 0 – это наименьший ординал;
- 2 – это ординал, следующий за ординалом, следующим за наименьшим ординалом;
- ω – это наименьший непустой ординал, не имеющий предшественника.

То же можно сказать о классах ординалов. Например, $\{\omega\}$ – это синглетон, содержащий наименьший непустой ординал, не имеющий предшественника.

Определение на русском языке – это конечная последовательность слов, при этом русский язык содержит конечное множество слов. Из этого следует, что множество определений на русском языке является не более, чем счетным⁶. Но класс ординалов является более, чем счетным, следовательно, класс ординалов, имеющих определение на русском языке – это собственный подкласс класса всех ординалов. Иначе говоря, существуют ординалы, не имеющие определения на русском языке. Ниже я буду говорить «определимый ординал» в смысле «ординал, имеющий определение на русском языке»; аналогично буду употреблять термин «неопределимый ординал». Обозначим класс неопределимых ординалов X . Любой непустой класс ординалов имеет наименьший элемент, и поскольку X не пуст, у него есть наименьший элемент; обозначим его y . Итак, y – это

---

⁴ Функция δ определена для любого множества ординалов. Это следует из следующих теорем: 1) для любого множества ординалов x существует ординал y , такой, что все элементы x меньше y ; 2) в любом непустом множестве ординалов существует наименьший элемент.

⁵ Нумерация положений изменена так же, как в схеме Рассела. Прист называет эту схему «the inclosure schema» (в переводе В. В. Целищева «схема вложения»).

⁶ Конечно, оно и не менее, чем счетно. Это следует уже из того, что на русском языке можно выразить любое натуральное число. Следовательно, по-русски можно, например, сформулировать фразу « n -ый ординал» для любого натурального n .

наименьший элемент X , т. е. наименьший элемент класса неопределимых ординалов. В предыдущем предложении я на (не вполне изящном, но, надеюсь, правильном) русском языке определил ординал y , который принадлежит классу X , а значит, является неопределимым. Противоречие.

Парадокс Кенига получается из схемы Приста посредством следующих подстановок:

- φ – это свойство быть определимым ординалом;
- соответственно, Ω – это класс всех определимых ординалов;
- ψ – это свойство быть определимым классом ординалов;
- δ определяется следующим образом: если $x \subseteq \Omega$, то $\delta(x)$ – это наименьший ординал y , такой, что все элементы x меньше y .

Подставив Ω вместо x в (2) и (3), мы получим $(\Omega \subseteq \Omega \ \& \ \psi(\Omega)) \rightarrow \delta(\Omega) \notin \Omega$ и $(\Omega \subseteq \Omega \ \& \ \psi(\Omega)) \rightarrow \delta(\Omega) \in \Omega$. Поскольку мы определили Ω как класс определимых ординалов, Ω определимо, т.е. мы имеем $\psi(\Omega)$. И поскольку $\Omega \subseteq \Omega$, получаем $\Omega \subseteq \Omega \ \& \ \psi(\Omega)$ и, по modus ponens, $\delta(\Omega) \notin \Omega$ и $\delta(\Omega) \in \Omega$, т. е. получаем противоречие.

Отмечу, что парадокс Кенига не является экземпляром схемы Рассела [Priest, 1995, p. 147]. Дело в том, что, если мы, говоря о подклассах Ω , не будем принимать во внимание, имеют ли они свойство ψ , мы не докажем (3) в схеме Рассела: если $x \subseteq \Omega$, то $\delta(x) \in \Omega$. В самом деле, пусть $x \subseteq \Omega$. Если x – определимый класс, то $\delta(x)$ легко определить: это наименьший ординал, не лежащий в x . Но если x неопределим, то нет гарантии, что $\delta(x)$ допускает определение (хотя, конечно, $\delta(x)$ существует). Таким образом, конъюнкт $\psi(x)$ необходим в антецеденте (3). Поскольку же (2) и (3) должны иметь один и тот же антецедент, данный конъюнкт необходим и в антецеденте (2). Наконец, поскольку для получения противоречия мы подставляем Ω вместо x в (2) и (3), нам необходимо условие, что Ω имеет свойство ψ . Таким образом, парадокс Кенига показывает, что схема Рассела имеет ограниченное применение; этим мотивировано ее обобщение до схемы Приста.

3. Парадоксы, метаязыки и метатеории

Парадокс Кенига имеет место не в (той или иной версии) теории множеств, но в более широком теоретическом комплексе, который включает теорию множеств (в той или иной версии) и некоторую теорию языка, на котором строится теория множеств (в изложенном выше варианте парадокса использовался русский язык). Дело в том, что «определение» и «определимость» – это не теоретико-множественные понятия, и говоря об определимости ординалов и классов ординалов, мы не только используем теоретико-множественный язык, но и говорим о нем как об объекте. Таким образом, парадокс Кенига формулируется на метаязыке, для которого язык теории множеств является объектным, и с использованием некоторых тезисов об объектном языке (например, выше использовался тезис, что на объектном языке существует не более, чем счетное множество определений).

Парадокс Бурали-Форти устраняется в аксиоматических теориях множеств, таких как теория Цермелло – Френкеля и теория фон Неймана – Бернаиса – Геделя (NBG). Прист находит эти решения неубедительными, поскольку полагает, что в этих теориях парадокс имплицитно воспроизводится [Priest, 1995, pp. 173-174, 179-182]. Ниже я покажу, что когда Прист демонстрирует имплицитное присутствие парадокса Бурали-Форти в аксиоматических решениях, он использует не только теорию множеств,

но и ее интерпретацию на метаязыке, поэтому парадокс, который выявляет Прист, уже не является теоретико-множественным. Я разверну этот аргумент на примере NBG [см., например: Adamson, 1998].

В NBG парадокс Бурали-Форти устраняется следующим образом. В этой теории допускается существование классов, которые не принадлежат другим классам. Соответственно, классы делятся на множества и собственные классы: класс x называется множеством, если $x \in y$ для некоторого y , и класс называется собственным классом, если он не является множеством. Ординал, который является множеством, называется ординальным числом. Класс всех ординальных чисел (On) – это ординал, но не ординальное число (если бы он был ординальным числом, он принадлежал бы себе, но в NBG ни один класс себе не принадлежит). Таким образом, в NBG существует бесконечно много ординальных чисел и единственный ординал, который не является ординальным числом (On). Тот факт, что On является собственным классом, блокирует парадокс Бурали-Форти. В самом деле: On – это наименьший ординал, который больше всех своих элементов, следовательно, $\delta(On) = On$ ⁷. Однако $On \notin On$, следовательно, $\delta(On) \notin On$. Этот результат опровергает тезис о замкнутости On относительно δ , т. е. положение (3) схемы Рассела.

Прист выдвигает против этого способа устранения парадокса следующий аргумент. В NBG мы используем переменные, которые пробегают по всем классам, т. е. их значениями могут быть как множества, так и собственные классы. Неограниченный пробег переменных необходим для доказательства универсальных теорем, таких как $\forall x x=x$. Соответственно, если мы хотим интерпретировать NBG как первопорядковую теорию, мы должны построить модель $\langle D, I \rangle$ как упорядоченную пару, содержащую домен (D) и функцию интерпретации нелогических символов (I). При этом домен – это класс, который должен содержать все возможные значения переменных, в частности, собственные классы [Priest, 1995, pp. 139, 181]. Это, по мнению Приста, противоречит тезису, что собственные классы не принадлежат другим классам.

Здесь следует обратить внимание на то, что приведенный аргумент Приста имеет семантический характер: Прист рассматривает интерпретацию языка NBG, соотнося его с некоторой моделью. Но интерпретация языка NBG осуществляется на метаязыке в рамках некоторой метатеории, которая позволяет рассматривать язык NBG как объект. Из этого следует две вещи: 1) тезис Приста, что при интерпретации NBG возникает противоречие, не очевиден: он базируется на посылке, что используемая модель должна описываться интерпретируемой теорией, но этот тезис требует отдельного обоснования, которого Прист не дает; 2) даже если при интерпретации NBG противоречие возникает, это еще не означает, что противоречива NBG: это может говорить о противоречивости метатеории, в рамках которой строится модель.

Приведу еще один (не главный) аргумент Приста. Он предлагает рассмотреть совокупность всех ординалов как единство и обозначает эту совокупность как $On \cup \{On\}$. Но в NBG, по его мнению, такой класс не существует [Priest, 1995, p. 181]. Это ошибка: в NBG для любого класса x существует синглетон $\{x\}$, даже если x – собственный класс; при этом, если x – собственный класс, $\{x\} = \emptyset$. В частности, существует $\{On\}$, а значит, существует

---

⁷ Строго говоря, в NBG собственный класс не может быть аргументом или значением функции, поэтому здесь выражение « $\delta(x)$ » можно понимать как сокращение для «наименьший ординал, который больше всех элементов x ».

и $On \cup \{On\}$, и поскольку $\{On\} = \emptyset$, $On \cup \{On\} = On$. Эту ошибку легко исправить: очевидно, Прист хочет рассмотреть некоторый класс, который содержит все ординальные числа, а также On . Поскольку в NBG такого класса не существует, получается, что Прист здесь руководствуется некоторой метатеоретической интуицией. Предположим, эту интуицию можно развить в теорию, и в этой теории можно построить объект с указанными свойствами. Тогда в этой теории, видимо, будет воспроизведен парадокс Бурали-Форти. Можно ли построить такого рода теорию, это открытый вопрос, но важно то, что, если ее построить можно, это будет *другая* теория – не NBG.

Как видим, оба аргумента Приста формулируются на метаязыке и базируются на некоторых метатеоретических предпосылках⁸.

Заключение

Парадоксы существуют в контексте теорий или (более или менее формализованных) систем представлений. Парадокс Кенига формулируется с использованием понятия определимости, которое не является понятием теории множеств, следовательно, этот парадокс не является сугубо теоретико-множественным. Парадокс Бурали-Форти в аксиоматических теориях множеств (в частности, в NBG) устранен. Тезис Приста, согласно которому этот парадокс воспроизводится в интерпретации NBG, не имеет под собой достаточного основания. Кроме того, он сформулирован на метаязыке на основе метатеоретических (семантических) представлений, поэтому даже если он верен, парадокс уже не является чисто теоретико-множественным. Это позволяет (вопреки Присту) предположить, что теория множеств может быть свободной от парадоксов.

Список литературы / References

Андрушкевич, А. Г. (2023). Действительно ли необходим запрет на самореференцию? *Эпистемология и философия науки*. Т. 60. № 3. С. 61-67. DOI: 10.5840/eps202360341.

Andrushkevich, A. G. (2023). Is the Ban of Self-Reference Really Necessary? *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 60. No. 3. Pp. 61-67. DOI: 10.5840/eps202360341. (In Russ.)

Ладов, В. А. (2023а). О принципе единого решения парадоксов. *Эпистемология и философия науки*. Т. 60. № 3. С. 17-30. DOI: 10.5840/eps202360336.

---

⁸ В 2023 г. в «Эпистемологии и философии науки» состоялась панельная дискуссия по вопросу о генезисе парадоксов (в том числе теоретико-множественных). Участники дискуссии обсудили предложенную Ладовым [Ладов, 2023а; Ладов, 2023б] концепцию, согласно которой необходимым условием теоретико-множественных парадоксов является автореферентность, а достаточным условием всех парадоксов, кроме парадокса Бурали-Форти, является негативный характер свойства, по которому определяется релевантный объект [Андрушкевич, 2023; Нехаев, 2023; Олейник, 2023; Суровцев, 2023, Целищев, 2023]. В своем анализе парадоксов Ладов не учитывает их метатеоретические основания и метаязыковой характер их формулировок. На мой взгляд, это как минимум требует уточнения его аргументации. Я планирую более детально обсудить концепцию Ладова и некоторые тезисы, высказанные участниками дискуссии, в одной из последующих публикаций.

Ladov, V. A. (2023a). On the Principle of Uniform Solution to Paradoxes. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 60. No. 3. Pp. 17-30. DOI: 10.5840/eps202360336. (In Russ.)

Ладов, В. А. (2023b). О парадоксах: ответ оппонентам. *Эпистемология и философия науки*. Т. 60. № 3. С. 68-76. DOI: 10.5840/eps202360342.

Ladov, V. A. (2023b). On Paradoxes. Reply to Critics. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 60. No. 3. Pp. 68-76. DOI: 10.5840/eps202360342. (In Russ.)

Нехаев, А. В. (2023). Что значит быть лысым и лжецом: новая опция унифицированного подхода к парадоксам. *Эпистемология и философия науки*. Т. 60. № 3. С. 48-54. DOI: 10.5840/eps202360339.

Nekhaev, A. V. (2023). What Does it Mean to Be Bald and a Liar? A New Option for a Unified Approach to Paradoxes. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 60. No. 3. Pp. 48-54. DOI: 10.5840/eps202360339. (In Russ.)

Олейник, П. И. (2023). О роли существования парадоксов в программе философии математики неологизма. *Эпистемология и философия науки*. Т. 60. № 3. С. 55-60. DOI: 10.5840/eps202360340.

Oleinik, P. I. (2023). On the Role of the Existence of Paradoxes in the Program of the Philosophy of Mathematics of Neologicism. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 60. No. 3. Pp. 55-60. DOI: 10.5840/eps202360340. (In Russ.)

Прист, Г. (2022). *За пределами мысли*. Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+.

Priest, G. (2022). *Beyond the Limits of Thought*. Tselishchev, V. V. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Суровцев, В. А. (2023). Б. Рассел, Г. Прист и принцип единого решения логико-семантических парадоксов. *Эпистемология и философия науки*. Т. 60. № 3. С. 38-47. DOI: 10.5840/eps202360338.

Surovtsev, V. A. (2023). B. Russell, G. Priest and the Principle of Uniform Solution to Logical and Semantical Paradoxes. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 60. No. 3. Pp. 39-47. DOI: 10.5840/eps202360338. (In Russ.)

Целищев, В. В. (2023). Поиски единообразного решения парадоксов: иллюзия простоты. *Эпистемология и философия науки*. Т. 60. № 3. С. 31-38. DOI: 10.5840/eps202360337.

Tselishchev, V. V. (2023). The Search for a Uniform Solution to Paradoxes: the Illusion of Simplicity. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 60. No. 3. Pp. 31-38. DOI: 10.5840/eps202360337. (In Russ.)

Adamson, I. (1998). *A Set Theory Workbook*. Boston, Basel, Berlin. Birkhäuser.

Priest, G. (1995). *Beyond the Limits of Thought*. Cambridge. Cambridge University Press.

Priest, G. (2008). *An Introduction to Non-Classical Logic. From If to Is*. Cambridge. Cambridge University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Борисов Евгений Васильевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

После доработки: 16.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Borisov Evgeny – Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

The paper was submitted: 11.08.2024

Received after reworking: 16.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024

УДК 1 (091)

ПЛАТОН И ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ*

В. В. Бровкин

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (г. Калининград),
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vbrovkin1980@gmail.com

Аннотация. Установлено, что у Платона просматривается двойственное отношение к традиционным религиозным представлениям. С одной стороны, он выступает с защитой церемониально-обрядовой стороны олимпийской религии и положительных мифов о богах. С другой стороны, Платон выступает с критикой ложных мифов, изображающих порочные деяния богов. Учение Платона о переселении душ также свидетельствует о расхождении с традиционными религиозными представлениями. Во взглядах Платона проявилось стремление к реформированию олимпийской религии с целью ее укрепления. Данное стремление явилось реакцией на ослабление религиозных и моральных норм в греческом обществе в период поздней классики. В то же время представление Платона о том, что боги не являются источником зла для человека, могло сыграть определенную роль в развитии античного атеизма.

Ключевые слова: Платон, олимпийская религия, ложные мифы о богах, переселение душ, ослабление религиозных и моральных норм, античный атеизм.

Для цитирования: Бровкин, В. В. (2024). Платон и традиционные религиозные представления. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 13-27. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.13-27

PLATO AND TRADITIONAL RELIGIOUS BELIEFS*

V. V. Brovkin

Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad),
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vbrovkin1980@gmail.com

Abstract. It is established that Plato has an ambivalent attitude towards traditional religious beliefs. On the one hand, he defends the ceremonial and ritual side of the Olympic religion and the positive myths about the gods. On the other hand, Plato criticizes false myths that depict the vicious deeds of the gods. Plato's teaching on the transmigration of souls also indicates a discrepancy with traditional religious beliefs. Plato's views expressed a desire to reform the Olympic religion in order to strengthen it. This aspiration was a reaction to the weakening of religious and moral norms in Greek society during the late Classical period. At the same time, Plato's idea that the gods are not a source of evil for man could play a role in the development of ancient atheism.

Keywords: Plato, the Olympic religion, false myths about the gods, the transmigration of souls, the weakening of religious and moral norms, ancient atheism.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-18-00025 «Античные мистериальные культы и греческая философия: орфика, пифагореизм, герметика, платонизм».

* The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation in the framework of the scientific project No. 22-18-00025 "Ancient Mystery Cults and Greek Philosophy: Orphica, the Pythagoreanism, Hermetica, Platonism".

For citation: Brovkin, V. V. (2024). Plato and Traditional Religious Beliefs. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 13-27. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.13-27

Введение

В данной статье мы рассмотрим вопрос об отношении Платона к традиционным религиозным представлениям. При первом взгляде на данный вопрос может сложиться впечатление некоторой несогласованности во взглядах Платона. В своих диалогах Платон часто касается религиозной тематики, но если в одних его рассуждениях просматривается защита традиционных религиозных представлений, то в других – их явная или косвенная критика. Исследователи уже давно обратили внимание на данную особенность теологии Платона. В. Буркерт полагает, что Платон пытается объединить религию и философию. Платон создает просвещенное благочестие, при котором разум не противостоит божественной сфере, а дополняет ее. Более того, в «Законах» Платона «решительно отрицается невозможность объединить философскую и традиционную религии» [Буркерт, 2004, с. 568]. В позднем творчестве Платона «традиционная полисная религия есть нечто столь же естественное, сколь и живое» [Там же, с. 564]. Согласно Ф. Солмсену, провозгласив существование астральных богов, Платон столкнулся с серьезным вопросом: «Как эти обожествленные небесные тела могли бы взять на себя политическую функцию олимпийских богов, то есть выступать в качестве хранителей закона и морали, санкционировать политические институты и обеспечивать религиозную связь между политическим сообществом» [Solmsen, 1936, p. 218]. По мнению Ф. Солмсена, астральная теология Платона способствовала не возрождению традиционной религии греков, а подготовке почвы «для эллинистической теологии и религиозности» [Ibid.].

Г. В. Риль же полагает, что Платон пытается связать свою теологию и метафизику с традиционными религиозными представлениями. Платон критикует поэтов из-за их рассказов о богах и запрещает поэзию в своем государстве. Но Платон отвергает идею вмешательства государства в религиозные вопросы. Религиозные представления опираются на традиции предков, и никто не имеет права их изменять [Riel, 2013, pp. 6-11]. Подчеркивание Платоном моральной чистоты богов также является не столько критикой антропоморфизма, сколько реакцией на неблагородное изображение богов поэтами [Ibid., p. 27]. Согласно Г. В. Риллю, было бы упрощением полагать, что «Платон заменяет традиционных богов небесными или что его теология основана на астральной религии» [Ibid., p. 59]. Платон не заменяет традиционных богов астральными. Важное значение традиционных богов у Платона сохраняется. По мнению Платона «боги имеют разную внешность, что может связывать их не только с планетами, но и с антропоморфными описаниями» [Ibid., p. 59].

Как отмечает Р. В. Светлов, Платон оказался перед непростой задачей. С одной стороны, он стремился к укреплению религии в целях воспитания законопослушных граждан и охранения ее от разрушительных последствий афинского «вольнодумства» [Светлов, 2016, с. 213]. С другой стороны, Платон «пытался создать некоторую нормативную и максимально рационализированную теологию», которая бы соотносилась с его философией [Там же, с. 213]. Согласно Р. В. Светлову, решение этой задачи привело Платона к созданию той рациональной теологии, которая была основана на доказательстве божественной сферы

и вместе с тем очищении от всех «противоречий и глупостей народной религии» [Светлов, 2019, с. 14]. Р. В. Светлов заключает, что, по мнению Платона, приобщение к религиозной сфере «требует от нас как умного делания (то есть занятий философией), так и соблюдения неких обрядов, которые, как минимум, подчеркивают нашу социальную ответственность (“Законы”» [Там же, с. 14]. И. Деретич обращает внимание на то, что платоновская критика религии была связана с его представлением о мифах. Платон критикует традиционные мифы о богах, в которых последние изображаются порочными антропоморфными существами. Поскольку, как полагает Платон, данное изображение не соответствует подлинной природе богов, то такие мифы признаются ложными и опасными. Как отмечает И. Деретич, традиционным мифам о богах Платон пытается противопоставить свой проект новой «философской мифологии» [Deretic, 2020, с. 442].

Защита Платоном традиционных религиозных представлений

В наиболее явном виде защита Платоном олимпийской религии представлена в «Законах». Как известно, в этом диалоге Платон высказывает не такие радикальные идеи как в «Государстве». Взгляды Платона об обществе, политике, морали, религии в «Законах» отличаются консерватизмом и традиционализмом. В этом диалоге неоднократно звучат слова о том, что «бог управляет всем (ὡς θεὸς μὲν πάντα)», «бог – истинный владыка разумных людей» и «боги заслуживают наибольшего почета (τιμῶν)» [Платон, 2007б, с. 195, 200, 215]. Главный персонаж этого диалога афинянин выступает с критикой религиозного релятивизма софистов: «Пусть у нас мерой всех вещей будет главным образом бог (θεός), гораздо более, чем какой-либо человек, вопреки утверждению некоторых» [Там же, с. 205]. Афинянин призывает искать расположения богов. С этой целью человек «непременно должен насколько возможно» уподобиться богу [Там же, с. 205]. Представления Платона о религии неразрывно связаны с моралью. Нет ничего удивительного в том, что на отношения человека с богами Платон смотрит через призму нравственности. Целью поклонения олимпийским богам для Платона является нравственное совершенствование человека. Афинянин подчеркивает, что «кто из нас рассудителен (σώφρων), тот и любезен богу (θεῷ φίλος), ибо подобен ему; а кто не рассудителен, тот ему не подобен и, наоборот, отличен от него и несправедлив (ἄδικος)» [Там же, с. 205].

Платон одобряет участие граждан в религиозных действиях и церемониях. Большое значение в идеальном государстве Платон придает благочестию (εὐσέβεια). Поклонение богам призвано поддерживать в обществе высокие моральные нормы. Платон полагает, что хорошие люди имеют полное право обращаться к богам за помощью. Добродетельные люди не должны терять надежду на то, что «бог уменьшит трудности, выпадающие на долю каждого, изменит к лучшему теперешнее положение и дарует им на доброе счастье всевозможные блага, противоположные прежним бедам» [Там же, с. 222]. Та поддержка, которую Платон выражает религиозному культу, связана с его стремлением к укреплению нравственности среди граждан. «Прекраснейшим» (καλός) и «вернейшим» (ἀληθής) из всех афинянин называет следующее правило (λόγος): «Для хорошего человека в высшей степени прекрасно, хорошо и полезно во имя счастливой жизни (εὐδαίμονα) совершать жертвоприношения (θύειν) богам, общаться с ними путем молитв, приношений и всякого иного служения (προσομιλεῖν ἀεὶ τοῖς θεοῖς εὐχαῖς καὶ ἀναθήμασιν): ему это особенно подобает»

[Там же, с. 205]. Тесная связь между религией и моралью хорошо видна в рассуждении афинянина о том, что душа дурного человека нечиста и, следовательно, принимать дары от него не следует ни доброму человеку, ни богу. Как говорит афинянин, «поэтому служение богам со стороны людей нечестивых тщетно, со стороны же благочестивых – очень уместно» [Там же, с. 205]. Приверженность Платона религиозным традициям древних греков можно обнаружить в словах афинянина о том, кому и в какой степени следует оказывать священные почести. «Благочестивой цели», как говорит афинянин, «вернее достигнет тот», кто высшие почести будет оказывать Олимпийским богам (Ολυμπίους) и богам – охранителям государства (πόλις ἔχοντας θεούς), далее будет почитать подземных богов, после них – гениев, героев, родовых богов, родителей и предков [Там же, с. 205-206]. Также показательным является рассуждение афинянина о похоронах родителей, которые лучше всего проводить в соответствии с принятыми обычаями, не отклоняясь от того, «что было установлено в отношении своих родителей нашими предками» [Там же, с. 206].

Поддержка Платоном традиционных религиозных представлений выражается в его рассуждениях о тех традициях, которые следует соблюдать при основании нового государства. В данном вопросе Платон настаивает на полном соблюдении тех правил, которые установились у греков с древних времен. Как говорит афинянин, при основании нового государства не следует нарушать ничего, что касается богов и святынь: «Какие именно, каким богам должны быть воздвигнуты святилища в государстве и именем каких богов или демонов будут они называться, во всем этом надо следовать Дельфам, Додоне, Аммону или же убедительным древним сказаниям о бывших знамениях и божественных наитиях» [Там же, с. 229]. Афинянин ссылается на силу традиций, говоря о том, что люди, «веря в это, устанавливали жертвоприношения (θυσίας), сопряженные с таинствами (τέλεταις), либо местные, либо Тирренские или Кипрские, наконец, заимствованные еще откуда-нибудь» [Там же, с. 229]. Люди освящали божественные речения, статуи, алтари, храмы и отводили каждому из богов священные участки. Платон полагает, что при основании идеального государства следует строго придерживаться древних традиций. В частности, «прежде всего надо установить святилище Гестии, Зевса и Афины» [Там же, с. 237]. Также необходимо «каждой части граждан дать особого бога, демона или героя» [Там же, с. 229].

Особое рвение в защите традиционных религиозных представлений у Платона проявляется при рассуждении о месте религии в идеальном государстве. Согласно Платону, государство должно быть разделено на двенадцать частей (филы), каждая из которых должна быть посвящена одному из главных богов. После этого должны быть воздвигнуты алтари богам и учреждены жертвенные собрания. При этом «эти собрания должны совершаться, во-первых, во имя милости богов и всего божественного», и уже во вторую очередь ради дружеского общения [Там же, с. 266-267]. Должен быть установлен строгий порядок в священнодействиях, будь то жертвоприношения, прорицания, хороводы, песнопения. Все празднества, мусические и гимнастические состязания должны быть посвящены богам. Граждане, в соответствии с установленными законами, должны «воспевать гимны богам и хвалебные песни вместе с молитвами (ὑμνοὶ θεῶν καὶ ἐγκώμια κεκοινωνημένα εὐχαΐς)» [Там же, с. 302]. Гражданам разрешается просить богов о милости. Храмы должны быть возведены вокруг торговой площади, а рядом с ними должны быть расположены помещения для правителей и суда: «Там-то как в самых священных местах и будет вершиться правосудие частью постольку, поскольку жалобы касаются благочестия, частью же потому, что рядом

находятся храмы соответствующих богов» [Там же, с. 275]. Весьма показательным является закон о посещении гражданами идеального государства других стран. Платон выступает за государство изоляционистского типа. По его мнению, для сохранения законов в государстве посещение его гражданами других стран представляет большую опасность. Единственное исключение – это посещение общегреческих священных мест и участие в состязаниях: «В Пифийский храм Аполлона, в Олимпию к Зевсу, в Немею и на Истм надо для участия в жертвоприношениях (θυσίῳν) и состязаниях в честь этих богов посылать людей по мере сил в самом большом количестве» [Там же, с. 488].

Отдельного упоминания заслуживает мнение Платона о преступлениях против богов. Говоря о преступлениях, Платон отмечает, что самый тяжелый их вид – это святотатство (ιεροσυλία). Наказанием за похищение священных предметов для граждан должна быть смерть, для неграждан – телесное наказание и изгнание. Но на этом Платон не останавливается и подробно рассматривает другие виды преступлений против богов. Афинянин говорит, что существует три вида оскорбления богов (θεοῦς ὕβρις): отрицание существования богов; признание богов, но отрицание их вмешательства в человеческие дела; мнение о том, что богов можно склонить в свою пользу и умиловить жертвами и молитвами. Как говорит афинянин, тех, кто высказывает подобные взгляды, необходимо переубедить. Участники диалога прикладывают немалые усилия, доказывая бытие богов, их благотворное влияние на жизнь людей и невозможность их подкупить. Однако, если сторонника подобных взглядов не удастся увещать и переубедить, то его следует судить и подвергнуть наказанию. В зависимости от степени вины, нечестивца могут приговорить к смертной казни или тюремному заключению. Суровость наказаний за религиозное инакомыслие свидетельствует о непреклонности Платона в деле защиты религии.

Положительное отношение к традиционным религиозным представлениям, которое Платон демонстрирует в «Законах», на наш взгляд, тесно связано с его мнением о том, что он называет стародавними законами (πατρίους νόμους). Согласно Платону, это древние обычаи, которые связывают любой государственный строй. Эти «чрезвычайно древние узаконения (πάτρια καὶ παυτάλασιν ἀρχαῖα νόμια)» при правильном их установлении могут быть «в высшей степени спасительным (σωτηρία) покровом для современных им писаных законов» [Там же, с. 291]. Если, как полагает Платон, отменить эти древние установления, то и все последующие законы обрушатся. Данная мысль объясняет приверженность Платона многочисленным древним законам и обычаям. Без их сохранения государство не сможет быть прочным и устойчивым. Таким образом, в «Законах» Платон выступает в роли убежденного защитника традиционных религиозных представлений. Складывается впечатление, что философ однозначно выступает за сохранение и укрепление культа олимпийских богов. Однако, как мы покажем далее, во взглядах Платона можно обнаружить и критическое отношение к традиционным религиозным представлениям. С этой целью обратимся к другому диалогу Платона – «Государству».

Критика Платоном традиционных религиозных представлений

В «Государстве» Сократ поднимает вопрос о воспитании стражей. Данный вопрос, согласно Сократу, является исключительно важным, поскольку от того, как будут воспитаны стражи, зависит устойчивость государства и сохранение законности. Воспитание должно

быть двояким – гимнастическим (γυμναστικός) и мусическим (μουσική). Особое внимание Сократ уделяет рассмотрению той части мусического искусства, которое связано со словесностью (λόγος). В последней Сократ выделяет два вида – истинный (ἀληθής) и ложный (ψεῦδος). С раннего детства, как говорит Сократ, детям рассказывают мифы (μῦθος), но «это, вообще говоря, ложь (ψεῦδος)» [Платон, 2007а, с. 168]. О каких мифах идет речь? Сократ прямо говорит, что это те мифы, «которые рассказывали Гесиод, Гомер и остальные поэты»: «Составив для людей лживые сказания, они стали им их рассказывать, да и до сих пор рассказывают» [Там же, с. 169]. В первую очередь Платон обвиняет создателей мифов не в том, что их мифы являются вымыслом, а в том, что они являются вредным вымыслом. Гесиод, Гомер и другие поэты, как говорит Сократ, заслуживают упрека в том, что их «вымысел неудачен» [Там же, с. 169]. Поэты изображают богов в дурном свете, наделяя их отрицательными качествами. Рассказы о порочных деяниях богов, по мнению Сократа, способны оказать крайне негативное влияние на души молодых людей. Опасность заключается в том, что рассказы о многочисленных раздорах между богами и героями могут внушить недоверие у стражей к согражданам. На таких мифах невозможно вырастить и подготовить стражей, питающих дружелюбие к согражданам. По мнению Сократа, «ребенок не в состоянии судить, где содержится иносказание, а где нет, и мнения, воспринятые им в таком раннем возрасте, обычно становятся неизгладимыми и неизменными» [Там же, с. 171]. Мифы должны направлять детей к добродетели (ἀρετή). Важно подчеркнуть, что Платон открыто называет вредным вымыслом мифы, являющиеся неотъемлемой частью традиционных религиозных представлений древних греков.

Далее Сократ заявляет о том, что в действительности боги не такие, какими их представляет большинство. Бог, согласно Сократу, «благ по существу» и поэтому не может творить зло и причинять вред [Там же, с. 171]. Бог является причиной только блага (ἀγαθόν), к злу он не имеет никакого отношения. Как утверждает Сократ, «бог, раз он благ, не может быть причиной всего вопреки утверждению большинства» [Там же, с. 172]. Сократ настаивает на том, что истории о богах, враждующих друг с другом и насылающих бедствия на людей, являются заблуждениями поэтов. Ничего кроме осуждения и запрета творчество Гомера, Гесиода, Эхила и других поэтов не заслуживает. Еще одним объектом критики Платона выступает представление об изменении богами своей формы и облика. Как говорит Сократ, бог может изменяться либо в силу внешних обстоятельств, либо по своему желанию. Но то, что находится в наилучшем состоянии, всего менее изменяется под воздействием внешних обстоятельств: «Все, что хорошо от природы или благодаря искусству, а также благодаря тому и другому, меньше всего подвержено изменению под воздействием иного» [Там же, с. 174]. Что касается изменения по собственной воле, то, согласно Сократу, бог как существо прекрасное и совершенное может измениться только в худшую сторону. Но бог не может добровольно принять более худшую форму, следовательно, он не может стремиться к изменению самого себя: «Очевидно, каждый из богов, будучи в высшей степени прекрасным и превосходным (κάλλιστος καὶ ἄριστος) – насколько лишь это возможно, – пребывает попросту всегда в своей собственной форме» [Там же, с. 175]. Особое возмущение у Сократа вызывает приписывание богам стремление лгать и вводить людей в заблуждение. Сократ старается доказать, что бог никого не желает обманывать. Бог не может быть неразумным или испытывать страх, поэтому у него нет никаких оснований для лжи

и обмана: «Значит, бог – это, конечно, нечто простое и правдивое (ἀπλοῦν καὶ ἀληθές) и на деле, и в слове; он и сам не изменяется и других не вводит в заблуждение ни на словах, ни посылая знамения – ни наяву, ни во сне» [Там же, с. 177].

Продолжая рассуждать о роли мифов в идеальном государстве, Платон высказывает еще более критические соображения по отношению к традиционным религиозным представлениям. Так, согласно Сократу, «кто считает Аид существующим, и притом ужасным», тот не будет чужд страха смерти и предпочтет рабство и поражение смерти в бою [Там же, с. 179]. Традиционные представления об Аиде, как говорит Сократ, пробуждают зловещие и утрашающие мысли, которые наполняют душу страхом смерти. Воспитанные на подобных представлениях стражи будут чересчур возбудимыми, чувствительными и трусливыми. Как полагает Сократ, опасность для государства представляют не только представления об Аиде, но даже отдельные слова, связанные с загробным миром. Такие слова как «Кокит», «Стикс», «покойники», «усопшие» способны вызвать страх, поэтому следует полностью отказаться и от их использования. Критика Платона касается также изображения скорбящих и причитающих богов. Особенно достается Гомеру, в произведениях которого боги и герои часто выражают скорбь, жалость и горе. Сократ прямо называет подобные рассказы дерзкими измышлениями, заслуживающими осмеяния. Если, как полагает Сократ, юноши «всерьез примут такие рассказы и не осмеют их как нечто недостойное», то они без всякого стыда и по малейшему поводу станут причитать и сокрушаться [Там же, с. 182].

Можно заметить, что Платон осуждает любое изображение слабости и порочности богов. Это может быть сильный смех, любовная страсть, корыстолюбие. Стражи должны равняться на богов, они должны брать с них пример. Поэтому неверно и нечестиво приписывать богам зло и страсти. Сократ повторяет, «что боги не могут породить зло (какὰ)» [Там же, с. 187]. Изображение богов в мифах должно преследовать единственную цель – воспитание добродетели. Платон выступает за самое решительное очищение религиозно-мифологических представлений от той их части, в которой боги наделяются человеческим страстями. Тем самым Платон ставит себя в оппозицию к традиционным религиозным представлениям, поскольку антропоморфизм богов является их неотъемлемой частью. Называя ложью значительную часть мифов, отсекая от них все рассказы, порочащие богов, Платон стремится к обновлению и укреплению религии. Но, на наш взгляд, Платон достигает скорее обратного эффекта. Резкая критика Платоном многочисленных мифов могла лишь способствовать ослаблению религиозного сознания.

Говоря о платоновской критике древнегреческой мифологии, нельзя не отметить, что она была направлена в основном на те представления, которые, по мнению философа, бросали тень на светлый образ богов. В рассуждениях Сократа проскальзывает мысль о том, что не все мифы вредны и не всегда поэты искажают образ богов. Сократ говорит об одобрении тех мифов, в которых боги предстают в качестве исключительно добродетельных и благородных существ. Только на таких мифах могут вырасти благочестивые и добродетельные стражи. Тем не менее, нельзя не признать, что взгляды Платона о религии довольно существенно расходились с теми представлениями, которые были распространены в древнегреческом обществе. Хорошо видно, что Платона не устраивает та часть мифологии, которая касается неблагоприятных деяний богов. В стремлении Платона к очищению мифологии от подобных представлений, на наш взгляд,

просматривается явное недовольство положением дел в религиозной сфере. Очевидно, что в системе общественно-политических взглядов Платона мысль о религиозной реформе занимала не последнее место.

В качестве теоретического основания критического отношения к мифам о богах у Платона выступает представление о подражательной природе искусства. Сократ говорит о том, что все вещи бывают тройными. Одни существуют в самой природе, другие являются произведениями мастеров, третьи – произведениями живописцев и поэтов. Последние, по мнению Сократа, подражают творениям мастеров. Искусство отражает не подлинное бытие, а лишь его подражание. Деятели искусства стремятся воспроизвести не действительное бытие, а только кажимость, «иначе говоря, живопись – это воспроизведение призраков (φαντάσματος)» [Там же, с. 462]. Сократ упрекает подражательное искусство (μιμητική) в том, что оно далеко от действительности и, следовательно, способно ввести людей в заблуждение. Сократ предлагает внимательно рассмотреть творчество Гомера, поскольку он считается большим знатоком человеческих и божественных дел. Сократ старается показать, что творения Гомера «второе отстоят от подлинного бытия (ἄνθος)» [Там же, с. 462]. Гомер и другие поэты не знают истины и творят призраки. Как отмечает Сократ, отсутствие учеников у Гомера, Гесиода и других поэтов говорит о том, что они не обладали знаниями. Они были несведущи в вопросах воспитания, в законодательстве и государственных делах, в добродетели, в ремеслах и изобретениях: «Все поэты, начиная с Гомера, воспроизводят лишь призраки добродетели (εἰδώλων ἀρετῆς) и всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются» [Там же, с. 465].

Большим недостатком поэзии, как и любого другого вида искусства, является ее связь с неразумной частью души. Измерение, счет и взвешивание связаны с разумным началом души. Но искусство не доверяет измерению и рассуждению. Искусство имеет дело со словами, красками, оттенками и очертаниями. Сократ делает хлесткое заявление: «Стало быть, подражательное искусство, будучи и само по себе низменным, от совокупления с низменным и порождает низменное (φαῦλη ἄρα φαῦλω συγγιγνομένη φαῦλα γεννᾷ ἢ μιμητική)» [Там же, с. 469]. Поэты стремятся достичь успеха у толпы. С этой целью они обращаются не к разумному началу души, а к ее низменной части, играя на страстях и эмоциях. Поэзия наполняет душу переменчивыми образами. Но главное обвинение, которое Сократ предъявляет поэзии, заключается в том, что «она обладает способностью портить даже настоящих людей, <...>; вот в чем весь ужас» [Там же, с. 473]. Поэзия, воспевая страсти и слабости, развращает и ослабляет душу. Поэтическое подражание питает печаль, наслаждение, гнев, скорбь, веселье. Страсти устанавливают свою власть и люди становятся хуже и несчастнее. Мусическое искусство, которое воспекает страсти, заслуживает полного изгнания из государства. Сократ одобряет только такую поэзию, которая является гимнами богам и хвалой добродетельным людям.

Стоит отметить, что Платон не только в «Государстве» критикует поэтов и многочисленные мифы о богах. В «Законах» также можно обнаружить подобные рассуждения. Согласно Платону, мифология и религия должны служить на благо государства. Последнее заключается в поддержании законности, основанной на добродетели граждан. Следовательно, по мнению Платона, мифология и религия должны содействовать воспитанию и поддержанию высоких моральных качеств у граждан. Таким образом, наиболее ценными функциями религии Платон считает воспитательную и нравственную.

Поэтическое искусство же представляет большую опасность, поскольку является подражанием и склонно к искажению истины. Как говорит афинянин, поэт, «когда садится на треножник Музы, уже не находится в здравом рассудке, но дает изливаться своему наитию, словно источнику», в результате чего «он принужден изображать людей, противоположно настроенных, и в силу этого вынужден нередко противоречить самому себе, не ведая, что из сказанного истинно, а что нет» [Платон, 2007б, с. 208]. В данном фрагменте речь идет об искаженном изображении людей, но и в изображении богов поэты часто грешат. В частности, афинянин осуждает поэтов за то, что те приписывают богам совершение краж и грабежей. Как говорит афинянин, «никто не должен дать себя убедить и обмануть ни поэтам, ни другим сочинителям басен, утверждающим, что боги совершают беззаконие» [Там же, с. 475]. По мнению Платона, даже всем поэтам, вместе взятым, нельзя доверять, когда дело доходит до изображения богов. Проблема заключается в том, что поэты приписывают богам человеческие слабости, но, как говорится в «Законах», «преимущественно человеческими по природе являются удовольствия, страдания, страсти (ἔστιν δὴ φύσει ἀνθρώπειον μάλιστα ἡδοναὶ καὶ λύπαι καὶ ἐπιθυμίαι)» [Там же, с. 222].

В «Законах» Платон не так сильно акцентирует внимание на критике поэзии и мифов о богах. Более того, в «Законах» чаще, чем в «Государстве», говорится о правильных и полезных мифах о богах. Афинянин при рассказе о происхождении государств нередко ссылается на известные мифы, отмечая, что в них есть, как минимум, доля правды. В отличие от критики гомеровской поэзии в «Государстве», в «Законах» Гомер зачастую удостоивается положительной оценки. Те мифы, в которых поэты изображают богов в положительном свете, Платон считает хорошими. Как говорит афинянин, «поэты – это божественное и вдохновенно поющее племя; нередко, под воздействием Харит и Муз, они касаются и истинных происшествий (ἀλήθειαν γιγνομένων)» [Там же, с. 162]. В отношении к мифам о богах у Платона просматривается достаточно четкая позиция. Все мифы о неблагоприятных деяниях богов Платон называет ложными и вредными. Эти мифы мало того, что являются вымыслом, так еще представляют опасность для государства, поскольку способны подтолкнуть граждан к неподобающему поведению и совершению беззаконий. В то же время, мифы, воспевающие добродетель богов, признаются Платоном истинными и очень полезными. В таких мифах, согласно Платону, боги предстают в подлинном свете. Только на правильных мифах о богах можно воспитать добродетельных граждан.

Мы полагаем, что платоновская критика древнегреческой мифологии имела далеко идущие последствия. Невольно Платон мог сыграть важную роль в становлении античного атеизма. Как мы показали выше, Платон решительно отвергает представление о том, что боги посылают людям зло. Согласно Платону, боги – это существа совершенные и благие. Людям они посылают лишь дары и блага. К человеческим бедам и злу боги не причастны. Однако в этом представлении, как мы полагаем, и скрывается важный шаг на пути к древнему атеизму. Рассмотрим в тезисном виде развитие античного атеизма. В рамках поэзии Гомера, Гесиода и в целом олимпийской религии утверждалось, что боги существуют, и что они посылают людям зло и добро. Платон заявил, что боги существуют и согласился с тем, что они являются источником блага для людей. Но он отверг представление о причастности богов к человеческим несчастьям. Прошло несколько десятилетий и уже Эпикур заявил, что боги существуют, но они не причастны не только к человеческим бедам, но и не являются источником блага для людей. Очевидно, что после этого, для полного атеизма оставалось сделать всего лишь один шаг. Необходимо было заявить, что никаких богов не существует.

Был ли сделан данный шаг – вопрос открытый. Те мыслители античного мира, которые прослыли безбожниками, – Протагор, Продик, Диагор, Феодор, Бион Борисфенский, Эвгемер, – в действительности, возможно, не являлись таковыми. Не исключено, что они не столько отрицали существование богов, сколько критиковали распространенные представления о них. Составители «списков безбожников» вполне могли не различать атеизм, религиозный скептицизм и религиозный агностицизм. Но, как бы то ни было, нельзя не признать, что для полноценного атеизма, т.е. отрицания существования богов, все необходимые шаги на теоретическом уровне были сделаны. В научной литературе традиционно принято отмечать ту роль, которую в формировании античного атеизма сыграл Эпикур. Но мы полагаем, что роль Платона могла быть также достаточно весомой. Платон обладал огромным влиянием в греческой философии. Если бы он не подверг критике мифологические представления, неизвестно, сделал бы следующий шаг Эпикур и каким образом развивалась бы критика религии в дальнейшем. Таким образом, Платона вполне можно рассматривать в качестве одного из тех философов, которые внесли определенный вклад в ослабление традиционных религиозных представлений.

Рассматривая вопрос об отношении Платона к традиционным религиозным представлениям, нельзя обойти стороной диалог «Тимей». С одной стороны, главный участник этого диалога Тимей встраивает олимпийскую мифологию в свое учение о происхождении и устройстве Вселенной. Тимей говорит о существовании двух видов богов – тех, «чье движение совершается на наших глазах», и тех, «что являются нам, лишь когда сами того пожелают» [Платон, 2007в, с. 522–523]. К числу первых Тимей относит Землю и небесные тела, к числу вторых – олимпийских богов. О последних Тимей рассуждать не берется, говоря о том, что «здесь остается только довериться тем, кто говорил об этом прежде нас; раз говорившие сами были, по их словам, потомками богов, они должны были отлично знать своих прародителей» [Там же, с. 522]. Как говорит Тимей, в этих рассказах о богах нет убедительных доказательств, но им приходится доверять, «чтобы не ослушаться закона» [Там же, с. 522]. Тимей принимает мифы о происхождении олимпийских богов: «От Геи и Урана родились Океан и Тетия, от этих двух – Форкий, Кронос с Реей и все их поколение, от Кроноса и Реи – Зевс с Герой и все те, кого мы знаем как их братьев и сестер, а уже от них – новое потомство» [Там же, с. 522].

С другой стороны, в «Тимее» активно отстаивается теория о переселении душ, которая, как известно, была не характерна для традиционных религиозных представлений древних греков. Тимей излагает теорию, согласно которой женщины и животные появились в результате духовного разложения мужчин. Так, первые женщины появились в результате перерождения трусливых и несправедливых мужчин. Незлобивые, но легкомысленные и обращенные к ощущениям мужи дали начало племени птиц. От наиболее чуждых философии и приземленных людей произошли сухопутные животные. Еще менее разумные стали пресмыкающимися. Души самых невежественных людей дали начало различным существам, живущим в воде. Согласно Тимею, «сообразно этому все живые существа и поныне перерождаются (μεταβαλλόμενα) друг в друга, меняя облик по мере убывания или возрастания своего ума или глупости» [Там же, с. 587]. Следует добавить, что тема метемпсихоза рассматривается не только в «Тимее», но и в других важнейших диалогах Платона. В «Государстве» Сократ рассказывает миф об Эре. Со слов Сократа, оказавшись в загробном мире, Эр наблюдал за тем, как души умерших людей выбирали себе новую жизнь. Сообщается, что как души людей переходили в новые тела людей и зверей,

так и «души разных зверей <...> переходили (μεταβάλλοντα) в людей и друг в друга, несправедливые – в диких, а справедливые – в кротких; словом, происходили всевозможные смешения» [Платон, 2007а, с. 492].

В «Федоне» Сократ доказывает, что душа бессмертна и неуничтожима. Одной из важнейших тем, которую обсуждают Сократ и его собеседники, является переселение душ. Сократ постоянно возвращается к мысли о том, что человеческая душа после смерти тела и пребывания в Аиде переселяется в новое тело: «Раз наша душа существовала ранее, то, вступая в жизнь и рождаясь, она возникает неизбежно и только из смерти, из мертвого состояния. Но в таком случае она непременно должна существовать и после смерти: ведь ей предстоит родиться снова» [Платон, 2007г, с. 42]. Также Сократ высказывает уже известное мнение о том, как на жизнь человека влияет прошлое его души. Предававшиеся чревоугодию и пьянству в новой жизни будут ослами. Те, кто в прошлой жизни вел несправедливую, властолюбивую и хищническую жизнь, переродятся в волков, ястребов или коршунов. Те, кто преуспели в гражданской жизни, в новой жизни окажутся пчелами, муравьями, а возможно вернуться к человеческому роду. Те же, кто посвятил свою жизнь философии и преуспел в духовном очищении, могут оказаться среди богов [Там же, с. 48-49].

То, что Платон в своих ключевых работах отстаивает учение о переселении душ, может свидетельствовать о его неудовлетворенности традиционным представлением о посмертном существовании. Во взглядах Платона хорошо просматривается стремление к укреплению нравственного состояния граждан. Платон хочет, чтобы граждане больше заботились о добродетели. При этом Платон имеет в виду прежде всего гражданскую добродетель, направленную на благо всего общества. Страх переродиться в следующей жизни в животное, по мысли Платона, должен сильнее подталкивать людей к добродетельной жизни и соблюдению законов, чем представление о вечном пребывании души в Аиде. Таким образом, во взглядах Платона о ложных мифах о богах и переселении душ можно увидеть серьезное недовольство тем положением дел, которое сложилось в сфере религиозно-нравственных отношений Древней Греции в период поздней классики. В заключительной части исследования мы постараемся привести убедительные примеры из истории, которые подтверждают ослабление моральных и религиозных устоев в греческом обществе в конце V–IV вв. до н. э.

Моральные и религиозные нормы в греческом обществе в поздний классический период

Одним из наиболее ярких примеров упадка моральных норм и ожесточения нравов в данный период может служить «Тирания тридцати». После поражения в Пелопоннесской войне в Афинах установилось новое правительство, которое получило название «Тридцати тиранов» (404–403 гг. до н. э.). Его возглавили такие известные сторонники олигархии как Критий и Ферамен. Все античные авторы отмечают, что это правительство печально прославилось политикой страшного террора в отношении собственных граждан. Ксенофонт пишет, что изначально тридцать правителей были избраны для составления новых законов. Первым делом тридцать тиранов арестовали и казнили ненавистных гражданам сикофантов. Затем они узурпировали власть в Афинах и в целях усиления своей власти способствовали расположению лакедемонского гарнизона в городе. После этого тридцать тиранов «стали арестовывать кого угодно: не только дурных и безнравственных людей, но вообще тех,

про которых они полагали, что они наименее склонны терпеливо переносить надругательства и что, в случае если бы они попытались противодействовать правителям, к ним бы примкнуло наибольшее число приверженцев» [Ксенофонт, 2011, с. 284].

Сообщается, что тираны казнили и изгнали из Афин многих граждан, а их имущество конфисковали и поделили между собой [Корнелий Непот, 1992б, с. 37; Ксенофонт, 2011, с. 285]. В городе установилось полное беззаконие и произвол властей. Дошло до того, что «после того как было казнено много людей, часто совершенно невинных, и повсюду можно было заметить, как сходятся граждане и с ужасом спрашивают друг у друга, какие новые порядки их ожидают» [Ксенофонт, 2011, с. 285]. Против этого террора выступил Ферамен, но Критию удалось обвинить его в государственной измене и казнить. Примечательно, что во время расправы над Фераменом сторонники Крития проявили явное непочтение к религиозным традициям. Пытаясь оспорить незаконное решение своих противников, Ферамен вскочил на алтарь Гестии и обратился к гражданам за помощью: «Я прекрасно знаю, клянусь богами, что и этот священный алтарь мне не принесет никакого спасения: я припал к нему только для того, чтобы показать, что наши правители не только бессовестнейшие нарушители человеческих установлений, но и величайшие безбожники (περὶ θεοῦς ἀσεβέστατοι)» [Там же, с. 293]. Стоит заметить, что молодой Платон вполне мог быть очевидцем всех этих событий.

Об ослаблении моральных норм в греческом обществе в период поздней классики свидетельствуют участвовавшие случаи нечестия. Один из таких случаев был связан с близким другом Платона Дионом. Античные авторы сообщают, что после того, как Дион сверг тиранию Дионисия Младшего в Сиракузах и встал во главе города, против него созрел заговор. Убить Диона задумал его близкий соратник Каллипп. Узнав о готовящемся заговоре, сестра и жена Диона потребовали у Каллиппа, чтобы он принес священную клятву перед богинями в отсутствии у него злых намерений. Плутарх пишет: «Каллипп исполнил весь обряд от начала до конца и поклялся, как надлежало, чтобы позже кощунственно насмеяться над богинями. В самом деле, он дождался праздника Коры, которою клялся, и как раз тогда совершил убийство, презрев высокое достоинство ее дня» [Плутарх, 1964б, с. 311]. Плутарх называет нарушение священной клятвы Каллиппом «чудовищным нечестием (ἀσεβοῦμένης πάντως)» [Там же, с. 311]. Ожесточенная война за гегемонию в Греции, которая не утихла с начала Пелопоннесской войны, не могла не способствовать ослаблению моральных и религиозных ценностей. Согласно Корнелию Непоту, современник Платона, известный лакедемонский царь и полководец Агесилай всегда уважал святость храмов и даже щадил кумиры и алтари варваров. В частности, с этим был связан его отказ трогать укрывшихся в храме врагов, которые потерпели поражение в битве. Но подобное отношение к культовым сооружениям, судя по всему, уже не являлось незыблемой нормой для греков в это время. Именно поэтому Агесилай удивлялся, «почему не считаются святотатцами люди, которые обижают прибегающих к защите богов, и отчего осквернители благочестия не подвергаются тяжкой каре наподобие храмовых воров» [Корнелий Непот, 1992а, с. 70].

Одним из событий, которое потрясло всю Грецию и о котором не мог не знать Платон, стало заключение Анталкидова мира в 387 г. до н. э. К этому времени Греция погрязла в междоусобных войнах. Ведущие греческие полисы и коалиции воевали друг с другом за сферы влияния. Коалиции во главе со Спартой противостояла коалиция во главе с Афинами, Фивами и Коринфом. Важная роль в этой борьбе принадлежала Персии, которая

умело играла на противоречиях между враждующими сторонами. При этом все греческие коалиции постоянно заявляли о своей приверженности борьбе за освобождение малоазийских греков от персидского господства. Однако по итогам Царского мира, названного по имени лакедемонского политика и дипломата Анталкида, подписавшие его стороны предали своих малоазийских соотечественников. Одним из главных пунктов этого «позорного мира» стало возвращение греков Малой Азии и Кипра под власть Персии. В угоду сиюминутным интересам политиков была принесена в жертву вековая борьба греков за освобождение своих соплеменников в Азии от персидского ига. Как пишет Плутарх, «греки заключили между собою мир – если только можно называть миром измену Элладе и ее бесчестие (Ελλάδος ὕβριν καὶ προδοσίαν), ибо ни одна война не принесла столько позора побежденным, сколько этот мир его участникам» [Плутарх, 1964а, с. 362].

Заключение

Подведем итоги. Как мы установили, защита Платоном традиционных религиозных представлений выразилась в первую очередь в его приверженности церемониально-обрядовой стороне олимпийской религии. Кроме этого, Платон выступил в поддержку тех мифов о богах, в которых их изображение носит исключительно положительный характер. Тем самым Платон выступает в защиту тех аспектов традиционной религии, которые направлены на воспитание благочестия и высоких моральных норм у граждан. Платоновская критика традиционных религиозных представлений проявилась в резком неприятии так называемых ложных мифов о богах. Платон выступает против изображения порочных деяний богов. В учении Платона о переселении душ также просматривается критика традиционных представлений о посмертном существовании. Во взглядах Платона хорошо видно стремление к реформированию олимпийской религии путем очищения ее от представлений об аморальных поступках богов. Данное стремление, как мы показали, было обусловлено социально-историческим развитием Греции в поздний классический период. Это время характеризовалось обострением военно-политической борьбы между полисами и различными группировками, которое способствовало ослаблению моральных и религиозных норм. Однако в своем стремлении к укреплению религии Платон, вероятно, добился противоположных результатов. Активно отстаиваемое им положение о том, что боги не являются источником зла для человека, могло сыграть определенную роль в развитии античного атеизма.

Список литературы / References

Буркерт, В. (2004). *Греческая религия: Архаика и классика*. Пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. СПб.

Burkert, V. (2004). *Greek Religion: Archaic and Classical*. Vitkovskaya, M., Vitkovsky, V. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Корнелий Непот. (1992а). Агесилай. Пер. Н. Н. Трухиной. *Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках*. М. С. 68-73.

Cornelius Nepos. (1992a). Agesilaus. Truchina, N. N. (transl.). In *Cornelius Nepos. Lives of the Eminent Commanders*. Moscow. Pp. 68-73. (In Russ.)

Корнелий Непот. (1992б). Фрасибул. Пер. Н. Н. Трухиной. *Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках*. М. С. 37-39.

Cornelius Nepos. (1992b). Thrasybulus. Truchina, N. N. (transl.). In *Cornelius Nepos. Lives of the Eminent Commanders*. Moscow. Pp. 37-39. (In Russ.)

Ксенофонт. (2011). Греческая история. Пер. С. Я. Лурье. *Ксенофонт. Анабасис. Греческая история*. М. С. 245-487.

Xenophon. (2011). Hellenica. Lur'e, S. Ya (transl.). In *Xenophon. Anabasis. Hellenica*. Moscow. Pp. 245-487. (In Russ.)

Платон. (2007а). Государство. Пер. А. Н. Егунова. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 3. Ч. 1. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. С. 97-493.

Plato. (2007a). The Republic. Egunov, A. N. (transl.). In *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 3. Pt. 1. Losev, A. F. and Asmus, V. F. (eds.). St. Petersburg. Pp. 97-493. (In Russ.)

Платон. (2007б). Законы. Пер. А. Н. Егунова. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 3. Ч. 2. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. С. 89-513.

Plato. (2007b). The Laws. Egunov, A. N. (transl.). In *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 3. Pt. 2. Losev, A. F. and Asmus, V. F. (eds.). St. Petersburg. Pp. 89-513. (In Russ.)

Платон. (2007в). Тимей. Пер. С. С. Аверинцева. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 3. Ч. 1. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. С. 495-587.

Plato. (2007c). Timaeus. Averincev, S. S. (transl.). In *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 3. Pt. 1. Losev, A. F. and Asmus, V. F. (eds.). St. Petersburg. Pp. 495-587. (In Russ.)

Платон. (2007г). Федон. Пер. С. П. Маркиша. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 2. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. С. 11-96.

Plato. (2007d). Phaedo. Markish, S. P. (transl.). In *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 2. Losev, A. F. and Asmus, V. F. (eds.). St. Petersburg. Pp. 11-96. (In Russ.)

Плутарх. (1964а). Артаксеркс. Пер. С. П. Маркиша. *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. В 3 т. Т. 3. Ред. С. П. Маркиш. М. С. 349-368.

Plutarch. (1964a). Artaxerxes. Markish, S. P. (transl.). In *Plutarch. Parallel Lives*. In 3 vols. Vol. 3. Markish, S. P. (ed.). Moscow. Pp. 349-368. (In Russ.)

Плутарх. (1964б). Дион. Пер. С. П. Маркиша. *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. В 3 т. Т. 3. Ред. С. П. Маркиш. М. С. 280-312.

Plutarch. (1964b). Dion. Markish, S. P. (transl.). In *Plutarch. Parallel Lives*. In 3 vols. Vol. 3. Markish, S. P. (ed.). Moscow. Pp. 280-312. (In Russ.)

- Светлов, Р. В. (2016). Платон и «вольнодумцы». *Христианское чтение*. № 3. С. 206-216.
Svetlov, R. V. (2016). Plato and the “Free Tinkers”. *Christian Reading*. No. 3. Pp. 206-216.
(In Russ.)
- Светлов, Р. В. (2019). Рациональная теология в античности. *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии*. № 1 (3). С. 7-16. DOI: 10.24411/2541-9587-2019-10001
Svetlov, R. V. (2019). Rational Theology in Antiquity. *Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*. No. 1 (3). Pp. 7-16. DOI: 10.24411/2541-9587-2019-10001 (In Russ.)
- Deretic, I. (2020). Why are Myths True: Plato on the Veracity of Myths. *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. Т. 36. Вып. 3. С. 441-451. DOI: 10.21638/spbu17.2020.302
Deretic, I. (2020). Why are Myths True: Plato on the Veracity of Myths. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 36. Iss. 3. Pp. 441-451. DOI: 10.21638/spbu17.2020.302
- Riel, G. V. (2013). *Plato's Gods*. Routledge.
- Solmsen, F. (1936). The Background of Plato's Theology. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. Vol. 67. Pp. 208-218.

Сведения об авторе / Information about the author

Бровкин Владимир Викторович – кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14; научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0344-3304>

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Brovkin Vladimir – Candidate of Philosophical Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Aleksandra Nevskogo Str., 14; Researcher Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0344-3304>

The paper was submitted: 11.09.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024

УДК 1(091)

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МЕЖДУ НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВОМ Ж. ИППОЛИТА И ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» В ФИЛОСОФИИ Ж. ВАЛЯ

О. А. Лунев-Коробский

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
sickrrett@gmail.com

Аннотация. В статье решается проблема аутентичности интерпретации гегелевского понятия «несчастное сознание» в философии Ж. Ипполита. Исследование строится на рассмотрении двух аспектов данного вопроса. Первый связан с анализом отнесения философии Ипполита к «французскому неогегельянству». Показано, что рассмотрение философии Ипполита преимущественно через взаимосвязь с предшествующими интерпретациями гегелевской мысли во Франции является неполным. Второй аспект связан с определением степени влияния работы Ж. Валя о «несчастном сознании» на неогегельянство Ипполита. Содержательная реконструкция философского проекта Ипполита и сравнительный анализ с предшествующей интерпретацией Валя показали, что у Ипполита элементы валевого прочтения философии Гегеля содержатся лишь в качестве частных решений, которые не определяют проект Ипполита в целом. В частности, понятие «несчастное сознание» играет в философии Ипполита вторичную роль в контексте более общей установки на актуализирующее прочтение гегелевских идей. Интерпретация философии Гегеля, осуществленная Ипполитом, раскрывается как сравнительно самостоятельный проект, если не рассматривать его во взаимосвязи с «французским неогегельянством». Более того, содержание этой самостоятельной части во многом определило дальнейшее развитие структурализма во Франции.

Ключевые слова: Жан Ипполит, Гегель, «французское неогегельянство», Жан Валь, «несчастное сознание», структурализм.

Для цитирования: Лунев-Коробский, О. А. (2024). К вопросу о преемственности между неогегельянством Ж. Ипполита и интерпретацией «Феноменологии духа» в философии Ж. Валя. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 28-48. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.28-48

ON THE QUESTION OF CONTINUITY BETWEEN THE NEO-HEGELIANISM OF J. HYPPOLITE AND THE INTERPRETATION OF “THE PHENOMENOLOGY OF SPIRIT” IN THE PHILOSOPHY OF J. WAHL

O. A. Lunev-Korobskii

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
sickrrett@gmail.com

Abstract. The article addresses the problem of authenticity of the interpretation of Hegel’s notion of “unhappy consciousness” in the philosophy of J. Hyppolite. The study is based on examining two aspects of this issue. The first one concerns the expediency of anchoring Hyppolite’s ideas exclusively within the context of “French Neo-Hegelianism”. It is shown that it is insufficient to define Hyppolite’s ideas primarily via its relations to previous interpretations of Hegel’s thought in France. The second one is related to determining what influence J. Wahl’s work on “unhappy consciousness” exercised on Hyppolite’s Neo-Hegelianism. Based on substantial reconstruction, along with comparative analysis, it is shown that Hyppolite’s writings contain elements of Wahl’s interpretation of Hegel’s

philosophy as partial solutions only that do not define Hyppolite's project as a whole. In particular, the notion of "unhappy consciousness" in Hyppolite's philosophy plays an auxiliary role within the mindset of an actualizing reading of Hegel's ideas. The richness of the content of Hyppolite's Neo-Hegelianism is conceived more comprehensively if viewed without exclusive reference to "French Neo-Hegelianism". Moreover, Hyppolite's philosophy basically stands as an authentic project, which determined the subsequent development of structuralism in many respects.

Keywords: Jean Hyppolite, Hegel, "French Neo-Hegelianism", Jean Wahl, "unhappy consciousness", structuralism.

For citation: Lunev-Korobskii, O. A. (2024). On the Question of Continuity between the Neo-Hegelianism of J. Hyppolite and the Interpretation of "The phenomenology of Spirit" in the Philosophy of J. Wahl. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 28-48. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.28-48

Философия Жана Ипполита и «французское неогегельянство»

В русскоязычной литературе идеи Жана Ипполита (1907–1968 гг.) принято рассматривать в контексте «французского неогегельянства», к числу представителей которого относят также Жана Валя, Александра Кожева и Александра Койре. Их философию в обобщенном виде характеризуют как переосмысление гегелевской системы в контексте французского экзистенциализма и феноменологии. На мой взгляд, столь однозначное решение вопроса о месте Ипполита в истории французской философии XX в. является спорным, поскольку при таком подходе не учитываются значимые аспекты его философии. Их можно резюмировать в двух пунктах, которые приведены и прокомментированы ниже.

Во-первых, основанием для рассмотрения философии Ипполита в качестве варианта «французского неогегельянства» служит взаимосвязь его творчества с судьбой философского наследия Гегеля во Франции. Ипполит – автор первого перевода «Феноменологии духа» на французский язык, а также двухтомного комментария к ней. Кроме этого, погружение Ипполита в философию Гегеля было спровоцировано прочтением работы Валя «Несчастное сознание в философии Гегеля» [Валь, 2006], а также гегелеведческих статей Койре¹. Другими словами, «французские неогегельянцы» в лице Валя и Койре определили направление философских исканий Ипполита².

---

¹ См. слова Ипполита из специального выпуска *Hegel-Studien* под ред. Х.-Г. Гадамера (1964): «Надо сказать, что первым настоящим потрясением стала работа Жана Валя, и чтение *Несчастливого сознания в философии Гегеля* было своего рода откровением <...> чтение [статьи Койре] "Гегель в Йене" также было для меня (вкупе со своевременными переводами текстов) не менее основополагающим, чем *Несчастное сознание*» [Цит. по: Neckman, 1974, pp. xix-xx].

² Хронологически семинары Кожева в Высшей практической школе (1933–1939) начались после выхода книги Валя (1929), но к тому моменту, когда Ипполит издал свой перевод «Феноменологии духа» (1941) и диссертацию о «генезисе и структуре» этой работы Гегеля (1946), кожевовское прочтение гегелевской философии обрело во Франции огромную популярность, которая закрепилась изданием курса лекций Кожева под редакцией Р. Кено (1947). Гегелеведческие статьи Койре, которые появились до семинаров Кожева и до работ Ипполита, повлияли на видение идей Гегеля как в трудах первого, так и второго. Соответственно, детализация перекрестного влияния «французских неогегельянцев» является важной задачей в контексте исследований философии Валя, Ипполита, Кожева и Койре. По последним оценкам, Ипполит «избегал» посещения семинаров Кожева, однако «не мог не знать» их содержания [Курилович, 2019, с. 176]. Если с Валем и Койре все достаточно ясно, поскольку Ипполит признавал, что работы последних повлияли на его прочтение

Однако вне русскоязычной исследовательской среды словосочетание «французское неогегельянство» практически не встречается. Ипполита и его философию характеризуют как «антиметафизическую интерпретацию гегельянства» [Rinaldi, 2016, p. 91], как представителя «французского гегелеведения» [Plotnitsky, 1993, p. 27] или как «французского гегельянца» [Sinnerbrink, 2007, p. 125; Russon, 2016, p. 284].

В зарубежных исследованиях последних 20 лет показано, что ограничение философии Ипполита рамками «французского неогегельянства» является по меньшей мере упрощенным. Р. Форд в работе «Experience and Empiricism» рассматривает философию Ипполита в контексте «продолжительных дебатов в рамках французской академической философии» с особым вниманием к дебютной книге Ж. Делеза «Эмпиризм и субъективность». Форд трактует работу Делеза как «условное расширение плюралистского экзистенциализма Жана Валя и критического ответа на гегельянский рационализм Жана Ипполита» [Ford, 2023, p. 3].

Еще один пример, подтверждающий некорректность однозначного отнесения философии Ипполита к «французскому неогегельянству», представлен в работе Г. Гаттинга «Thinking the Impossible». Автор выстраивает смысловой ряд, где Ипполит включен в ретроспективу французской мысли в одном ряду с А. Бадью, Ж. Деррида, Э. Левинасом, Ж.-Л. Марионом и М. Фуко. Основанием служит тот факт, что философская деятельность Ипполита стала «основной точкой погружения [main access] в философию Гегеля для студентов, философское становление которых пришлось на 1960-е гг.» [Gutting, 2011, p. 24].

Во-вторых, традиционно признается, что на восприятие и интерпретации гегелевской системы в работах Ипполита существенно повлиял валецкий подход к пониманию «Феноменологии духа». А понятие «несчастное сознание», играющее основную роль в интерпретации Валя, стало таковым и для Ипполита.

Однако при этом анализ работ Ипполита и реконструкция его идей осуществляются исключительно в контексте «французского неогегельянства». В результате особенности его философии оцениваются и рассматриваются не как самостоятельное явление, а в сравнении с идеями Валя, Кожева и Койре. Поэтому предпочтение отдается тем идеям философии Ипполита, которые согласуются с подходами данных авторов, а содержательные расхождения не анализируются.

Интеллектуальная биография Ипполита также рассматривается преимущественно во взаимосвязи с судьбами представителей «французского неогегельянства». Предполагается, что роль Ипполита во французской философии XX в. исчерпывается данным контекстом, а вопросы о гипотетическом влиянии Ипполита на последующую философию остаются без должного внимания³.

В связи со всем вышесказанным возникает *первый* из двух вопросов, решаемых в данной статье: насколько целесообразно ограничивать философию Ипполита контекстом «французского неогегельянства»?

Для ответа на этот вопрос, *во-первых*, осуществлен анализ русскоязычных исследований философии Ипполита. Это позволило выявить те характеристики его философии, на основе которых он относится к «французскому неогегельянству». *Во-вторых*,

---

системы Гегеля (см. пред. прим.), то вопрос о преемственности между ипполитовским и кожевским неогегельянством требует уточнения. Однако это не входит в цели настоящей статьи.

³ «<...> влияние его [Ипполита] мысли и преподавания на главных действующих лиц 1960-х и 1970-х гг. по-прежнему требует глубокого изучения» [Tierzi, 2018, p. 982].

проведена реконструкция содержания основных работ Ипполита с акцентом на анализе понятия «несчастное сознание». Благодаря этому, а также в результате сравнительного анализа с позицией Валя по данному вопросу, определена позиция Ипполита касательно значимости данного понятия для его собственной интерпретации философии Гегеля. Уточнение особенностей понимания понятия «несчастное сознание» в философии Ипполита позволит в дальнейшем провести более глубокое сравнение интерпретаций «Феноменологии духа» в трудах «французских неогегельянцев». Также это позволит прояснить степень влияния идей Ипполита на французскую философию XX в. и дать его собственному исследовательскому проекту более исчерпывающую характеристику.

Первое упоминание философии Ипполита в отечественной литературе состоялось в статье Т. И. Ойзермана из коллективного труда «Современный экзистенциализм», в которой Ипполита, как и Сартра, причисляют к французскому экзистенциализму [Ойзерман, 1966, с. 21]. Первый развернутый обзор идей Ипполита на русском языке представил В. Н. Кузнецов в монографии «Французское неогегельянство» [Кузнецов, 1982].

Автор причисляет Ипполита к числу участников «течения» философской мысли под названием «французское неогегельянство» вместе с Валем и Кожевом. Наряду с этим автор подчеркивает, что на развитие собственных идей Ипполита оказали влияние представители неогегельянства и экзистенциализма, подразумевая сближение философии Ипполита с философией Валя⁴.

По мнению В. Н. Кузнецова, философия Ипполита является вариантом неогегельянского «ревизионизма»⁵, сквозь призму которого идеи Валя, Ипполита и Кожева рассматриваются как части единого течения мысли⁶. Автор подчеркивает близость ипполитовского гегелеведения к «трагическо-религиозной версии “гегелизма”». Ипполита и Валя объединяет повышенное внимание к ранним работам Гегеля, связанным с религиозной тематикой; поиски «ключа» к гегелевской системе и стремление найти его в таких трудах, как «Жизнь Иисуса» и «Позитивность христианской религии»; и самое главное – понимание «несчастливого сознания» как универсального концепта, способного объяснить темные места философии Гегеля.

В итоге Ипполит представлен последователем Валя, который, в свою очередь, является первым представителем «французского неогегельянства». В отличие от Валя, Ипполит более глубоко прорабатывает тексты Гегеля, но в целом придерживается тех же направлений

---

⁴ «Жан Ипполит (1907–1968) в годы формирования своего мировоззрения испытал одновременно воздействие развившихся в 30–40-е гг. во Франции неогегельянства и экзистенциализма сартровского толка» [Кузнецов, 1982, с. 127]. «Если кьеркегоровская и хайдеггеровская формы экзистенциализма сыграли важнейшую роль в становлении французского неогегельянства, то последнее приобрело первостепенное значение в процессе формирования и развертывания “богоборческого” (“атеистического”) экзистенциализма (Ж. -П. Сартр, А. Камю, М. Мерло-Понти, С. де Бовуар и др.)» [Там же, с. 165-166]. «“Денатурализация” гегелевской диалектики предстает у Ипполита как первый шаг на пути ее “экзистенциализации”, причем это – именно тот путь, который был проложен Валем» [Там же, с. 136].

⁵ Ревизионизм В. Н. Кузнецов характеризует, отсылая к «решениям XXVI съезда КПСС», согласно которым «критика антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачение фальсификаторов марксизма-ленинизма» отнесены к основным направлениям деятельности работников общественных наук» [Кузнецов, 1982, с. 3].

⁶ «Вслед за Валем и в известной мере также за Кожевом, Ипполит проводит линию на отрыв становления гегелевской философии от учений Канта, Фихте и Шеллинга <...>» [Кузнецов, 1982, с. 135].

в интерпретации, которые изначально были заданы Валем. Их можно охарактеризовать как «экзистенциализацию» теоретического наследия Гегеля» через «иррационалистическую трактовку его гносеологии и методологии» [Кузнецов, 1982, с. 139].

Благодаря монографии В. Н. Кузнецова русскоязычные исследователи впервые получили представление о французских интерпретациях философии Гегеля. Эта работа сформировала основу для дальнейшего изучения данного направления. Автор корректно раскрывает смысловые ориентиры рассматриваемых философских сюжетов и очерчивает хронологические рамки «французского неогегельянства»⁷. Однако следует помнить, что данная работа вышла более, чем сорок лет назад. Она написана в парадигме «критики буржуазной философии» и использует соответствующие этому оценки, терминологию и методологические подходы.

Ответы на вопросы о корректности включения Ипполита во «французское неогегельянство» и о степени самостоятельности его философских построений в работе В. Н. Кузнецова достаточно однозначны. Ипполит является представителем «французского неогегельянства», его философия – содержательное продолжение более ранних работ Валя. Несколько иные ответы на эти вопросы представлены во второй русскоязычной монографии, частично посвященной анализу философии Ипполита, – в работе «Французское неогегельянство» И. С. Куриловича [Курилович, 2019].

Следует сразу отметить, что автор исходит из положения о «единой феноменологии Гегеля-Гуссерля-Хайдеггера», т. е. рассматривает философию Ипполита в контексте франко-германских дискуссий вокруг развития феноменологии и экзистенциализма⁸. И. С. Курилович раскрывает характеристики, которые определяют единство французских «нео-гегельянцев», детализирует культурный контекст Франции середины XX в. и описывает источники влияния на идеи представителей данного «оригинального философского течения»⁹. Все это конструирует аргументацию в пользу того, чтобы воспринимать идеи Ипполита именно в связи с идеями Валя, Кожева и Койре.

И. С. Курилович отмечает, что несмотря на то, что Ипполит в «Генезисе и структуре “Феноменологии духа”» [Hippolite, 1956] во многом следует за вальевской интерпретацией, он все-таки дистанцируется от наиболее радикальных ее аспектов. Ипполит, как и Валь, считает понятие «несчастное сознание» важным для понимания системы Гегеля, но не спешит сближать его с мистической традицией, как сделал это его предшественник [см., например: Валь, 2006, с. 270-271, 310]. Рассуждения Ипполита балансируют между

---

⁷ «Теоретическими источниками французского неогегельянства явились немецкое (и, возможно, русское) неогегельянство, кьеркегоровский (а затем и хайдеггеровский) экзистенциализм и гуссерлевская феноменология» [Кузнецов, 1982, с. 12]. «Конец 20-х–середина 70-х гг. нашего столетия – таковы хронологические рамки существования французского неогегельянства» [Там же, с. 15]. «Именно его [Ипполита] деятельность привела к тому, что во Франции звенья отечественного неогегельянства стали осмысливаться в связи друг с другом и образовывать цепь особого философского течения» [Там же, с. 16].

⁸ «Французское неогегельянство мы рассматриваем как течение в истории философии и уделяем особое внимание интерпретации и трансформации феноменологии, во-первых, как этапа философии Гегеля, изложенного в “Феноменологии духа” и предваряющего систематическую философию немецкого классика, и, во-вторых, феноменологии как философского движения последователей Гуссерля и Хайдеггера» [Курилович, 2019, с. 198].

⁹ Детализация культурного контекста [см.: Курилович, 2019, с. 20-49], анализ источников влияния на «французское неогегельянство» [см.: Там же, с. 49-57], общие черты философских идей представителей «французского неогегельянства» [см.: Там же, с. 19].

«мистическим» и «гуманистическим» прочтениями, между «кьеркегоризированным» и «ортодоксальным» гегельянством [Курилович, 2019, с. 180-183]. В результате складывается впечатление, что Ипполит-интерпретатор теряется на фоне Ипполита-комментатора Гегеля.

На мой взгляд, самый важный аспект работы И. С. Куриловича заключается в том, что автор дает обзор *аутентичных интерпретаторских* решений Ипполита. В наиболее оформленном виде они представлены в поздней работе Ипполита «Логика и существование» [Hippolite, 1953]¹⁰.

По мнению И. С. Куриловича, данная работа Ипполита сосредоточена на исследовании «феноменологических» аспектов системы Гегеля, прежде всего – взаимосвязи между языком, сознанием и действительностью. Вместе с тем автор указывает на стремление Ипполита к синтезу различных подходов, представленных в работах других «французских неогегельянцев» и дополняет список задействованных авторов. К ним относятся и те, кто выходит за рамки феноменологической традиции: А. Бергсон, К. Маркс и З. Фрейд. Соответственно, автор, анализируя работу Ипполита с гегелевской системой, высказывает двойственную позицию.

С одной стороны, И. С. Курилович учитывает акцент на феномене языка в «Логике и существовании» Ипполита. Это позволяет увидеть, что последний разрабатывал собственное прочтение философии Гегеля, которое отличается от интерпретации Валя: «В “Феноменологии духа” Ипполит видел “гуманизм”, человеческую рефлексию, “человеческий маршрут”, ведущий к абсолютному знанию, к онтологической рефлексии. Соотношение двух рефлексий он считал “господствующей трудностью гегелевской философии”» [Курилович, 2019, с. 191].

С другой стороны, автор стремится показать не столько самостоятельность философии Ипполита, сколько зависимость его идей от других мыслителей¹¹. И. С. Курилович считает, что главная заслуга Ипполита в освоении гегелевского наследия заключается не в «позитивных» результатах, а в постановке новых вопросов. Это объясняется тем, что Ипполит рассматривал диалектическое напряжение, присущее гегелевской философии, как возможность (и необходимость) раскрытия новых смыслов¹². Выражая солидарность с оценкой Фуко [см.: Фуко, 1996], автор подчеркивает, что своими одновременно критическими и комплементарными работами Ипполит приблизился к горизонтам, которые

---

¹⁰ В. Н. Кузнецов обращается к данной работе в контексте соотношения рационального и иррационального в философии Гегеля и практически не рассматривает собственное содержание «Логики и существования» Ипполита [см.: Кузнецов, 1982, с. 139-142].

¹¹ «Ипполит постоянно возвращался к антропологическому аспекту гегелевской философии, здесь можно заметить как влияние курса Кожева и симпатии Ипполита сартровскому экзистенциализму, так и оппозицию им. Понимание гегелевского “сознания” как человека – искажение гегелевской мысли, свойственное, считал Ипполит, не только “современным интерпретаторам”, но также Фейербаху и Марксу» [Курилович, 2019, с. 188].

¹² «Человек необходим, но – и здесь Ипполит закладывал важное основание философских дискуссий 60-80-х гг. – необходим как средство <...>» [Курилович, 2019, с. 188]. «Ипполит и сам видит сложность представленной им конструкции, и нельзя сказать, что он был в ней уверен <...>» [Там же, с. 192]. «Его [Ипполита] более позднее творчество, особенно при разборе проблем познания и опыта сознания у Гегеля, отличается большей склонностью к интерпретации, притом очень сложной, одновременно содержащей как интуитивизацию гегелевской мысли и эссенциализацию субъективности, так и критику этих тенденций, идущую еще из первых работ. Очевидно, слова Ипполита о “победе Кьеркегора” в современной французской мысли касаются и его самого, однако “гуманистически” развивая нередуцируемость негативности в субъекте, он подходит к тезисам “антигуманизма” своих младших коллег и учеников: Альтюссера и Фуко» [Там же, с. 193].

покоряли философы уже следующего поколения. Тем не менее, общий вывод относительно философского наследия Ипполита, согласно монографии И. С. Куриловича, заключается в том, что Ипполит был достаточно самостоятельным представителем «французского неогегельянства», но значение и содержание его философии следует рассматривать все же именно в данном контексте¹³.

Выше были проанализированы варианты русскоязычного понимания философии Ипполита, представленные в монографиях В. Н. Кузнецова и И. С. Куриловича. В целом, авторы солидарны в том, что философию Ипполита следует отнести к течению «французского неогегельянства», а сам Ипполит, как правило, упоминается в контексте гегелеведения [см. также работы: Бочковой, 2010, с. 105-107; Быстров, 2016, с. 450-451; Селиванов, 2005, с. 7; Ямпольская, 2011, с. 229]¹⁴. Детализация идей его философии чаще всего ограничивается указанием на связь с экзистенциализмом [см. также: Вдовина, 2008; Давыдов, 2010, с. 56; Мотрошилова, 2010, с. 180; История философии ..., 2000, с. 61; Петренко, 2010; Труфанов, 2007, с. 9].

Проблематичность представленной выше характеристики философии Ипполита проступает отчетливее, если сопоставить ее с чертами, на которых делают акцент зарубежные, преимущественно англоязычные, исследователи [см.: Baring, 2011; Baugh, 2003; Gansen, 2016; Geroulanos, 2010; Gutting, 2011; Lawlor, 2003; Lawlor, 2006; Macdonald, 2016; Poster, 1975; Roth, 1988; Schrift, 2006; Sinnerbrink, 2007]. В противоположность распространенным в русскоязычной среде упоминаниям Ипполита-экзистенциалиста, в работах зарубежных авторов его интерпретацию философии Гегеля определяют как «неэкзистенциалистскую» [non-existentialist]¹⁵. Его исследования «Феноменологии духа», как и работы Кожева, позиционируются как «интеллектуальный источник обновления марксизма, экзистенциализма Сартра и, возможно, даже структурализма 1960-х гг.» [Poster, 1975, p. 5]¹⁶. В его работах видят историзм и согласие не столько с «экзистенциализмом» Валя, сколько близость к идеям Койре и, отчасти, Кожева¹⁷.

¹³ «<...> Ипполит не боялся экспериментировать и фактически принимался за синтез противоположных подходов – экзистенциализма и структурализма, однако нельзя сказать, что он разрешил проблему, пронизывавшую все его творчество. Философский антигуманизм, проекты смерти – автора, субъекта, человека, – которые появились под влиянием французского неогегельянства и пришли ему на смену, отчасти наследуют Ипполиту, но они выбрали другие основания для своей мысли: структуры, дискурсы и историчность их практик» [Курилович, 2019, с. 197].

¹⁴ Особо следует выделить пример, на мой взгляд, более взвешенной позиции в [Стрелков, 2014].

¹⁵ «<...> Жан Ипполит предложил неэкзистенциалистскую интерпретацию [философии] Гегеля, которая соответствовала <...> антигуманизму. Однако, этот антигуманизм не доходил до того, чтобы поощрять полное растворение человечности [human beings] в абсолютном духе. Приверженность французских философов левым политическим целям освобождения личности была несовместима с такого рода гегельянством. Но, возможно, существовал путь между Гегелем экзистенциализма и Гегелем абсолютизма? Ипполит, по крайней мере, предположил, что это возможно» [Gutting, 2011, p. 23].

¹⁶ «Ипполит <...> посвятил тщательному рассмотрению взаимоотношений [идей] Гегеля и Маркса множество статей, которые в итоге были собраны в его *Исследованиях по Марксу и Гегелю*. В этой книге Ипполит <...> подытожил вопрос об этом триединстве: Гегель, Маркс и экзистенциализм» [Poster, 1975, p. 33].

¹⁷ «Опираясь на поистине широкий круг источников, ставших доступными преимущественно с начала XX в., Ипполит в согласии с Койре утверждает, что зрелые работы Гегеля более значимы, чем ранние [youthful], но делает это не только на основании превосходства спекулятивной мысли, но и на основе внимательного прослеживания [reading] развития внутренних проблем работ Гегеля. Этот генеалогический подход оставался характерной чертой исследований Ипполита <...> Ипполит развивает последовательный проект,

Все эти доводы подкрепляют мою гипотезу о том, что при работе с философией Ипполита нет необходимости ограничиваться оптикой «французского неогегельянства». Напротив, такая исследовательская установка является неоправданным сужением масштаба реальной значимости его идей в истории французской философии XX в.

«Несчастное сознание» в философии Жана Ипполита

Проанализированные в первой части статьи варианты понимания философии Ипполита и ее места в истории французской мысли актуализируют задачу переосмысления его идей посредством анализа в более широком контексте, чем «французское неогегельянство». И начать следует с сопоставления идей его философии со взглядами других французских интерпретаторов системы Гегеля.

Бесспорно, что исследования Ипполита, посвященные гегелевской мысли, генетически связаны с интерпретацией «Феноменологии духа», которую предложил Валь, в первую очередь с понятием «несчастное сознание». Отсюда следует *второй* вопрос из тех, что поставлены в данной статье: в чем именно заключается специфика подхода Ипполита к работе с понятием «несчастное сознание»?

Для ответа на него далее, *во-первых*, проясняется место данного понятия в работах Ипполита, т. е. *где именно* он пишет о «несчастном сознании» и насколько весомы эти эпизоды? *Во-вторых*, реконструируется содержание основных сочинений Ипполита с акцентом на роли данного гегелевского понятия, т. е. *что именно* пишет Ипполит, когда он пишет о «несчастном сознании»? Это позволяет, *в-третьих*, выявить степень влияния валеvской интерпретации «несчастного сознания» на идеи Ипполита, т. е. понять, *как именно* в понимании данного понятия у Ипполита реализуется преемственность по отношению к интерпретации, представленной в книге Валя?

Проанализировав и расположив работы Ипполита в порядке убывания частоты упоминаний «несчастного сознания», я пришел к следующим выводам. В своем комментарии к «Феноменологии духа» [Huppolite, 1956] Ипполит регулярно обращается к понятию «несчастное сознание» не только в ходе рассмотрения одноименного раздела книги Гегеля, но и на протяжении всей работы. Почти половина упоминаний «несчастного сознания» (44 случая из 103) содержится в разделе «Генезиса и структуры “Феноменологии духа”», посвященном рассмотрению соответствующей части текста Гегеля.

Затем следуют: статьи из собрания статей Ипполита [Huppolite, 1971], книга о философии истории Гегеля [Huppolite, 1983] и работа о Марксе и Гегеле [Huppolite, 1965]. В «Логике и существовании» [Huppolite, 1953] Ипполит упоминает «несчастное сознание» всего два раза¹⁸. Таким образом, «несчастное сознание» упоминается в каждой значительной работе Ипполита о философии Гегеля.

цель которого – показать то, каким образом раннее увлечение [concerns] особенностями и вызовами конечной жизни – которые Валь считает неискоренимыми [irreducible] – никогда не исчезает из гегелевских текстов, но подхватывается и трансформируется спекулятивной работой диалектики» [Ford, 2023, p. 10].

¹⁸ При переводе «Логике и существовании» на русский язык один из этих двух случаев был утрачен. Ср.: «C'est là une sorte d'illusion nécessaire, de conscience malheureuse ontologique» [Huppolite, 1953, p. 79]. «Here we have a sort of necessary illusion, a sort of ontological unhappy consciousness» [Huppolite, 1997, p. 64]. «Здесь есть разновидность неизбежной иллюзии, онтологически ложного сознания» [Ипполит, 2006, с. 100].

Я предлагаю условно разделить все случаи обращения Ипполита к «несчастному сознанию» на четыре вида: 1) *анализ* содержания гегелевского понятия, включая прямые *цитаты* из «Феноменологии духа»; 2) *метафорические* употребления данного словосочетания; 3) *отсылки* к валевской интерпретации философии Гегеля и 4) *собственные рассуждения* Ипполита по концептуализации гегелевского понятия «несчастное сознание».

Следует отметить, что в текстах Ипполита иногда действительно трудно провести четкую грань между комментарием и интерпретацией. Поэтому отнесение некоторых эпизодов только к одному виду может быть дискуссионным. Начало ипполитовского комментария о «несчастном сознании» является ярким тому примером, поэтому я приведу его здесь целиком: «Несчастное сознание является фундаментальной темой *Феноменологии*. Фактически, сознание как таковое всегда является сознанием принципиально несчастным, поскольку оно еще не достигло конкретного тождества определенности и истины, и поэтому оно направлено на нечто внешнее по отношению к самому себе; а счастливое сознание – это либо наивное сознание, которое пока еще игнорирует свое несчастье, либо сознание, которое преодолело свою двойственность и открыло единство за пределами разделения. Поэтому мы постоянно обнаруживаем тему несчастного сознания присутствующей в *Феноменологии* в различных формах. Однако, несчастное сознание – в строгом смысле этого термина – это результат развития самосознания» [Huppolite, 1956, p. 184]. Ипполит демонстрирует солидарность с точкой зрения Валя, но тут же добавляет, что такая интерпретация отходит от смысла текста самого Гегеля. Несмотря на это, данная классификация наглядно демонстрирует взаимосвязь между валевским и ипполитовским прочтением «несчастливого сознания». Далее я резюмирую философский проект Ипполита, подробнее останавливаясь на специфике его подхода к «несчастному сознанию», а также на сопоставлении последнего со взглядами Валя. Затем я вернусь к данной классификации для того, чтобы сформулировать выводы.

Известно, что Ипполит ценил проделанную Валем работу [см.: Huppolite, 1956, p. 199; Huppolite, 1965, p. 31; Huppolite, 1983, p. 14] и определял предложенную последним интерпретацию как пантрагизм, который становится панлогизмом¹⁹. Достоинство книги Валя в том, что он «замечательно продемонстрировал в своей работе *Несчастное сознание в философии Гегеля* конкретный и экзистенциальный характер ранних работ Гегеля» [Huppolite, 1965, p. 31]. По мнению Ипполита, в целом валевская интерпретация понятия «несчастное сознание», *во-первых*, проясняет траекторию развития системы Гегеля и, *во-вторых*, демонстрирует обоснованное стремление показать идейное родство философии Гегеля с экзистенциализмом.

В частности, согласно Валу, ранние труды Гегеля²⁰ содержат в себе «ключ» к пониманию «Феноменологии духа». В ней философский гений Гегеля выражен ярче всего. Но впоследствии Гегель отказался от того смыслового ядра, которое питало развитие

¹⁹ «Тем самым Гегель, сам того ясно не оговаривая и не сознавая [sans la nommer, et sans en prendre nettement conscience], разрабатывает диалектическую философию, которая из юношеского пантрагизма переходит в панлогизм зрелого периода» [Huppolite, 1956, p. 341].

²⁰ В первую очередь, это «Жизнь Иисуса» (1795), «Дух христианства и его судьба» (1800) и «Позитивность христианской религии» (1800).

системы с самого начала. Другими словами, «Наука логики» и «Энциклопедия философских наук» уводят в сторону от того, что является подлинным достоянием гегелевской мысли²¹.

В работах Ипполита такие категоричные выводы касательно системы Гегеля отсутствуют. Он видит в валеvской интерпретации понятия «несчастное сознание» не окончательное решение, а только одно из возможных прочтений. И хотя Ипполит не скрывает исследовательской симпатии к книге Валь, она не равноценна сущностному тождеству. Дополнительное тому подтверждение – тот факт, что Ипполит придерживается гегелевской формы написания «несчастливого сознания»: *la conscience malheureuse*, что калькирует немецкий оригинал *das unglückliche Bewußtsein*. В то время как Валь трансформирует это в *le malheur de la conscience*, что точнее переводится как *несчастье сознания*, чем как *несчастное сознание*. В этом можно убедиться в ходе содержательного анализа ипполитовских обращений к понятию «несчастное сознание».

Итак, философия Гегеля оставалась главным исследовательским интересом Ипполита на протяжении многих лет. За это время Ипполит обращался в своих занятиях к многочисленным источникам, в результате его интерпретация выстраивалась с учетом идей самых разных авторов. Ипполит опирается как на идеи С. Кьеркегора (которые созвучны валеvскому видению философии Гегеля), так и на философию Л. Фейербаха и марксистскую традицию в целом²². Он был знаком как с позициями других «французских неогегельянцев» – А. Кожева и А. Койре, так и с работами о философии Гегеля своего времени [см.: Huppolite, 1956, pp. 584-590]. Среди них, например, В. Дильтей, Дж. Стерлинг и К. Розенкранц. Наконец, как и многие другие французские интеллектуалы середины XX в., Ипполит изучал труды Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Для понимания позиции Ипполита в отношении понятия «несчастное сознание» следует принимать во внимание все эти особенности, и начать следует с краткой характеристики книги Валь «Несчастное сознание в философии Гегеля».

Согласно Валь, Гегель – это в первую очередь романтик и теолог, а уже затем рационалист и философ²³. «Феноменология духа» отражает многолетние искания религиозной души философа, которые отражены в его ранних сочинениях²⁴.

²¹ «Разумеется, вскоре Гегель, чтобы одержать победу над тем романтизмом, которому он был причастен, преобразует *Begriff* в разновидность аристотелевской энтелехии, или, скорее, стремится осуществить синтез между подвижным понятием и неподвижностью формы. Тем не менее мы всегда сможем обнаружить еще живыми те изначальные элементы своего мышления, элементы, которые согласно нашему мнению представляют собой самую важную сторону его ценности, даже тогда, когда они рискуют взорвать арматуру системы. Ибо, возможно, они представляют собой большую ценность, чем система» [Валь, 2006, с. 314]

²² «Временами мистический язык не должен заслонять позитивную озабоченность молодого Гегеля политическими, социальными и даже *экономическими* проблемами» [Huppolite, 1965, p. 83]. «На смену природной среде пришла социальная среда; эта идея, которую впоследствии развил Огюст Конт, перейдя от биологии к социологии, является одной из важнейших тем гегелевской мысли <...>» [Ibid., p. 92]. «Даже в языке, равно как в труде, деньгах, человек всегда отчужден от самого себя; именно это отчуждение является проблемой Гегеля, ключом к будущей *Феноменологии*» [Ibid., p. 94]. «*Феноменология духа*, которая, как указывает название, рассматривает только феноменальный аспект сознания, описывает историческое преодоление этого [несчастливого] сознания» [Ibid., p. 191].

²³ «За философом мы обнаруживаем теолога, а за рационалистом – романтика <...> [В] глубине его философии имеется трагическое, романтическое, религиозное начало. И хотя распространять это начало на всю философию Гегеля было бы ошибкой, тем не менее вся его философия имеет соответствующую окраску. У истоков этой доктрины, которая предстает как последовательная связь понятий, лежит разновидность мистической интуиции <...>» [Валь, 2006, с. 5-6].

²⁴ «От начала до конца его [Гегеля] творчества проходит мотив разделения, греха, страдания, и постепенно он преобразуется в мотив примирения и блаженства» [Валь, 2006, с. 29].

Валь экстраполирует концептуальное содержание и идейную нагрузку понятия «несчастное сознание» на всю систему²⁵. В результате на первый план выходят мистически-иррациональные сюжеты: религиозные искания единства с абсолютным, процесс сближения между конечным и тотальным субъектом²⁶. Это сближение обеспечивается обоюдным чувством романтической тоски (нем. *Sehnsucht*), поскольку несчастен не только человеческий субъект, но и Бог вместе со всем сущим²⁷. Абсолютное знание в интерпретации Валь представляет собой гипотетическое примирение с этим всеобщим трагизмом²⁸. Религиозное чувство выступает одновременно как источник разорванности и надежды на ее окончательное снятие²⁹.

Переходя к ипполитовской интерпретации философии Гегеля, следует подчеркнуть, что она начинает формироваться еще в «Генезисе и структуре “Феноменологии духа”» (ранней работе Ипполита), но в наиболее отчетливой форме излагается в «Логике и существовании» (поздней его работе). Обращение к другим трудам Ипполита, написанным после «Генезиса и структуры “Феноменологии духа”», позволяет раскрыть его собственный способ понимания понятия «несчастное сознание».

В своем комментарии к «Феноменологии духа» Ипполит следует букве текста самого Гегеля, согласно которому «несчастное сознание» снимается в процессе диалектики самосознания и ведет к появлению разума [Гегель, 2000, с. 110-120]³⁰. В отличие от Валь, Ипполит не останавливается на позиции религиозного экзистенциализма. Он изначально движется к собственному прочтению философии Гегеля и понимает абсолютный субъект как исторически-рациональную сущность³¹. Ипполит говорит о «несчастном сознании»

---

²⁵ «От идеи несчастного сознания мы можем подняться к идее негативности <...> мы можем также сказать, что негативность – это несчастное сознание Бога, так как “чистая негативность” Бога существует, и она не может быть чем-то иным, нежели несчастным сознанием» [Валь, 2006, с. 170-171].

²⁶ «Бог отделяется от самого себя, чтобы соединиться с самим собой, и именно в этом он оказывается субъектом, который есть дух, скажет Гегель в *Феноменологии*. Дух, субъект, Бог, характеризуется этим единством разделения и соединения, расширения и ограничения, бессвязности и связи. Иначе говоря, Бог есть *λόγος*, *Urteil*, который объединяет посредством того, что он разрывает» [Валь, 2006, с. 165].

²⁷ «В Боге существует противоречие <...>» [Валь, 2006, с. 76]. «Такова справедливость Бога, который постоянно подчеркивает негативную сторону каждой вещи, которую он создает» [Там же, с. 118]. «Утрата любой уверенности, идея абсолютного несчастья, идея смерти Бога – все это одна и та же единственная идея» [Там же, с. 123]. [См. также: Валь, 2006, с. 89, 111, 124, 174, 184, 222, 268].

²⁸ «Идея смерти Бога и, следовательно, жизни Бога, божественная диалектика, где смерть преобразуется в негативность, встречается здесь с образованием идеи понятия, которую представляет размышление о примирении с судьбой» [Валь, 2006, с. 125]. [См. также: Валь, 2006, с. 139, 143, 159].

²⁹ «Конечное достигнет счастливого сознания лишь тогда, когда Бог, который является бесконечной целостностью, разрушит это конечное и тем самым утешит его и возвысит» [Валь, 2006, с. 173].

³⁰ «Феноменология духа 1807 г. в гораздо большей степени, чем *Пропедевтика* или феноменология *Энциклопедии* является истинной [véritable] конкретной историей человеческого сознания. Эта история сознания, которая имеет свое объективное бытие “как история мира”, гораздо более развита, чем та схема, которую Гегель впоследствии сохранит в своей системе и которая будет все в большей мере утрачивать свои связи с историей мирового духа. Так, в 1807 г. Гегель представлял переход от несчастного сознания к разуму как переход Церкви от средневековья к Возрождению и современности» [Huppolite, 1956, pp. 214-215].

³¹ «Это “несчастное сознание” истории, которое соответствует переходу от античного полиса к римской деспотии, от язычества к христианству, впервые было рассмотрено Гегелем в работе бернского периода [Ипполит имеет в виду «Позитивность христианской религии»]. Термин “несчастное сознание” еще не используется, но уже в этой работе мы находим принципиальные характеристики этого сознания. Примечательно также то, что, прежде чем представить расщепление Я в-себе в абстрактной форме, Гегель

истории» [«conscience malheureuse» de l'histoire] [Hypolite, 1956, p. 353], которое подразумевает не только религиозный трагизм конечного человеческого существования, как в прочтении Валя, но также проблемы отчуждения и борьбы за признание. Их философская экспликация не ограничивается опытом религиозного сознания.

Уже в «Генезисе и структуре “Феноменологии духа”» Ипполит переходит от описания «несчастливого религиозного и исторического сознания, напоминающего о темах философии Кьеркегора и Фейербаха», к проблеме единства «Феноменологии духа» и «Науки логики»³². Ее можно сформулировать так: каким образом согласуются гегелевское понимание субъекта и историчность его развития в диалектике абсолютного духа как главной инстанции рациональности? В «Логике и существовании» Ипполит приходит к выводу, что ответ на этот вопрос следует искать в том, что сегодня мы назвали бы *философией языка* Гегеля³³.

По мнению Ипполита, анализ феномена языка играет ключевую роль для понимания философии Гегеля. Язык – это одновременно и средство, и «материал» духа для диалектики абсолютного знания в максимально доступной человеку форме³⁴. В связи с этим Ипполит

обнаружил это несчастное сознание в *историческом феномене*. Два анализа, которые в *Феноменологии духа* разделены – несчастного сознания как такового в главе о самосознании и отчуждения духа в главе о правовом государстве – разрабатывались вместе, и то, что в *Феноменологии* появляется позднее, несомненно, было первично. Впервые именно в определенном преобразовании *мирового духа*, из которого возник современный мир, Гегель открыл то, что впоследствии станет *несчастливым сознанием* в целом» [Hypolite, 1956, pp. 353-354]. «Тонкие различия, проведенные Гегелем между несчастным сознанием, Верой и Религией, не лишены исторического значения» [Ibid., p. 370]. «Все его ранние работы были посвящены поиску *счастливого сознания* в истории в противовес *несчастному сознанию*, а счастье для него не может быть патологическим состоянием, определяемым исключительно внешними обстоятельствами. Для него счастье – это полнота реализации, акт “обретения себя в собственном творчестве [œuvre]”. Народ счастлив в истории, когда ему удастся выразить себя в своем творчестве» [Ibid., p. 462]. «Через трагедию всегда необходимого противостояния возникает откровение конкретного Всеобщего, которое проявляет себя в истории. Это единство трансцендентности и имманентности, это Бог, который умирает в человеке, пока человек возносится к божественному посредством истории, которая судит его, – является ли это восхождение экзистенций, которое появляется в конце *Феноменологии*, противоположностью экзистенциалистской философии, как считал Кьеркегор? Наш вопрос заключается не в этом <...> Существует множество других аспектов этого поразительного произведения, написанного в XIX в., которые еще представляют интерес для современного философа» [Hypolite, 1971, p. 103; см. также: Hypolite, 1971, pp. 121, 174, 212, 253].

³² «Прежде, чем Гегель разработал свою систему, он описал несчастное религиозное и историческое сознание, напоминающее [reminiscent] о темах философии Кьеркегора или Фейербаха» [Hypolite, 1969, p. vi]. «Мы можем попробовать пойти еще дальше в вопросе соответствия между *Логикой* и *Феноменологией*. (Именно здесь для нас заключается вся проблема гегелевской системы в целом)» [Hypolite, 1956, p. 566]. «Господствующая трудность гегелевской философии [de l'hégélianisme] – это взаимоотношение “Феноменологии” и “Логики”, или, как мы скажем сегодня, антропологии и онтологии» [Hypolite, 1953, p. 247].

³³ В этой связи см. также работы Ипполита в разделах D и E второго тома собрания его статей, которые затрагивают проблемы философии языка и истории, [Hypolite, 1971, pp. 891-995].

³⁴ «<...> [Т]о, что Гегель называет “понятием” или “значением”, уже внутренне присуще абсолютному знанию, о котором он говорит, будто оно есть “рефлексия, которая сама проста и есть непосредственность как таковая для себя, *бытие*, которое есть рефлексия в себя самого”. Человеческий язык, Идея [le langage humain, le Logos], является такой рефлексией бытия в себя самого <...>» [Hypolite, 1953, p. 4]. «Этот язык [discours], чтобы стать действительностью, должен стать языком всеобщего самосознания, он уже является им, когда используется как язык [langage], когда он предполагает установленную между единичными сознаниями коммуникацию, а эти сознания стремятся к взаимному признанию и через язык осуществляют его. Такое признание является фундаментальным началом абсолютного знания, но язык [langage] сам является этим признанием, и именно такая связь единичного и всеобщего является для Гегеля понятием или смыслом»

предлагает понимать *Begriff* Гегеля как *значение / смысл* (фр. *le sens*): язык – это «дом бытия как значения [Le langage est la demeure de l'être comme sens]» [Huppolite, 1953, p. 215]. Согласно Ипполиту, «абсолютный идеализм» Гегеля предполагает единство рационального и иррационального, разума и природы, бытия и мышления на основании спекулятивного языка гегелевской системы³⁵. Содержание философии Гегеля тесно связано с формой, в которой оно представлено. С акцентом на феномене языка гегелевская система предстает как универсальный, обновляющийся и все более точный «алгоритм» познания. Человек как конечный компонент системы выступает в роли пространства и исторического носителя языка, в котором реализуется данный «алгоритм». На мой взгляд, здесь содержится ключевой момент интерпретации Ипполита, который связан не только с языком, но также с *памятью* (фр. *la mémoire*).

Абсолютное знание гегелевской философии – это пространство человеческого языка, который инициирует и отображает собственное развитие, который одновременно замкнут на себе и связан с диалектикой структур бытия. Человеческий субъект включен в конструирование процесса материальной и ментальной истории, но в то же время человек недолговечен, а память подвержена *забвению* (фр. *l'oubli*). Выходит, что прирост знания системы частично зависит от ненадежного посредника – памяти человека. При участии памяти язык совершенствуется, сначала конструирует гегелевскую систему как собственное принципиальное описание, а затем «уточняет» его на пути к абсолютному знанию. Именно поэтому Ипполит акцентирует свое внимание уже не только на феномене языка, но и на памяти³⁶. Антропологизированная негативность как характеристика интерпретации Ипполита – это уже не просто человеческий субъект, который столь важен для прочтений философии Гегеля в контексте экзистенциализма и феноменологии. Ипполит трактует

[Ibid., p. 22]. «<...> [А]бсолютное знание не имеет ничего мистического и никакой гордыни. Оно является сведением бытия или субстрата (предполагаемого) к значению [sens], оно является отождествлением абсолютного бытия с движением постижения, и именно это постижение самого себя и есть философия, жизнь истины» [Ibid., p. 179]. «Гегель считал, что сумел <...> обнаружить становление человеческого сознания как абсолютного знания так, словно это становление было историей. История – это место этого перехода, но сам этот переход не является *историческим фактом* [fait historique]. И потом, есть забвение и воспоминание [l'oubli et la réminiscence]. Существование, отношение человека в Идее [Logos], вновь возвращает Идею на ее первичное место: “Если есть свет, то есть и тень сумрачной половины мира”» [Ibid., p. 247].

³⁵ «<...> [Г]егелевская философия завершается спекулятивной логикой в не меньшей степени, чем философией истории» [Huppolite, 1953, p. 25]. «<...> Гегель с полным правом настаивает на спекулятивном значении этого внешнего характера мышления в языке [langage], а не только на его практической и педагогической важности. Языку обучаются, в нем живут, он является бытием мышления. Благодаря такой объективной памяти [mémoire objective] (*Gedächtnis*) существующий звуковой язык [langage] и значение [signification] составляют единое целое» [Ibid., p. 35]. «Спекулятивная философия, та, которая обнаруживается в абсолютном знании, также будет исчезновением всякой трансцендентности, возвращением в “достоверность самого себя”, но самого себя как всеобщей самости, самости содержания, а не только человеческой самости. Тем более она не будет антропоморфизмом или гуманизмом. Она будет философией Абсолюта, который существует как Идея [Logos] лишь в языке [langage]» [Ibid., p. 50].

³⁶ «Именно потому, что бытие преходяще, оно переносит себя внутрь себя и постигает себя. Забвение и память [L'oubli et la mémoire] имеют онтологическое значение» [Huppolite, 1953, p. 223]. «Бытие показывает себя через сущность как значение [l'essence comme sens], но значение также является бытием или, скорее, бытием, уже отсылающим к значению; оно представляет собой *утраченное значение* [sens perdu], оно выступает как *забытое* значение [sens oublié], так как значение есть внутренняя сущность воспоминания, взятая в своем бытии. Забвение и воспоминание [L'oubli et le souvenir] в области познания соответствуют диалектическому различию бытия и значения <...>» [Ibid., pp. 228-229].

двойственность позиции субъекта в гегелевской системе таким образом, что человеческое сознание уступает место языку и памяти как безличным, самораскрывающимся структурам, «абсолютной рефлексии, которая проходит через человека» [Ипполит, 2006, с. 308].

В конечном итоге, в «Логике и существовании» данный ход выведения дискурса абсолюта из связки с антропоморфным субъектом не доводится до раскрытия всех своих следствий. Конечно, то, что подлежит забвению, служит препятствием для абсолютизации знания, но в то же время делает возможным сам процесс абсолютизации. Память, язык и человек как их носитель предстают как аспекты диалектической «агентности» и концептуализируются через негативность. В то же время Ипполит не дает развернутого комментария для целого ряда вопросов: как именно связаны, как соотносятся между собой человек, язык и память? Что служит гарантией сохранения и последовательного развития проекта «абсолютного идеализма» Гегеля в условиях такой информационно-экзистенциальной «энтропии»? Иными словами, как Ипполит предлагает решать ту проблему, которую он считал ключевой в гегелевской мысли: проблему единства и перехода от «Феноменологии духа» к «Науке логики», которая в «Логике и существовании» формулируется Ипполитом в виде проблематичной диалектики «забвения и воспоминания» (фр. *l'oubli et la réminiscence*).

На мой взгляд, в «Логике и существовании» Ипполит представил промежуточный результат своего проекта по актуализирующему переосмыслению гегелевской философии, который предполагал дальнейшее развитие. В своих исследованиях он не мог отойти от текста произведений Гегеля слишком далеко. Не мог он отказаться и от своей убежденности в том, что путь к дальнейшему развитию философии требует осмысления, преодоления или актуализации гегелевской мысли. Именно в этом смысле следует понимать упомянутую выше характеристику философского проекта Ипполита, согласно которой Ипполит-комментатор практически неотделим от Ипполита-интерпретатора.

Понимание подлинного смысла и ценности философии Гегеля для современности (современности относительно Ипполита) связано с прояснением роли и природы памяти в становлении абсолютного духа, которое в языке опосредовано человеческой историей; с прояснением связей между мышлением, памятью, рациональностью и языком³⁷. Если искомое Ипполитом единство философского проекта Гегеля заключается в феномене языка, то, как именно происходит переход от опыта сознания к раскрытию онтогенеза бытия в целом? Ипполит лишь подошел к формулировке данных трудностей, что можно расценивать двумя способами.

Первый вариант, ставший традиционным в рамках русскоязычных исследований философии Ипполита: определить философию Ипполита как незавершенную попытку синтеза неогегельянских интерпретаций философии Гегеля во Франции в рамках течения «французского неогегельянства».

---

³⁷ Вероятно, отсюда интерес Ипполита к психоанализу [см.: Huppolite 1971a, pp. 373-442, 885-890]. См. также сборник материалов по итогам семинаров по философии Гегеля, которые велись под руководством Ипполита в 1967–1968 гг. [D'Hondt, 1970], работу Ж. Деррида под названием «Колодец и пирамида. Введение в семиологию Гегеля» в особенности [Ibid., pp. 27-83].

Второй вариант: подходить к ней с учетом исследовательской установки Ипполита. Тогда его работы предстанут – как попытки одновременно актуализировать и прояснить идеи Гегеля, которые имеют неисчерпаемую ценность³⁸.

Тогда философия Ипполита предстает, как стремление выстроить связующие линии между гегелевской системой и актуальными для XX в. философскими вопросами, в частности, с вопросом о статусе субъекта, или, выражаясь на языке Ипполита, о статусе «субъективной рефлексии» в истории. Позитивное следствие интерпретации Ипполита остается не до конца ясным и требует тщательной дальнейшей реконструкции. Но в соответствии с целями данной статьи сказанного выше достаточно для решения вопроса о месте и роли понятия «несчастное сознание» в философии Ипполита. Ответ на него нагляднее всего будет представить через сравнение с валеvской интерпретацией «Феноменологии духа».

В пользу преемственности между валеvской интерпретацией «Феноменологии духа» и трудами Ипполита говорят весомые доводы. Как уже было отмечено в первой части данной статьи, Ипполит был знаком с работой Валя и признавал, что «Несчастное сознание в философии Гегеля» подтолкнуло его к решению изучать и переводить Гегеля. Главный аргумент в пользу концептуальной зависимости интерпретации Ипполита от работы Валя сводится к тому, что в текстах Ипполита нередко высказываются соображения, которые созвучны с выводами, изложенными в книге Валя.

Ипполит, как и Валь, считает, что понятие «несчастное сознание» представляет особую ценность в контексте вопроса о прояснении замысла и результатов философии Гегеля. Также в согласии с Валем Ипполит настаивает на том, чтобы уделять ранним текстам Гегеля пристальное внимание. Такого рода соображения могут объяснить отдельные исследовательские решения Ипполита.

Но явные различия в том, как понимают гегелевскую систему Валь и Ипполит, и как каждый из них с ней работает, говорят о том, что только влиянием «французских неогегельянцев»-предшественников философию Ипполита объяснить невозможно.

Прежде всего, Ипполит никогда не утверждал, что экспликация понятия «несчастное сознание» способна прояснить весь замысел философии Гегеля. Подтверждением тому служат регулярные обращения Ипполита к концептуальным ресурсам других философских построений. Кроме того, Ипполит не высказывал сомнений в том, что корпус сочинений Гегеля составляет цельную систему. Собственные философские усилия Ипполита как раз и нацелены на исследование возможностей последней. В то время как Валь смещает центр внимания на «Феноменологию духа» и тексты, написанные до нее, Ипполит, начиная уже с «Генезиса и структуры “Феноменологии духа”», формулирует ключевой вопрос своих изысканий как проблему согласования частей системы Гегеля. Наконец, Ипполит не разделяет центральной мысли валеvской интерпретации, в соответствии с которой происходит экстраполяция религиозного трагизма понятия «несчастное сознание».

Приближаясь к окончательным выводам, я предлагаю вернуться к классификации обращений Ипполита к этому гегелевскому понятию, которая была предложена в начале второй части статьи.

---

³⁸ «Осмысление взаимосвязей между философией Гегеля и Маркса имеет для нас универсальное значение. Это не просто историческое наследие. Оно подразумевает проблему, которую можно всегда пересматривать и которая в любой исторический момент может приобрести новый смысл» [Hippolite, 1969, pp. ix-x].

Согласно этой классификации, все случаи обращения Ипполита к понятию «несчастное сознание» можно условно разделить на четыре вида (*анализ содержания и цитаты* из Гегеля, *метафоры*, *отсылки* к интерпретации Валя и *собственные* интерпретаторские *соображения* Ипполита). Время от времени Ипполит *отсылает* к валевскому «несчастному сознанию», но в исследовательском проекте Ипполита, взятом в целом, такие отсылки играют наименее важную роль. *Метафорические* упоминания «несчастливого сознания» в текстах Ипполита указывают как раз на эту ограниченную зависимость его гегелеведческих исследований от книги Валя. С их помощью Ипполит иллюстрирует сущность развития системы философии Гегеля или акцентирует ее определенные моменты и часто делает это через сопоставление гегелевских идей с современными Ипполиту философскими сюжетами. *Анализ содержания* понятия «несчастное сознание», а также *цитаты* из текстов Гегеля, в свою очередь, предполагают, что Ипполит в этом вопросе придерживался позиции, которая излагается в первоисточнике, – «Феноменологии духа».

В «Логике и существовании» как труде, где собственная ипполитовская интерпретация философии Гегеля представлена в наиболее оформленном виде, присутствие темы валевского «несчастливого сознания» едва ли прослеживается. Соответственно, *собственные соображения* Ипполита касательно понятия «несчастное сознание» в контексте его философского проекта как целого находятся на периферии. Даже если идеи Валя действительно оказали первичное влияние на то, как понимает «несчастное сознание» Ипполит, он постепенно дистанцировался от валевского прочтения, начиная уже с первой своей книги о философии Гегеля – комментария к «Феноменологии духа». По мере того, как работы Ипполита о философии Гегеля все более трансформировались из сугубо «исторического комментария» в аутентичную интерпретацию, след валевского понимания «несчастливого сознания» и роль этого гегелевского понятия в трудах Ипполита в целом снижались.

Ипполит признает за валевским прочтением понятия «несчастное сознание» право на существование и отчасти разделяет правоту подразумеваемых при этом выводов касательно гегелевской мысли. Однако, по мнению Ипполита, система Гегеля – это куда более многогранный и комплексный конструкт, который требует все новых последующих комментариев и интерпретаций. Собственные исследования Ипполита являются самым убедительным тому подтверждением. Они представляют собой череду попыток соотнести философию Гегеля с марксизмом, феноменологией и экзистенциализмом как наиболее влиятельными философскими проектами Франции середины XX в. При этом Ипполит идет дальше и приходит к выводу, что подлинную ценность системы Гегеля следует искать в феномене языка. По отношению к нему «несчастное сознание» выступает как «носитель», как субъективное пространство онтологизированной вербализации диалектики абсолюта.

Как сказал сам Ипполит: «Бытие, чтобы познать себя, отчуждается от самого себя. Сущность – это диалектический момент этого отчуждения бытия, можно даже сказать, что это *несчастное сознание* онтологии (*la conscience malheureuse de l'ontologie*)» [Hypolite, 1953, p. 226]³⁹. Без языка это несчастное сознание в принципе не могло состояться. Данный

---

³⁹ В своей монографии И. С. Курилович приводит собственный вариант перевода данного фрагмента: «Бытие, чтобы себя узнать, чтобы предстать себе, отчуждается от самого себя. Сущность – это диалектический момент этого отчуждения бытия, можно даже сказать, что это несчастное сознание онтологии» [Курилович, 2019, с. 183].

вывод знаменует собой выход за пределы концептуальных конфигураций «французского неогегельянства» и приближается к таким проблемам, которые будут свойственны философам, связанным в первую очередь с появлением и развитием структурализма. Соответственно, мысль Ипполита, если рассматривать ее в рамках «французского неогегельянства», раскрывается с некоторых своих сторон. Но идеи Ипполита не следует ограничивать данным «течением» мысли. Понятие «несчастное сознание» из «Феноменологии духа» в философии Ипполита – это один из множества способов выразить стремление к актуализации идей Гегеля в свете противоречий человеческого существования.

В данной статье продемонстрирована аутентичность концептуальных решений философского проекта Ипполита, которые касаются интерпретации гегелевского понятия «несчастное сознание». Это позволит углубить представления о месте и роли идей Ипполита во французской философии XX в. В частности, это дает основания для более комплексного сравнения неогегельянских интерпретаций философии Гегеля во Франции.

Список литературы / References

Бочковой, Д. А. (2010). Проблема негативности абсолюта в философии Гегеля. *Теория и практика общественного развития*. № 2. С. 102-109.

Bochkovoi, D. A. (2010). The Problem of Absolute's Negativity in Hegel's Philosophy. *Theory and practice of social development*. No. 2. Pp. 102-109. (In Russ.)

Быстров, В. Ю. (2016). Французское неогегельянство и проблемы европейской интеграции. *Россия в глобальном мире*. № 8. С. 449-457.

Bystrov, V. Yu (2016). French Neo-Hegelianism and the Problems of European Integration. *Russia in the Global World*. No. 8. Pp. 449-457. (In Russ.)

Валь, Ж. (2006). *Несчастное сознание в философии Гегеля*. Пер. с фр. В. Ю. Быстров. СПб.: Владимир Даль.

Wahl, J. (2006). *Unhappy Consciousness in Hegel's Philosophy*. Bystrov, V. Yu. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Вдовина, И. С. (2008). Жан Ипполит. *Философы Франции: словарь*. Ред. И. И. Блауберг. М.: Гардарики. С. 130.

Vdovina, I. S. (2008). Jean Hyppolite. In Blauberg, I. I. (ed.). *Philosophers of France: a dictionary*. Moscow. P. 130. (In Russ.)

Гегель, Г. В. Ф. (2000). *Феноменология духа*. Пер. с нем. Г. Г. Шпет. М.: Наука.

Hegel, G. W. F. (2000). *The Phenomenology of Spirit*. Shpet, G. G. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Давыдов, Ю. Н. (2010). Неогегельянство. *Новая философская энциклопедия*. Т. 3. Ред. В. С. Степин и др. М.: Мысль. С. 55-56. (In Russ.)

Davydov, Yu. N. (2010). Neo-Hegelianism. In Stepin, V. S. et al. (eds.). *New Encyclopaedia of Philosophy*. Vol. 3. Moscow. Pp. 55-56. (In Russ.)

Ипполит, Ж. (2006). *Логика и существование. Очерк логики Гегеля*. Пер. с фр. В. Ю. Быстров. СПб.: Владимир Даль.

Hypolite, J. (2006). *Logic and Existence. An Outline of Hegel's Logic*. Bystrov, V. Yu. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

История философии: Запад – Россия – Восток (книга четвертая: Философия XX в.). (2000). Ред. Н. В. Мотрошилова, А. М. Руткевич. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина.

Motroshilova, N. V. & Rutkevich, A. M. (eds.) (2000). *History of Philosophy: West – Russia – East (book four: Philosophy of the 20th century)*. Moscow. (In Russ.)

Кузнецов, В. Н. (1982). *Французское неогегельянство*. М.: Изд-во Московского университета.

Kuznetsov, V. N. (1982). *French Neo-Hegelianism*. Moscow. (In Russ.)

Курилович, И. С. (2019). *Французское неогегельянство: Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии Гегеля-Гуссерля-Хайдеггера*. М.: РГГУ.

Kurilovich, I. S. (2019). *French Neo-Hegelianism: J. Wahl, A. Koyré, A. Kojève, and J. Hypolite in Search of a Unified Hegel-Husserl-Heidegger Phenomenology*. Moscow. (In Russ.)

Мотрошилова, Н. В. (2010). «Феноменология духа». *Новая философская энциклопедия*. Т. 4. Ред. В. С. Степин и др. М.: Мысль. С. 178-180.

Motroshilova, N. V. (2010). "The Phenomenology of Spirit". In Stepin, V. S. et al. (eds.). *New Encyclopaedia of Philosophy*. Vol. 4. Moscow. Pp. 178-180. (In Russ.)

Ойзерман, Т. И. (1966). *Философия кризиса и кризис философии. Современный экзистенциализм. Критические очерки*. Ред. Т. И. Ойзерман и др. М.: Мысль. С. 5-44.

Oizerman, T. I. (1966). Philosophy of crisis and crisis of philosophy. In Oizerman, T. I et al. (eds.) *Contemporary existentialism. Critical essays*. Moscow. Pp. 5-44. (In Russ.)

Петренко, Е. Л. (2010). Жан Ипполит. *Новая философская энциклопедия*. Т. 2. Ред. В. С. Степин и др. М.: Мысль. С. 151.

Petrenko, E. L. (2010). Jean Hypolite. In Stepin, V. S. et al. (eds.). *New Encyclopaedia of Philosophy*. Vol. 2. Moscow. P. 151. (In Russ.)

Селиванов, Ю. Р. (2005). *Метод Феноменологии духа: проблемы и перспективы*. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М.: МГУ.

Selivanov, Yu. R. (2005). *Method of Phenomenology of Spirit: Problems and Prospects*. Abstract of Doctor's Thesis: 09.00.03. Moscow. (In Russ.)

Стрелков, В. И. (2014). Антигегельянство или постгегельянство: дилемма французской постклассической мысли. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. № 10. С. 36-45.

Strelkov, V. I. (2014). Anti-Hegelianism or post-Hegelianism: the dilemma of French post-classical thought. *RSUH / RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No. 10. Pp. 36-45. (In Russ.)

Труфанов, С. Н. (2007). *Концепция самосознания в философской системе Г. В. Ф. Гегеля*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Тверь: ТвГУ.

Trufanov, S. N. (2007). *The concept of self-consciousness in Hegel's system of philosophy: Abstract of Candidate's Thesis: 09.00.03. Tver*. (In Russ.)

Фуко, М. (1996). Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Ред., пер., сост. А. Пузырей, С. Табачникова. М.: Касталь. С. 48-96.

Foucault, M. (1996). The order of the discourse. Inaugural lecture given at College de France on December 2nd 1970. In Puzyrej, A., Tabachnikova, S. (eds., transl., comp.). *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of Different years*. Moscow. (In Russ.)

Ямпольская, А. В. (2011). Неогегельянский след в работах Левинаса. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. № 15. С. 227-238.

Yampolskaya, A. V. (2011). The Neo-Hegelian trace in Levinas's writings. *RSUH / RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No. 15. Pp. 227-238. (In Russ.)

Baring, E. (2011). *The young Derrida and French Philosophy, 1945-1968*. NY. Cambridge University Press.

Baugh, B. (2003). *French Hegel: From Surrealism to Postmodernism*. NY and London. Routledge.

D'Hondt, J. (dir.) (1970). *Hegel et la pensée moderne: séminaire sur Hegel dirigé par Jean Hyppolite au Collège de France (1967-1968)*. Paris. PUF. (In French)

Ford, R. (2023). *Experience and Empiricism: Hegel, Hume, and the early Deleuze*. Evanston. Northwestern University Press.

Gansen, M. (2016). "Everywhere there are sad passions": Gilles Deleuze and the unhappy consciousness. In Meiborg, C. & Van Tuinen, S. (eds.). *Deleuze and the passions*. Punctum Books. Pp. 21-40.

Geroulanos, S. (2010). *An atheism that is not humanist emerges in French thought*. Stanford. Stanford University Press.

Gutting, G. (2011). *Thinking the impossible: French philosophy since 1960*. Oxford. Oxford University Press.

Heckman, J. (1974). Introduction. In *Hyppolite, J. Genesis and Structure of Hegel's Phenomenology of Spirit*. Cherniak, S. & Heckman, J. (transl.). Evanston. Northwestern University Press. Pp. xv-xli.

Hyppolite, J. (1953). *Logique et existence. Essai sur la Logique de Hegel*. Paris. PUF. (In French)

Hyppolite, J. (1956). *Genèse et structure de la Phénoménologie de l'Esprit de Hegel. Vol. I, II*. Paris. Aubier. (In French)

Hyppolite, J. (1965). *Études sur Marx et Hegel*. Paris. Éditions Marcel Rivière. (In French)

Hyppolite, J. (1969). Preface to the English Edition. In Hyppolite, J. *Studies on Marx and Hegel*. O'Neil, J. H. & Row (transl.). Pp. v-x.

Hyppolite, J. (1971). *Figures de la pensée philosophique. Écrits 1931–1968. Vol. I, II*. Paris. PUF. (In French)

Hyppolite, J. (1983). *Introduction à la philosophie de l'histoire de Hegel*. Editions du Seuil. (In French)

Hyppolite, J. (1997). *Logic and Existence*. Lawlor, L. & Sen, A. (transl.). SUNY Press.

Lawlor, L. (2003). *The Challenge of Bergsonism: Phenomenology, Ontology, Ethics*. NY and London. Continuum.

Lawlor, L. (2006). *The Implications of Immanence: Toward a new Concept of Life*. NY. Fordham University Press.

Macdonald, M. (2016). *Hegel and Psychoanalysis: A New Interpretation of Phenomenology of Spirit*. NY and London. Routledge.

Plotnitsky, A. (1993). *In the shadow of Hegel: Complementarity, history, and the unconscious*. Gainesville. University Press of Florida.

Poster, M. (1975). *Existential Marxism in Postwar France: From Sartre to Althusser*. Princeton. Princeton University Press.

Rinaldi, G. (2016). The Metaphysical Presuppositions of Hegel's Philosophy of Self-Consciousness. In de Laurentiis, A. & Whited, S. (eds.). *Hegel and Metaphysics: On Logic and*

Ontology in the System. Berlin. Boston. Walter de Gruyter. Pp. 89-107.
DOI: 10.1515/9783110424447-008

Roth, M. (1988). *Knowing and history. Appropriations of Hegel in Twentieth-Century France.* Ithaca and London. Cornell University Press.

Russon, J. (2016). *Infinite Phenomenology: The Lessons of Hegel's Science of Experience.* Evanston. Northwestern University Press.

Sinnerbrink, R. (2007). *Understanding Hegelianism.* Stocksfield. Acumen.

Schrift, A. (2006). *Twentieth-Century French Philosophy: Key themes and thinkers.* Oxford. Blackwell.

Tierzi, P. (2018). Wrestling with the shadow: The panlogism controversy in Hegel's French reception. *Modern Intellectual History.* № 17 (4). Pp. 981-1008. DOI: 10.1017/S147924431800046X

Сведения об авторе / Information about the author

Лунев-Коробский Олег Александрович – аспирант, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sickrrett@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7685-020X>

Статья поступила в редакцию: 12.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Lunev-Korobskii Oleg Alexandrovich – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: sickrrett@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7685-020X>

The paper was submitted: 12.08.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024

УДК 1(091)

КАКОЙ СОКРАТ? «ПОСЛЕСЛОВИЕ К “ДОСТОПАМЯТНОСТЯМ” БЛАЖЕННОГО СОКРАТА» И. Г. ГАМАНА

А. М. Стрельцов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
streltsov@mail.ru

Аннотация. Представлен перевод на русский язык и комментарий трактата Иоганна Георга Гамана «Послесловие к “Достопамятностям” блаженного Сократа» (Beilage zum Denkwürdigkeiten des seligen Sokrates) 1773 г., который до настоящего времени практически не освещался в историко-философской среде. Данное сочинение представляет собой завершающую часть своеобразной трилогии Гамана (первыми частями которой были «Сократические достопамятности» и «Облака», написанные, соответственно, в 1759 и 1760 гг.), посвященной сократической проблематике и интерпретации образа Сократа в контексте проекта Просвещения. В этом сочинении Гаман выступает против рационалистической трактовки Сократа деятелем немецкого Просвещения Иоганном Августом Эберхардом, отстаивая теологическую ортодоксию предшествующей эпохи.

Ключевые слова: Гаман, Эберхард, Сократ, Просвещение, естественная теология.

Для цитирования: Стрельцов, А. М. (2024). Какой Сократ? «Послесловие к “Достопамятностям” блаженного Сократа» И. Г. Гамана. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 49-66. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.49-66

WHICH SOCRATES? “SUPPLEMENT TO THE MEMORABILIA OF THE BLESSED SOCRATES” OF J. G. HAMANN

A. M. Streltsov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
streltsov@mail.ru

Abstract. Provided is translation into Russian as well as commentary of the J. G. Hamann’s treatise «Supplement to the Memorabilia of the Blessed Socrates» (Beilage zum Denkwürdigkeiten des seligen Sokrates) of 1773, which up to this time has not received sufficient treatment in the historical-philosophical research. This work represents concluding part of Hamann’s trilogy of sorts, which began with «Socratic Memorabilia» of 1759 and «Clouds» of 1760. The treatise deals with Socratic perspective and interpretation of the character of Socrates in the context of the Enlightenment project. In this work Hamann confronts rationalistic reading of Socrates by the Enlightenment follower Johann August Eberhard by means of maintaining theological orthodoxy of the preceding epoch.

Keywords: Hamann, Eberhard, Socrates, Enlightenment, natural theology.

For citation: Streltsov, A. M. (2024). Which Socrates? “Supplement to the Memorabilia of the Blessed Socrates”. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 49-66. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.49-66

Короткое и практически неизвестное сочинение И. Г. Гамана «Послесловие к «Достопамятностям» блаженного Сократа» примечательно в нескольких отношениях. Эта работа не только обогащает и дополняет наше представление о рецепции Сократа в европейской мысли, но также служит источником в области философии религии,

моральной и политической философии той же эпохи. Гаман, язык которого Кант называл иронически «божественным языком блуждающего разума», призывая его к формулировкам «обычными понятиями по логическим правилам» [Hamann, 1957, p. 82; Гильманов, 2013, с. 86], – исключительно трудный автор для чтения именно потому, что он выступал против претензии французских просветителей и их немецких эпигонов на сведение человеческого знания к отчетливым пропозициям, универсальным и абстрактным рациональным истинам. Именно в этой связи Гаман выбрал в качестве инструмента своей «метакритики» критического проекта Просвещения образ исторического Сократа, который, будучи объявлен Пифией мудрейшим из всех людей, сам о себе говорил, что ничего не знает. Сократическая интерпретация Гамана шла вразрез с духом эпохи, которая подчеркивала рациональное начало сократической мудрости против религиозного обскурантизма церковников, и в этом смысле его подход подвергнул сомнению конвенциональные трактовки Сократа.

Гаман начал думать о Сократе еще во время своего пребывания в командировке в Лондоне, во время которой произошло его обращение от идеалов рационализма к христианской ортодоксии предшествующей эпохи. Соответственно, Гаман бросил вызов тогдашнему обществу своим дебютным сочинением «Сократические достопримечательности» (*Sokratische Denkwürdigkeiten*), написанным и опубликованным в 1759 г. Практически сразу после этого последовало другое сочинение «Облака» (*Wolken*) в качестве иронического отклика на критику первого произведения. В Античности комедия соседствовала с трагедией [Brose, 2006, pp. 429-430], и именно так поступил Гаман в «сиквеле» к первой своей работе с очевидной отсылкой в самом названии к одноименной комедии Аристофана.

Творчество самого Гамана можно с некоторой долей условности разделить на три этапа [O’Flaherty, 1979, pp. 29-30]. В течение первого этапа его творчества были написаны первые два сочинения, а обсуждаемая здесь работа относится ко второму периоду. В промежутке Гаман взял некоторую паузу, чтобы заняться семейными делами: в это время он заключил «брак по совести» со служанкой его отца, женщиной крестьянского происхождения Анной Региной Шумахер, результатом которого явилось рождение нескольких детей.

Возвращение Гамана к теме Сократа было вызвано внешними обстоятельствами. В принципе, все его сочинения представляют собой реакцию на внешние «раздражители», и наше сочинение здесь отнюдь не является исключением из правил. В данном случае непосредственной причиной явилось сочинение придворного берлинского вольфианского проповедника, ученого теолога и философа Иоганна Августа Эберхарда “*Neue Apologie des Sokrates*” 1772 г. [Eberhard, 1772], явившееся квинтэссенцией рационалистической трактовки Сократа в немецкой среде. Гаман не мог оставить этот очередной вызов без ответа. В некотором смысле он уже высказался насчет Сократа в начальной фазе своего творчества. И, несмотря на своеобразие стиля, его интерпретация в целом была понятна: «Незнание есть одновременно грех и мудрость. Оно есть превращение всего человека в ничто и в то же время смерть, которая должна предшествовать истинной жизни. Это парадокс, на который Гаман постоянно указывал философам Просвещения, которые воображали, будто они могут проложить путь к Богу посредством метафизических конструкций» [Leibrecht, 1958, p. 167]. Для Гамана Сократ представляет собой финальную стадию движения человеческого разума на пути самопознания, нуждаясь для водительства во внешнем гении (*Genius*). Эберхард категорически не принял такое прочтение Сократа. Большая часть его работы,

о чем свидетельствует и ее подзаголовок, посвящена вопросу спасения язычников, превосходным моральным образцом которых выступает Сократ. Возможное спасение язычников обсуждалось в кругах деятелей Просвещения больше с подачи теологов, хотя исследователь рецепции Сократа в XVIII столетии Бенно Бем отмечает, что просветители-философы также не отказывались от рассмотрения этого круга вопросов [Böhm, 1966, p. 154].

Если Сократ способен должным образом выстроить свою жизнь на основании правильного употребления разума, то внешнее религиозное откровение представляется избыточным. В задачу Эберхарда входит реабилитация Сократа от возможных моральных инвектив: «Я считаю, к чести человечества, что человек может предаваться противоестественной похоти только при определенных обстоятельствах, и ни одним из этих обстоятельств не была затронута справедливая, чистая, просвещенная и свободная душа Сократа» [Eberhard, 1772, p. 511]. Гаман же, в свою очередь, совершенно не стремился обелять Сократа в его произведении, но спокойно допускал наличие у него пороков [Hamann, 1950a, pp. 67-68].

Согласно интерпретации Бема, Эберхард обрушивал критику, с одной стороны, «на Эпикура как представителя механико-материалистического взгляда на Сократа», а с другой – на христианскую ортодоксию [Böhm, 1966, p. 226]. Себя самого Эберхард причислял к просвещенным почитателям Бога, которые при этом желают иметь свободу пользоваться своим разумом.

Обе стороны – Эберхард и Гаман – использовали образ исторического Сократа, чтобы сказать то, что напрямую они сказать не могли или не хотели. Философия здесь переплеталась с теологией, история с моралью. Интересно, что у Эберхарда учился Фридрих Шлейемахер, ставший далее нормативным переводчиком Платона на немецкий язык, а заодно и основоположником либеральной протестантской теологии XIX в. Хотя к моменту первого своего сочинения о Сократе Гаман еще не читал самого Платона, полагаясь скорее на биографические сведения о Сократе в переложении французских и немецких авторов, к моменту написания «Приложения» он познакомился с основными диалогами, которые читал на древнегреческом. Впрочем, это никак не изменило его трактовки Сократа.

В критическом собрании сочинений Гамана, выполненном Йозефом Надлером, «Приложение» поставлено в раздел «История религии» [Hamann, 1951b, pp. 111-121]. В этом смысле Надлер отделяет эту группу работ от сочинений более позднего периода, которые он относит к разделу «Разум» (также и две ранние работы Гамана о Сократе помещены им в предыдущем томе в раздел «Философия»). Однако такое распределение трактатов Гамана имеет немалую долю условности. Одной из главных черт творчества Гамана является холистичность: он говорит понемногу едва ли не обо всем сразу. Еще Гете отмечал соединение разрозненного как основной принцип организации мысли Гамана [Гете, 1976, с. 433]. В этом смысле наша трактовка настоящего произведения Гамана подразумевает, что его нельзя свести к религиозной или теологической проблематике, но что оно затрагивает широкий спектр тем, актуальных для эпохи просвещенного абсолютизма.

С точки зрения стиля Гамана все детали оформления его работ имеют значение. Как известно, Гаман писал под псевдонимами. Дебютное сочинение о Сократе он иронично опубликовал будто бы в Амстердаме, месте творчества основоположника библейской критики Спинозы и в целом цитадели континентального свободомыслия. Новая же работа написана от лица «священнослужителя в Швабии» и напечатана в Галле, где Эберхард учился у Вольфа. С нашей точки зрения, Гаман не просто хотел максимально скрыть свое авторство

под новой маской, перенеся место печати как можно дальше от Кенигсберга, как утверждает Йозеф Надлер [Nadler, 1949, p. 223]. Швабия была выбрана как обитель людей простой и чистой веры, максимально далекая по духу от берлинской академии. Вюртемберг был одним из важнейших центров пиетизма, как и университет Галле. Главным же городом исторической Швабии был имперский Аугсбург, место, где в 1530 г. было представлено основное вероисповедание Лютеранской церкви, и именно на этом содержится аллюзия в самом названии. Гаман, таким образом, обращает против Эберхарда – друга и соратника известных берлинских просветителей Моисея Мендельсона и Фридриха Кристофа Николаи – орудие той самой веры, которую тот должен формально представлять. По этой же причине Гаман пишет от лица проповедника. Берлинскому статусному проповеднику должен был возражать проповедник же.

Типичный «эзотерический» характер произведения выбран неслучайно и соответствует всей программе действий Гамана, в публичном творчестве которого тексты требовали от читателя «продираться» сквозь заросли его конструкций.

Тезисно мысль Гамана можно представить следующим образом. Во-первых, Гаман жестко высказывается против идеологической составляющей системы просвещенного абсолютизма Фридриха Второго. Используя иронию как свой коронный прием, он показывает, что вещи не таковы, какими кажутся. Несмотря на провозглашение толерантности, именно королевский палач кинул в костер негодную королю книгу, написанную философом, которым Фридрих ранее восхищался [Hamann, 1951b, p. 115]. Конечно, государственный служащий Гаман, получивший за несколько лет до того место мелкого чиновника по протекции Канта, вынужден выражаться осторожно (более раскованно он будет говорить в написанном тогда же на французском языке трактате «Au Salomon de Prusse»), но в целом его интенция считывается без особых проблем.

Далее, Гаман пытается оставить место для традиции. Он словно пытается сказать современникам и соотечественникам: остановитесь. Отказ от Бога и церковной ортодоксии, опора исключительно на разум, на собственные силы, не доведет вас до добра. Будет противоположное тому, что декларируется. Вместо (веро)терпимости (Toleranz – слово встречается в работе 5 раз) будет новая и другая тирания и диктатура, когда будет дозволено только то, что не противоречит новым установкам. Декларируя свободное употребление разума, более радикальные представители прусской просветительской программы стремятся создать новый догматический корпус, который исключал бы представление о Боге как Троице в смысле Никейского символа и учение Августина о спасении [Hamann, 1951b, p. 118].

Изнанкой декларируемой гиперрациональности выступает иррационализм масонской ложи. Претензия Гамана к программе действий, реализации которой служит «Новая апология», заключается в том, что он фиксирует содержательное изменение языка: под теми же самыми словами понимаются новые вещи. Гаман, в частности, предлагает Эберхарду перестать притворяться и заменить уже слово «церковь» на другое, более подходящее его актуальной системе, такое как башня, ложа или пифагорейское *ὄψακοεῖον* [Hamann, 1951b, p. 116].

Одна из ключевых мыслей Гамана выражена ближе к концу работы: говоря о «спасении язычников», автор Новой апологии скорее говорит об оправдании современных представителей свободомыслия *coram deo* на основании универсальной рациональности и морали [Hamann, 1951b, p. 119]. Разговор тогда идет не о предшественниках христианства,

а о современниках: надо ли по-прежнему полагаться в вопросах веры и морали, и общественного порядка на откровение свыше, на спасение *extra nos*, или же предпочесть свободное употребление своего ума любым авторитетам прошлого?

Гаман выражает претензии к новой догматике, новому вероучению, которое он ассоциирует с институциональным проектом Просвещения, литургическому выражению этой догматики (как это отражается на богослужениях, гимнах, произносимых проповедях) и, наконец, образованию или педагогике. Последнему, а именно акценту на традиционном катехизисе, уделяет особое внимание наш западный коллега в своей недавней магистерской работе [Shemwell, 2024, p. 191], нам же представляется, что это только одна из граней гамановского дискурса.

* * *

На русском языке данный текст публикуется впервые. При переводе помимо самого немецкого текста мы также сверялись с итальянским переводом [Pupi, 1998, pp. 291-298] и неопубликованным еще переводом на английский [Shemwell, 2024, pp. 155-162]. Перед переводчиком Гамана обычно встает дилемма, как поступать с другими древними и современными языками, которые он в изобилии использует в своих трактатах. В нашем случае речь идет о древнегреческом, латинском и английском языках. Поскольку Гаман плотно работает с ассоциативным рядом читателя, сноски и ссылки имеют большое значение; было решено оставить эти тексты на том языке, на котором Гаман их приводит, а перевод привести уже в примечании. Это позволит читателю лучше оценить пафос данного труда. Более всего в этом произведении Гаман цитирует Горация. В программном труде 1762 г. “*Aesthetica in nuce*” Гаман изрек одну из более известных своих сентенций: “*Poesie ist die Muttersprache des menschlichen Geschlechts*” [Hamann, 1950c, p. 197]. Подстрочные примечания принадлежат самому Гаману. В концевых сносках дается наш фрагментарный комментарий, а также перевод с других языков. Во всех случаях на русском языке стихи Горация приведены в переводе А. А. Фета, который местами может уступать многочисленным конкурентам в точности передачи мысли, но выигрывает в эстетике. Также по возможности были сохранены особенности пунктуации и стилистики Гамана в оформлении текста.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОСТОПАМЯТНОСТЯМ БЛАЖЕННОГО^I СОКРАТА

от священнослужителя в Швабии

... cui placet impares

Formas atque animos sub iuga aenea

Saeuo mittere cum ioco^{II}.

Второе издание

Галле, 1773 г.

IOVI. PLVVIO

D. D. D.

FRA. PLVTO^{III}

Если жив еще анонимный автор «Сократических достопамятностей», изданных четырнадцать лет назад в Амстердаме, то он тем менее будет пренебрегать настоящим приложением к его страницам^{IV}, что оно посвящено маленькому очерку «Новая апология Сократа», автор которого явил миру все свое имя и характер.

Первого писателя упрекали, возможно, не без оснований, в том, что он испортил свой ум и вкус чтением рыцарских романов и книг^V, и он весьма двусмысленно защищался от этого обвинения в послесловии^{VI}, которое, насколько мне известно, осталось относительно неизвестным в Швабии^{VII}.

Если же новому апологету Сократа выпадет участь подобного осуждения, и он станет сомучеником^{VIII} сочинителя «Достопамятностей», я истинно! не знаю о том, как он сможет оградить себя от прозвища сократического Дон-Кихота, к которому незначительный аноним был бы в большей степени равнодушен, нежели известный Берлинский проповедник^{IX}, тем более что последний в начале своей новой Апологии с таким же восторгом говорит о превосходном философском романе, как впоследствии о светлейших добродетелях блуждающего рыцаря, образцовом странствовании Баярда без страха и упрека и т. д.

Я бы выказал слишком явно то своеобразное остроумие, что обычно ставят в упрек моим соотечественникам, если бы имел хоть малейший умысел сравнить «Новую апологию» с «Достопамятностями», так как эти два писателя никак не соотносятся между собой ни по размеру, ни по силе, и столь же отличаются по замыслу и тону, как сама «Новая апология» от тех двух аттических документов, которые оба величайших ученика и соперника сократической мудрости^X завещали всем ее любителям не только к посмертной славе своего друга и учителя, но и к вечному позору своего века и отечества^{XI}, которое, должно быть, столь же славилось своей «чистой философией, тончайшим вкусом и величайшим знанием морали, политики и истории», как и восемнадцатый век от рождения Христова, а также наихристианнейший суд в протестантской Германии^{XII}.

Несмотря на огромную разницу, все три Апологии, как мне представляется, все же сходятся в том, что как те две древнейшие не смогли помешать временному осуждению Сократа в Афинах, так и недавней едва ли удалось добыть законное решение насчет причисления его к сонму праведников в Голландии, подлинной арене священной борьбы^{XIII}.

Один молодой виртуоз по моему соседству^{XIV}, которому я столь же доверяю в вопросе совести, как и во вкусе, потому что он словно сочится^V начитанностью^{XXV} и в сократических речах весьма начитан, и при этом не распробовал еще ни одну теологическую систему нового либо старого стиля^{XXVI}, хотел меня весьма торжественно уверить, «что невинность,

¹ Non ille, quamquam Socraticis madet

Sermonibus, se negliget horridus. (Horat. Lib. III. Od. 21)

² ... est mortuus, in quo fateor vulgi iudicium a iudicio meo dissensisse; nam populo non erat satis vendibilis: praecipue quaedam, et cum id circo obscura, quia peracuta, tum rapida et celeritate coeacta oratio; sed neque verbis aptiorem cito alium dixeris, neque sententia crebriorem. (Cicero in Bruto 76)

³ Heu! Cicatricum et sceleris pudet

Fratrumque... (Horat. I. Od. 35)

⁴ ... Сесропiae domus

aeternum opprobitum (Horat. IV. Od. 12)

⁵ madet, μυραλοφεί.

⁶ ἀνεγκωκῶς τὰ Σωκρατικά ὡς Σωκρατικά. (Epictet. Arrian. III. cap. 23. P. 321)

⁷ Quamquam sidere pulchior

великодушные и святость Сократа сверкали в двух древних Апологиях, особенно в кратчайшей из них, подобно молнии, в «Новой апологии» же, напротив, благочестивейший мудрец Греции вышел таким подозрительным, будто он прозевит наших современных острословов и моралистов, которые подобно блуждающим рыцарям обходят ледяные моря и песчаные пустыни^{8XVII}, чтобы сделать своих неопитов Царства Небесного вдвое смешнее себя самих...»^{XVIII}

Поскольку верные соседи, по известному толкованию Молитвы Господней, входят в хлеб насущный, а власти в Швабии заботятся так же мало о молитвах, как и символах веры христианских общин и их пастырей, а вместо этого о совсем других вещах, – но все с катоновской^{9XIX} мудростью и добротой – так что я сносил обильную критику моего ближнего с приличием философско-христианской терпимости. Но чтобы он хоть немного осознал молчаливое торжество моего самообладания и преодоления себя, я вместо ответа пропел следующие строфы нашего сердечного поэта:

... et mihi dulces
Ignoscent, si quid peccaro, slultus, amici
Inque vicem illorum patiar delicta libenter^{XX}.

Затем мой юный виртуоз взялся всерьез обосновывать свое восторженное суждение обо всех трех Апологиях блаженного Сократа доводами и цитатами. В этом случае я убедился в пользе терпимости ко всем тем, кто неправ, не зная или не желая этого знать. Эта модная героическая добродетель проповедуется, конечно, не напрасно, сколь бы несвоевременным ни выглядело рвение к ней и насколько бы излишней она ни казалась для утонченной флегматичности нашего времени, поскольку на протяжении уже более тридцати лет среди столь многих распутных, богохульных и постыдных книг, которые в этой земле поняли, но мало читали и еще менее ими восхищались, насколько мне известно, майстер Хеммерлинг^{XXI} принес в жертву лишь одну-единственную короткую, безобидную страницу^{10XXII} – причем не в Швабии.

Вкратце, мы расстались хорошими друзьями и верными соседями после того, как вдоволь нашутились о фанатичной неприязни святого Велизария^{XXIII} к бедным скифам, гуннам, болгарам, славянам, персам и всем внешним и внутренним врагам выродившегося и устаревшего Рима на Востоке, выраженной в конце четвертой главы той кисло-сладкой

Ille est, tu leuior cortice et improbo

... Iracundor Hadria

Tecum viuere amem, tecum obire libenter. (Horat. III. Od. 9)

⁸ ... libens

Insanientem navita Bosporum

Tentabo, et arentes arenas

Litoris Assyrii viator. (Horat. III. 4)

⁹ Quidam notus homo quum exiret fornice:

„Machte

Virtute esto“ inquit sententia dia Catonis

„Nam simulac venas inflauit tetra libido

Huc iuuenes aequum est descendere, non alias

Permolere uxores.”(Id. I. Sat. 2)

¹⁰ Akakia.

или, лучше сказать, слезливо-комической сказки^{XXIV}, которая так же мало достойна анафемы слепой Сорбонны, как восторгов протестантских проповедников в Голландии и Германии, разве только заслуживает жалостливой улыбки в отношении горделивой нищеты познаний софистов и эрудитов, а также моральных чувств и суждений о христианстве, с которым плохо обращаются его сторонники и противники^{XXV}, а оно должно расплачиваться и проливать кровь за тех и за других^{XXVI}.

Поскольку некоторым моим соотечественникам может показаться странным, что новый апологет Сократа временами и слишком часто поносит интересы священства и священнического сана, считаю своим долгом отметить, что наши новейшие философы и теологи, предпринимающие реформацию старомодного лютеранства под эгидой толерантности, пытаются отрекомендовать и выразить свой вкус посредством весьма политизированной святости^{XXVII} в употреблении речи^{XXVIII}. Вследствие их обновленного стандарта языка вместо двусмысленного и варварского слова «церковь» вскоре придется говорить «башня» или «ложа» или ὄμακοεῖον^{XXIX}, так же как жестокое имя священника, имеющее отношение не к чему иному как кровавым жертвоприношениям, по-прежнему обособлено для жестокого язычества и еще более ненавистного иудаизма^{XXX}; между тем попы, разумеется, имеются в папстве и в Священной Римской империи, но, слава Богу!, в Швабии нет еще наглых и вероломных проповедников нехристианской праведности, которая была бы действительна перед Богом^{XXXI}.

Помню, несколько лет назад я читал весьма назидательное наставление автору, которое, возможно, написал покойный граф фон Цинцендорф^{XXXII} во время своего пребывания в Англии. Насколько я еще вспоминаю из этого наставительного сочинения, которое, кажется, перевел один из моих соотечественников, главное намерение автора сводилось к сумасбродной идее «сделать всех начинающих писателей голосами вопиющих в пустыне и в то же время учениками катехизиса, подвергнув их более суровой диете, чем у анахоретов, и более беспощадному суду, чем инквизиция», – все это автор умел вывести не совсем из Библии, но, по крайней мере, из маленького прорицания Дельфийского оракула. В его глазах «всякий heluo librorum^{XXXIII} был проклятым попом чрева, который без поста, наказаний и обращенного на самого себя насильственного действия палача» (не буквально, как распинали, калечили и насиловали свою плоть невежественные и честные отцы церкви за их греховную похотливость в отношении азиатских блюд цицеронова красноречия и нечестивой щепотки соли Плавта) «едва ли способен к проповеди трезвого разума и здоровой морали, потому что в лихорадочных пароксизмах воображения, испорченного грубостью, метеоризмом, materia pessantī и горькой желчью, боготворит всякий предрассудок, всякое заблуждение, всякий блуждающий огонек как Дульсинею своего сердца» и со слепой священнической яростью^{XXXIV} приносит в жертву собственное существо и жизнь пустому призраку или метеору разума и добродетели^{XXXV}.

¹¹ – intra muros – et extra (Horat. I. Ep. 2)

¹² ... populumque falsis

Decocet vti

Vocibus... (Horat. II. Od. 2)

¹³ Τὴν ἐκκλησίαν τὴν νῦν οὕτω καλοῦμεν, τὸ παρὰ (Πυθαγόρα) ὄμακοεῖον αἰνίττεται. Clem. Alexandr. Stromat. Lib. I. p. 302. Eusibius. Pythagoras. Hierocles.

Хотелось бы, однако, чтобы евангелический проповедник^{14XXXVI} предпочел вообще не комментировать пятнадцатую главу философского романа^{XXXVII}, если о спасении и так уже богатых разумом и добрыми делами язычников нельзя утверждать более искусно иподобающе, чем за счет наших бедных отцов лютеранства, против которых наш новый апологет, кажется, настроен почти так же, как его святой Велизарий против тех скифов, гуннов, болгар, славян, персов и прочих врагов римского имени и римской добродетели, тени которых слепой нищий, наверное, видел в своем мозгу¹⁵, между тем как его набожные слушатели и современники, лучше знавшие его^{16XXXVIII} и мир, так искренне смеялись над его святыми речами, пока переодетый Юстиниан был вынужден рыдать, подобно тому как в Швабии многие благочестивые читатели новой апологии пожмут плечами в связи с суетностью догматического и полемического разума и его преувеличенной моральной чувствительности^{XXXIX}.

В общем, в характере их современных законодателей и апологетов совсем отсутствует «точнейшее отражение толерантности до мельчайших деталей». Это прославленная добродетель обычно имеет в своей основе тайную личность, которая, хотя и говорит языком слепых нищих и еще более слепых их поводырей^{17XL}, «представляет собой весьма естественное ощущение и бессилие нашей природы, но в общественном деле и в общественном месте она должна быть ужасным преступлением против оскорбленного человечества», потому что такая толерантность, должно быть, есть следствие нашего вкуса настолько же темного, как и предвзятого в отношении некоторых идолов и коньков, которые, согласно словоупотреблению их владельцев, называются основополагающими истинами либо моральными убеждениями, бесконечно глубоко переплетенными в нас наряду с безднами божественного промысла.

Сюда относятся забавные принципы, согласно которым человек верит, что, хорошенько употребив свои ноги, сможет запрыгнуть на небеса; что одно лишь только удаление препятствий высвободит место для другой действительности, и что все спасение человеческой души заключается в беспрепятственном проявлении ее деятельности; эти гигантские сомнения против афанасьевской системы и африканской догмы удовлетворения через посредника^{XLI}; эта жалкая болтовня о благодати, первородном грехе и других подобных непонятных искусственных терминах, которые приводят в замешательство непонятливых и легкомысленных людей, как и другие писания; то отстаивание божественных свойств и их морального превосходства; эта превосходная,

¹⁴ Anciliorum et nominis et togae

Oblitus, aeternaeque Vestae. (Horat. III. Od. 5)

¹⁵ То, что у святого Велизария случались приступы лихорадки, следует среди прочего из его привычки мысленно поминать на заутрене блаженную память Тита, Траяна, Антонинов и так далее.

¹⁶ Sed videt hunc omnis domus, et vicinia tota

Introrsus turpem, speciosum pelle decora.

„Nec furtum feci, neque fugi” si mihi dicat

Seruus: „Habes pretium, loris non vteris“ aio.

„Non hominem occidi”: „Non pasces in cruce coruos”.

“Sum bonus ac frugi”: Renuitque negatque Sabellus. (Horat. I. Ep. 16)

¹⁷ Belisaire, S. *Paris* 762. Chap. VII. P. 74 et de la Gloire. P. 302.

но – увы! – слишком романтическая теория законов и наказаний наряду с сотней мелочей, которые я хочу считать не более, чем солнца Млечного Пути или крупинки моей песочницы...

Некий доктор Саут^{XLII} нашел в Ксантиппе образ еврейского народа, так же плодovitого на улаждающих слух и несущих вздор болтунов, не имевших вкуса ни к тайнам Писания, ни к силе Божьей, моральных ханжей и фанатиков, как было в сократическую эпоху в Афинах и в восемнадцатом веке от Рождества Христова. А покойный Энтони Коллинз^{XLIII} в своем скучном и ученом послании о церковной истории известной секты даже представил Сократа ее предшественником. Согласно этой остроумной гипотезе, несколько холодно воспринятой^{18XLIV} в те времена невежества, в новейшей апологии Сократа обсуждение должно быть не столько о спасении язычников, сколько о спасении свободомыслящих, что в действительности есть ни чудо, ни что-то значительное. Разве они не апостолы Христовы? Разве они не пророчествовали его именем? Разве не изгоняли его именем сильных духов? Разве не запрещали в Иисусе, которого проповедовал Павел, дьявольские обычаи? Разве они не ангелы света, обладающие самым точным, правильным, ясным и живым пониманием элементов и моментов добрых дел? Разве их единственная мерная рейка высшей геометрии не на ладонь длиннее обычного локтя, а измерительный стол недостаточно широк, чтобы разместить протяжение и очертание ясно распознаваемых величин, которые действительно могут быть устроены со всеми их силами тела и души и даже внешним образом в граде Божьем? Разве они не убеждены и не преисполнены святостью собственных дел до самой сокровенной глубины своих преувеличенно чувствительных сердец? Разве они не первоклассные писатели, не увековечивающие в своих изысканиях никаких грубых представлений, и от которых народы Германии ожидают наилучшего воспитания? Разве они не являются носителями просвещенной этики, способствующей религии? Разве пятновыводители для народного образования не великолепны и отличны? Да, более того, разве они не проповедники праведности, конец которой будет по делам их?...

Non haec iocosae conueniunt lyrae
Quo, Musa, tendis? Desine, peruicax
Referre sermones DEORVM et
Magna modis tenuare paruis^{XLV}.

Horat. III. Od. 3

Напоминание

Я тысячу раз прошу прощения у духа Цинцендорфа за то, что отнес на его счет работу покойного графа Шефтсбери^{19XLVI}. Чтобы как-то практически обыграть для своих читателей эту ошибку, знанием о которой я обязан своему сократическому ближнему, я осмелюсь высказать новое предположение, согласно которому разум и добродетель, имя которых должно быть почитаемо каждым человеком, посредством великих глашатаев разума

¹⁸ ... if ever man deserved to be denied of the common benefits of air and water, it is the Author of „Discourse of Free-thinking”. The Guardian. No. 3. ὅσοι δὲ σώζονται νῦν ἐκ φιλοσοφίας, διὰ τὸν Σωκράτην σώζονται. Julianus ad Themistium. P. 264.

¹⁹ Inter Socraticos notissima fossa cinaedos. (Iuu.)

и добродетели и невежественно отстаивающих их честь апологетов, скоро станут столь же двусмысленными, подозрительными и смехотворными, как библейские лозунги гернгутеров, содержание^{20XLVII} которых должно быть священным для каждого христианина от римского императора до слепого нищего, если только они не желают быть виновными в весьма элементарном, если не сказать, аморальном, невежестве. Не хочу говорить с моими читателями как с духовными лицами, и всячески полагаюсь на то, что также и среди моих соотечественников, столь усердно послуживших церковной истории разума и морали, имеются еще благочестивые и проникательные теологи, которые знают, как преумножать талант к наблюдению и философии без того, чтобы выставлять напоказ клеймо голландского мыловара...

Янг, пошедший на грубость обвинить в близости с человеческим родом высокомерного лживого духа, от красот и тайных чар которого так чувствительно и похотливо светятся многие нынешние теологи и философы, прямо как допотопные дети Божьи^{XLVIII}, – Янг, говорю я, бывший, хотя и горьким другом, но все же всегда другом морали, воспел по-горациански настойчиво:

Talk they of morals? O Thou BLEEDING LOVE!
 Thou maker of *new* morals to mankind!
 The *grand morality* is love of THEE.
 “As wise as *Socrates*” if such they were,
 (Nor will they ’bate of that *sublime renown*),
 “As wise as *Socrates*” might justly stand
 The *definition* of a *modern Fool*.

The Christian Triumph^{XLIX}

Примечания

^IПоскольку очерк написан в ответ на «Новую апологию» Эберхарда, который на примере Сократа обсуждает вопрос о спасении язычников, наименование Сократа «блаженным» здесь имеет отчетливый привкус Гамановской иронии.

^{II} – неравных

И телом, и душой вязать одним ярмом

В игре причуд жестоконравных (лат.). (Horat. Lib. III. Od. 31)

^{III} «От ниспосылающего дождь Юпитера

дано и посвящено в качестве дара

брату Плутону» (лат.).

^{IV} Хотя премудростью Сократа благочинной

Он славен, но найдешь ценителя ты в нем (лат.).

^V В «Облаках» (Wolken) 1760 г. Гаман приводит мнение анонимного критика, обвиняющего его в том, что прочитанные им книги так же повлияли на него, как рыцарские романы на Дон Кихота [Hamann, 1950b, p. 89].

²⁰ ... Quod

aeque pauperibus prodest, locupletibus aequae,

aeque neglectum pueris senibusque nocebit. (Horat. Ep. I. 1)

^{VI} В «Облаках» Гаман отвечает анонимным критикам, написавшим разгромную рецензию про его первое сочинение о Сократе. В ней Гаман отстаивает свою интерпретацию Сократа и в особенности роль его даймона или гения, в то же время защищаясь сам от обвинений в безумстве.

^{VII} «... он умер ... Мое о нем мнение, признаюсь, расходится с мнением толпы: народу его речь не слишком нравилась, так как была слишком стремительной и потому неясной не только из-за своей чрезмерной тонкости, но из-за быстроты произнесения. Однако я с трудом бы назвал другого оратора, превосходящего его по точности слов и обилию мыслей; вдобавок, он был знатоком словесности» [Цицерон, 1972].

^{VIII} Увы! Нам стыдно ран, нам стыдно преступленья

Брато... (лат.)

Еще один образец гамановской иронии. Эберхарду как придворному проповеднику Фридриха II, очевидно, ничего не угрожает. Себя же Гаман ставит в одну линию с Сократом, принявшим благородную смерть за свои убеждения и образ жизни, и Христом.

^{IX} Один из излюбленных приемов Гамана – обращать оружие противника против него же самого. Гамана его оппоненты полагают фанатиком, энтузиастом. В ответ он подразумевает, что они сами, полагаясь на абстрактные универсальные истины разума, отрываясь от конкретной имплементации разума в истории и традиции, виновны в том, что предъявляют ему. В дальнейшей деятельности Гаман будет подобным образом трактовать критического Канта, которого парадоксально назовет «мистиком».

^X Очевидно, Платон и Ксенофонт. В представлении Лосева: «Сократ – одно из самых загадочных явлений античного духа, что объясняется переходным характером его философии. Невозможно представить себе его личность столь наивно, как это делали Ксенофонт и Платон. В нем чувствуется что-то очень непростое, очень извилистое; в сущности, он и до сих пор остался непонятым, как непонятна его казнь, производящая такое впечатление, что не афиняне его казнили, а сам он заставил их себя казнить [Лосев, 2000, с. 57]. Ср. с описанием Гамана в «Сократических достопамятностях»: «В сочинениях Ксенофонта господствует суеверное почитание Сократа. Платону больше свойственно восторженно-романтическое отношение к учителю» [Гильманов, 2003, с. 427].

^{XI} ... стыд [вечный]

Кекропсову дому (лат.)

^{XII} Позор философски утонченных Афин в том, что Сократ был несправедливо осужден на смерть. Гаман говорит это вопреки Эберхарду, который сокрушается о том, что «наше теологическое здание возводилось без «чистой философии, вкуса, знания истории человеческого разума» [Purі, 1998, р. 505].

^{XIII} «Новая апология» Эберхарда не имела шансов убедить более строгих голландских кальвинистов, придерживавшихся позиций Дордрехтского синода 1618–1619 гг., который был направлен против арминианства и сформулировал реформатские доктрины полной греховной развращенности человека, предопределения и ограниченного искупления. Эти положения никак не могли бы быть согласованы с предполагаемым спасением язычников, будь то Сократ или кто-либо еще.

^{XIV} Имеется в виду концертирующий музыкант Иоганн Фридрих Рейхардт (1752–1814). У его отца Иоганна Рейхардта (1720–1780) Гаман обучался игре на лютне [Purі, 1998, р. 505]. Таким образом, мальчик, можно сказать, вырос на глазах у Гамана. Теплые высказывания Гамана о «юном виртуозе» и о беседах с ним открывают нам Гамана, начинавшего свою карьеру в качестве частного учителя в дворянских домах Курляндии, как наставника и воспитателя молодежи.

^{XV} «Прочитавший сочинения о Сократе как сочинения о Сократе» [Эпиктет, 1997, с. 198]. Здесь важный методологический и герменевтический момент, который заключается в отношении к тексту. В предисловии к изданию греческого Нового Завета 1732 г. Альбрехту Бенгелю принадлежат знаменитые слова: «Te totum applica ad textum; rem totam applica ad te». Не подходить к тексту с заранее воспринятыми установками, но позволить вначале тексту оказать воздействие на читателя, вобрать текст в себя – таково понимание Гамана, основанное на его представлении об авторстве Бога. В «Сократических достопамятностях» Гаман упрекает Платона, добавившего к Сократу слишком много своего собственного (так что Сократ и не смог бы признать себя в его изложении), и ставит в пример упомянутого у Диогена Лаэртского Симона Кожевника, якобы понявшего Сократа лучше именно потому, что он не привносил собственных идей в процесс усвоения сократической мудрости [Hamann, 1950a, р. 65].

^{xvi} Хоть красотою он полных звезд светлее,
Ты ж споришь в легкости с древесного корой,
И злого Адрия причудливей и злее –
С тобой хотела б жить и умереть с тобой (лат.).

^{xvii} Не страшен мне Босфор фракийский,
Решусь идти на край земли
Песчаной степью ассирийской (лат.).

^{xviii} Отсылка к Мф 23:17: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас».

^{xix} Встретив знакомого раз из подвала идущего: «Славно!

Славно!» крикнул Катон, изрекая великое слово:
«Если гнусная похоть бушует в жилах, то лучше
Юношам спускаться сюда, не вводя в искушение
Жен чужих (лат.).

^{xx} Друзья мне любезно

Все простят, в чем я по глупости мог провиниться,

Я ж в свою очередь им прегрешенья оставлю охотно (лат.). (Hog. Serm. I III.)

^{xxi} Meister Hemmerling – палач. Здесь также игра слов, потому что выражение “meister Hämmerling” в немецком фольклоре использовалось в отношении горного духа, жившего в шахтах, а также в словоупотреблении того времени могло означать дьявола. Здесь завуалированный выпад против короля Пруссии в свойственной Гаману иронической манере обыгрывать парадоксы *in contrario*: дела противоположны декларациям. Поскольку дьявол – «отец лжи», провозглашаемая толерантность на деле оказывается заменой диктатуры авторитета церковной традиции новой диктатурой разума.

^{xxii} Имеется в виду сожженная по приказу Фридриха II «Диатриба доктора Акакия, папского лекаря» Вольтера, в которой едко высмеивался тогдашний президент Берлинской академии Пьер Луи де Мопертюи. В качестве фона здесь выступает вся история запутанных отношений короля-философа с королем философов, начиная от их взаимных восторгов и заканчивая обидами и разочарованиями, вынудившими в итоге Вольтера бежать из Сан-Суси.

^{xxiii} Велизарий (505–565) – военачальник Юстиниана Великого, называемый «последним римлянином». Одержал множество военных побед над врагами Византии в Азии, Европе и Африке, в результате чего Византийская империя достигла пика своего могущества. Гаман намекает на противоречие между декларируемым моральным универсализмом Просвещения и типичной эллинской ксенофобией в отношении варваров. В контексте XVIII в. здесь прослеживается критика претензий просветителей на собственную исключительность вместо того, чтобы прислушиваться и проявлять готовность научиться у других народов.

^{xxiv} Философский роман Жан-Франсуа Мармонтеля «Велизарий» 1767 г. подвергся критике со стороны Сорбонны ввиду декларируемой в нем толерантности в отношении религии. Под проповедниками Голландии и Германии имеются в виду представители рационалистической теологии и, в частности, естественной теологии, полагающие возможным опираться на природные силы человека (в первую очередь сам разум) для рассмотрения вопросов религии и теологии.

^{xxv} «внутри ... стен и за ними» (лат.).

^{xxvi} Очевидно, Гаман не может найти союзников как среди материалистических критиков христианства, так и среди придворных теологов или представителей естественной теологии, подменяющих понятия.

^{xxvii} Хотя Гаман может употреблять слово «политика» применительно к хозяйственной деятельности, здесь он выступает против того, как насаждаемое сверху изменение речевого употребления должно по замыслу просветителей привести к изменению самого мышления подданных Фридриха. Согласно Гаману, разум есть язык, проявляет себя посредством языка.

^{xxviii} Отучит народы от лживых мечтаний;

Их крики уймет (лат.).

^{xxxix} «А его общий стол (ὄμακοεῖον) напоминает то, что ныне нами называется церковью». Clem. Strom. I.15.

^{xxx} Возможно, намек на ведущего представителя идей Просвещения в среде иудаизма Мозеса (Моисея) Мендельсона, в орбите и под влиянием которого находился Эберхард. Также Гаман, судя по всему, подразумевает, что в просветительском новоязе придется говорить о «жрецах разума», используя для этого слово «священник» или подобное ему.

^{xxxI} В лютеранской догматике, которую здесь пытается отстаивать Гаман, ключевым положением было учение об оправдании только верой как *articulus stantis et cadentis ecclesiae*. Здесь Гаман как анонимный «священнослужитель из Швабии» ссылается на главную статью Аугсбургского вероисповедания об оправдании, где в 4-м артикуле говорится об оправдании «перед Богом» (*coram Deo*). Согласно этому пониманию, оправдание делами перед людьми (*coram hominibus*) возможно, но не перед Богом. В свою очередь, такая трактовка оправдания основывается на толковании Лютером и Меланхтоном послания к римлянам апостола Павла.

^{xxxII} Обращение Гамана к Цинцендорфу происходит по нескольким причинам. Он издавал с 1725 г. в Дрездене журнал на сократическую тему, материалы которого были далее сведены воедино в 1732 г. под названием «Der Deutsche Sokrates» – так иногда называли и самого Цинцендорфа. Цинцендорф был известен как одна из ведущих фигур пиетистского движения, поэтому Гаман берет его в союзники ввиду того, что его самого обвиняют как раз в энтузиазме. Показательно, что «немецким Сократом» называли и рационалистического философа Мендельсона.

^{xxxIII} Пожиратель книг (лат.). Любопытно, что тративший почти все средства на приобретение новых книг Гаман вполне мог бы быть удостоен такого титула. Однако, в его случае чтение и размышление не были отделены от самого образа жизни.

^{xxxIV} В написанном немногим ранее *Au Salomon de Prusse* Гаман иронически спрашивает, где храмы, алтари и священники, поставленные на религию верховного правителя Пруссии. Риторически оказывается, что без них не обойтись, потому что декларируемое далее стремление просветителей основываться исключительно на внутреннем понимании и расположении духа и сердца на деле не работает [Hamann, 1951a, p. 57].

^{xxxV} Типичное для Гамана противопоставление конкретных вещей и конкретного существования человека пустым и выхолощенным абстракциям.

^{xxxVI} Не помня о щитах, забыли имя, тогу ... Весты ... вечный.

^{xxxVII} Само появление Новой апологии Эбергарда обязано его реакции на критику голландским реформатским теологом Петером Хофстеде пятнадцатой главы вышеупомянутого романа Мармонтеля, в которой говорилось как раз о добродетели благородных язычников независимо от их религиозной веры. Эбергард выступает в защиту толерантности и против кальвинистской теологии Хофстеде, отстаивая спасение язычников на примере Сократа.

^{xxxVIII} Но зато весь дом и соседство видит, как гнусен

Внутренне он, хотя представителен шкуркой красивой.

Ежели скажет мне раб: «Ведь я не вор и не беглый»,

То скажу: «Ты тем награжден, что не сечен ремнями».

«Я не убийца». «Не быть на кресте тебе воронам пищей».

«Честен я, добр»; покачав головой, не согласен Сабинец (лат.).

^{xxxIX} В этой очевидной отсылке к средневековой легенде об ослеплении Велизария Гаман преследует двоякую цель. С одной стороны, «непросвещенный» в гамановском смысле (т.е., не принявший приоритет религиозной веры) деятель Просвещения подобен узнику платоновской пещеры, который видит только тени, но не имеет света религиозного откровения. С другой, знающие истинное положение вещей с иронией относятся к провозвестникам истин разума.

^{XL} Лк 6:39: «Сказал также им притчу: может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму?»

^{XLII} Учение о Троице на основании Никейского символа («афанасьевская система») – первый артикул Аугсбургского исповедания 1530 г. «Африканская догма удовлетворения через посредника» – учение Св. Августина о благодати, направленное против Пелагия, который утверждал автономность человека в деле спасения. Пелагиане были осуждены на третьем Вселенском соборе в Эфесе 431 г. Гаман иронически называет деятелей Просвещения новыми пелагианами, которые полагают, что смогут попасть на небеса с помощью собственных ног (интересно, что примерно в это же время появляется история о бароне Мюнхгаузене, который сам себя вытащил за волосы из болота). В целом в тексте Гаман подразумевает классический протестантский корпус теологии, в котором последовательно раскрываются темы Бога (Троицы), христологии и спасения (благодати).

^{XLIII} Роберт Саут (1634–1716) – английский теолог, запомнившийся современникам своим саркастическим остроумием.

^{XLIII} Энтони Коллинз утверждал, что «Сократ был божественнейшим человеком его времени, когда-либо являвшимся в мире язычников... величайшим вольнодумцем (*free-thinker*)» [Collins, 1713. p. 123].

^{XLIV} ... если какой человек и заслуживал, чтобы ему отказали в обыденных благах воздуха и воды, так автор «Беседы и свободомыслия». Гардиан, № 3. «Все спасающиеся философией, спасаются посредством Сократа». Юлиан Фемистию.

^{XLV} Но к лире легкой это подходит ли?

Куда ты, Муза? Брось же, настойчиво

Слова богов передавая,

Слабым стихом умалять величье (лат.).

^{XLVI} «Сам же похабнее всех безобразников школы Сократа». Ювенал, Сатиры, Книга I, Сатира 2.

В «Сократических достопамятностях» Гаман упоминает о «платоническом Шефтсбери», прикрывающем свою ложную веру [Hamann, 1950a, p. 61], и выставляет себя его антиподом. Энтони Эшли Купер, третий граф Шефтсбери (1671–1713) – деятель раннего Просвещения, последователь кембриджских платоников, оказавший значительное влияние на многих мыслителей XVIII столетия. В Германии, в частности, его воздействие испытали на себе Мендельсон и Лессинг. Шефтсбери уделял значительное внимание вопросам естественной теологии, утверждал добродетельную природу человека, выступал за веротерпимость и против религии откровения и любых форм фанатичного энтузиазма. Посредством цитаты из Ювенала Гаман скорее всего обыгрывает эстетику Шефтсбери, в частности, его рассуждения о красоте.

^{XLVII} «... заняться

Всем, что будет равно беднякам и богатым полезно,

Чем нельзя без вреда пренебречь ни юным, ни старым» (лат.).

^{XLVIII} Еще один пример гамановской иронии. Гаман представляет деятелей Просвещения, поставивших разум в центре дискурса, как поддавшихся порыву страстей, которые они не могут контролировать. Он уподобляет их влечение находящимся в состоянии течки животным (*brünstig scheinen*), а также «сынам Божьим» из Быт 6:2, 4, которые брали себе в жены всех, кого хотели, в результате чего умножилось зло.

^{XLIX} Еще ли рассуждают они о нравовучении?

О, ты, любовь окровавленная!

О Творец нового нравовучения для человека!

Первейший закон нравовучения есть любовь к Тебе.

Хотя б они были премудры как Сократ

(да и никто из них в великой славе сей уступить не хочет)

Однакож без сей любви

Были бы глупцами нынешнего света [Юнг, 1785].

Гаман, с его преувеличенным вниманием к чувственно-воспринимаемому, ссылаясь на английского поэта-сентименталиста Юнга также и в первой своей работе 1759 г. [Hamann, 1950a, p. 61].

Список литературы / References

- Гете, И. В. (1976). *Из моей жизни. Поэзия и правда*. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М.
Goethe, J. W. (1976). *From my Life: Poetry and Truth*. Works in 10 vols. Vol. 3. Moscow.
(In Russ.)
- Гильманов, В. Х. (2003). *Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение*. Калининград.
Gilmanov, V. Kh. (2003). *J. G. Hamann's Hermeneutics of the «Type» and the Enlightenment*. Kaliningrad. (In Russ.)
- Гильманов, В. Х. (2013). *И. Г. Гаман и И. Кант: битва за чистый разум*. Калининград.
Gilmanov, V. Kh. (2013). *J. G. Hamann and I. Kant: Fight for a Pure Reason*. Kaliningrad.
(In Russ.)
- Лосев, А. Ф. (2000). *История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон*. М.
Losev, A. F. (2000). *History of Ancient Aesthetics. Sophists. Socrates. Plato*. Moscow. (In Russ.)
- Фет, А. А. (1856). *Гораций: оды*. В 4-х кн. СПб.
Fet, A. A. (1856). *Horace: Odes*. In 4 books. St. Petersburg. (In Russ.)
- Цицерон, М. Т. (1972). *Три трактата об ораторском искусстве*. Ред. М. Л. Гаспаров.
M. Cicero, M. T. (1972). *Three Works on Oratory*. Gasparov, M. L. (ed.). Moscow. (in Russ.)
- Эпиктет. (1997). *Беседы Эпиктета*. М.
Epictetus. (1997). *Discourses*. Moscow. (In Russ.)
- Юнг, Э. (1785). *Плачь Эдуарда Юнга, или ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии*. Ч. I. 2-е изд. М.
Young, E. (1785). *The Complaint of Edward Young, or the Night Thoughts on Life, Death, and Immortality*. Pt I. 2ht ed. Moscow. (In Russ.)
- Brose, T. (2006). *Johann Georg Hamann und David Hume. Metaphysikkritik und Glaube im Spannungsfeld der Aufklärung*. Frankfurt am Mein. Peter Lang.
- Böhm, B. (1966). *Sokrates im achtzehnten Jahrhundert*. 2 Auflage. Neumünster.
- Collins, A. (1713). *A Discourse of Free-thinking*. London.
- Eberhard, J. A. (1772). *Neue Apologie des Sokrates, oder Untersuchung der Lehre von der Seligkeit der Heiden*. Berlin. Stettin.

Hamann, J. G. (1950a). Sokratische Denkwürdigkeiten. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Bd. 2. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758-1763*, 2.57-82. Wien. Herder. Pp. 57-82.

Hamann, J. G. (1950b). Wolken. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Bd. 2. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758-1763*, 2.57-82. Wien. Herder. Pp. 83-109.

Hamann, J. G. (1950c). Aesthetica in nuce. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Bd. 2. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758-1763*, 2.195-217. Wien. Herder. Pp. 195-217.

Hamann, J. G. (1951a). Au Salomon de Prusse. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von. J. Nadler. Bd. 3. Schriften über Sprache, Mysterien, Vernunft: 1772-1788*. Wien. Pp. 55-60.

Hamann, J. G. (1951b). Beylage zu Denkwürdigkeiten des seligen Sokrates. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von. J. Nadler. Bd. 3. Schriften über Sprache, Mysterien, Vernunft: 1772-1788*. Wien. Pp. 111-121.

Hamann, J. G. (1957). *Briefwechsel. Bd. 3*. Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Leibrecht, W. (1957). *Gott und Mensch bei Johann Georg Hamann*. Gütersloh.

Nadler, J. (1949). *Johann Georg Hamann 1730-1788: Der Zeuge des Corpus mysticum*. Salzburg.

O'Flaherty, J. C. (1979). *Johann Georg Hamann*. Boston.

Pupi, A. (1998). *Johann Georg Hamann. Vol. 3. Pelicanus solitudinis 1763-1773*. Milano.

Shemwell, C. V. (2024). *The Hero of Enlightenment Stood on His Head: A Study of the Eighteenth-Century Struggle Against Traditional Lutheran Catechesis and Johann Georg Hamann's Defense in Three Socratic Texts*. Fort Wayne.

Сведения об авторе / Information about the author

Стрельцов Алексей Михайлович – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

Статья поступила в редакцию: 12.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Streltsov Alexey – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

The paper was submitted: 12.08.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4

ФАКТОРЫ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 2022 ГОДУ

М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
marika24@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа документов пяти специальных секций Ассамблеи ООН, результатов социологических опросов, проведенных в странах Центральной Азии в 2022 г., и публикаций о ситуации в государствах, сделана попытка обобщения факторов, обусловивших геостратегический выбор стран после начала СВО. Показана многоплановость факторов, разноректорность их направления и возможность влияния на настроение населения различных интерпретаций происходящего, в том числе и посредством публикации пресс-релизов социологических опросов.

Ключевые слова: страны Центральной Азии, геостратегическое развитие, факторы самоопределения, СВО, Евразия, социологические опросы.

Для цитирования: Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. (2024). Факторы геостратегического самоопределения стран Центральной Азии в 2022 году. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 67-82. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.67-82

FACTORS OF GEOSTRATEGIC SELF-DETERMINATION OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN 2022

M. A. Abramova, G. S. Goncharova, V. G. Kostyuk
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
marika24@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of documents of five special sections of the UN Assembly, the results of sociological surveys conducted in Central Asian countries in 2022 and publications on the situation in them, an attempt was made to generalize the factors that determined the geostrategic choice of countries after the start of the special military operation. The multidimensionality of factors, their heterogeneity and the possibility of influencing the mood of the population with various interpretations of what is happening, including through the publication of press releases of sociological surveys, are shown.

Keywords: Central Asian countries, geostrategic development, factors of self-determination, special military operation, Eurasia, sociological surveys.

For citation: Abramova, M. A., Goncharova, G. S., Kostyuk, V. G. (2024). Factors of Geostrategic Self-Determination of Central Asian Countries in 2022. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 67-82. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.67-82

Введение. Ранее мы затрагивали тему развития коммуникационных каналов в научно-образовательной сфере в рамках евразийского пространства [Абрамова, 2021, с. 138]. Создание странами транспортных коридоров для реализации различных совместных проектов (добыча природных ископаемых, использование водных ресурсов, образовательная миграция и многие другие точки соприкосновения) актуализировали не только обращение к их истории взаимодействия, но и способствовали поиску его новых форматов. Анализ феномена европейского образовательного пространства показал, что представление его в виде единого целого на самом деле является скорее идеалистической картиной, к которой стремились. Евразийское пространство представлено «сложно сконструированной многослойной композицией из различных взаимодействующих систем и подсистем, включающих двусторонние партнерские типы объединений, а также различные коалиции и ассоциации (СНГ, ШОС, ЕАЭС и др.)» [Там же], объединенные по векторам интересов. Международные социально-политические процессы, активизировавшиеся после начала СВО, заставили государства искать новую формулу для сохранения устойчивости и баланса в изменяющемся мире.

Постановка проблемы. Противоречивость системы международных отношений обуславливает потребность проведения многофакторного анализа происходящих событий с учетом целей и задач не только стран, входящих в коалиции и ассоциации в рамках евразийского пространства, но и влияющих на них извне. Решение задачи сохранения устойчивости в современных условиях противоречивых социально-политических, экономических процессов для многих стран состоит в перераспределении сил, возможностей и пересмотре расстановки акцентов в геостратегии своего развития. В этой связи нас, конечно же, в первую очередь интересуют государства ближнего зарубежья, выступающие, с одной стороны, не только соседями Российской Федерации, но и ближайшими партнерами. Охватить в одной статье всю многоплановость происходящих изменений весьма затруднительно. Поэтому мы остановимся на отдельных моментах, играющих, по нашему мнению, ключевую роль в определении стратегии стран в международных отношениях, и России в том числе. Мы полагаем, что выявление скрытых факторов, влияние которых усиливается под давлением экономических, политических интересов, а также СМИ, могут в какой-то степени прояснить очертания будущего, что позволит более объективно оценивать последствия предпринимаемых шагов для построения как внешних, так и внутрироссийских проектов.

Результаты исследования. Одной из первых точек самоопределения государств в новой геополитической картине мира стало их голосование в 2022 г. на пяти сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

2 марта 2022 г. страны участники ООН были собраны на первой специальной Ассамблеи ООН для принятия резолюции, осуждающей заявление Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. о проведении «специальной военной операции» на Украине¹. В резолюции одновременно были включены пункты и о необходимости срочных действий, «чтобы избавить это поколение от бедствий войны», и осуждение решения Российской Федерации

---

¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 2 марта 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/293/39/PDF/N2229339.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).

Федерации «повысить готовность своих ядерных сил», и требования «от Российской Федерации немедленной и безоговорочной отмены решения, касающегося статуса отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины». Кроме России в пунктах резолюции затронули и статус участия Белоруссии, выражая «сожаление по поводу участия Белоруссии в этом незаконном применении силы против Украины», и призвав ее «соблюдать свои международные обязательства»². Данную резолюцию поддержала 141 страна, среди которых: Афганистан, Болгария, Венгрия, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия, Норвегия, Польша, Турция, Финляндия, Чехия, Эстония и др. Среди 35 воздержавшихся: Армения, Вьетнам, Индия, Ирак, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Таджикистан и др. Выступили против резолюции 5 государств и среди них, кроме России: Белоруссия, КНДР, Сирия, Эритрея. Не голосовали, ввиду отсутствия на Ассамблее, 12 стран. Среди них: Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан.

24 марта специальная Ассамблея ООН приняла вторую резолюцию, носившую скорее характер напоминания распределения задач по странам: России – прекратить СВО, государствам-членам ООН – «полностью профинансировать План гуманитарного реагирования Организации Объединенных Наций на 2022 год, чрезвычайный призыв Организации Объединенных Наций об оказании гуманитарной помощи на Украине и региональный план реагирования на проблему беженцев для Украины и соседних стран»³. Подписали данную резолюцию 140 стран участников. Из упомянутых нами государств в лигу подписавших переместился Ирак. К воздержавшимся присоединился Узбекистан. Среди отсутствующих стран по-прежнему: Азербайджан и Туркменистан. Пятерка государств, голосовавших «против», не изменилась.

Сбор третьей сессии специальной Ассамблеи ООН 7 апреля был спровоцирован появившимися видеозаписями событий в Буче, ответственность за которые тут же была возложена на Россию. До этого 4 апреля 2022 г. Постоянный представитель США при ООН Линда Томас-Гринфилд выступила с заявлением о том, что США будут добиваться исключения России из Совета ООН по правам человека⁴. На тот момент Россия уже третий срок пребывала в составе совета ООН. По результатам сессии Генеральной Ассамблеи были приостановлены действия РФ в Совете по правам человека⁵. Поддержали данную резолюцию 93 государства. «Против» выступили 24 и к ним присоединились из ранее воздержавшихся: Китай, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Вьетнам. Присоединились к лагерю воздержавшихся государств: Бразилия, Египет, Ирак, Иордания, Катар, Кувейт, Малайзия, Мексика, Непал, Оман, Саудовская Аравия, Сингапур, Таиланд, Тунис, Объединенные Арабские Эмираты и др. Ряды отсутствующих на сессии стран пополнились: Арменией, Афганистаном и др.

² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 2 марта 2022 года ...

³ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 24 марта 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/301/70/PDF/N2230170.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ US to seek Russia's suspension from Human Rights Council. (2022). [Электронный ресурс]. *The Seattle Times*. 4 April. URL: <https://www.seattletimes.com/nation-world/world/us-to-seek-russias-suspension-from-human-rights-council/> (дата обращения: 10.08.2024).

⁵ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 7 апреля 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/312/50/PDF/N2231250.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).

В ответ на принятую резолюцию Россия в этот же день вышла из состава Совета ООН.

На четвертой сессии специальной Ассамблеи ООН, созванной для очередного подтверждения поддержки Украины, официально признаны незаконными в соответствии с международным правом проведенные 23–27 сентября 2022 года референдумы о независимости и вхождении в состав России ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей Украины. «За» данную резолюцию проголосовали 143 страны. «Против» по-прежнему пять стран, среди которых появилась Никарагуа, а Эритрея сместилась в череду «воздержавшихся». В данную группу вошли еще 34 государства, среди которых по-прежнему: Армения, Вьетнам, Индия, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Лаос, Монголия, Намибия, Пакистан, Таджикистан, Таиланд, Узбекистан, Шри-Ланка и др.⁶

Пятая сессия специальной Ассамблеи ООН 14 ноября 2022 г. поставила задачей разработать механизм по возложению ответственности на Россию за возмещение ущерба Украине⁷. «За» проголосовало 94 государства. Группа проголосовавших «против» выросла до 14 государств, среди которых появились: Китай, Куба, Эритрея, Иран, Мали, Никарагуа, Зимбабве. Группа воздержавшихся увеличилась в два раза – 73 государства, в том числе: Армения, Бразилия, Вьетнам, Египет, Индия, Индонезия, Ирак, Израиль, Иордания, Казахстан, Киргизия, Лаос, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, Таджикистан, Таиланд, Узбекистан, Шри-Ланка и др. Среди отсутствующих – Азербайджан и Туркменистан⁸.

Таким образом, на основании анализа резолюций пяти специальных ассамблей ООН контур стран «примкнувших к ...» и поддерживающих Россию в этой ситуации достаточно четко определился. Выбранная линия голосования Польшей, Прибалтикой, Норвегией, Финляндией, представляющих западный контур границ России, никакого удивления не вызвала, а поддержка со стороны Белоруссии, Китая, КНДР и ряда других стран порадовала. Вместе с тем, можно отметить, что по ряду вопросов позиции стран Центральной Азии, Закавказья и Монголии колебались. Попробуем на примере Центрально-Азиатского региона рассмотреть, какие внутренние и внешние факторы могли и могут влиять на динамику геостратегического вектора развития стран.

Планируемый анализ факторов мы бы хотели разделить на две части, поскольку материал достаточно большой и труден будет для восприятия в рамках одной статьи. В данной части мы попытаемся увидеть ситуацию 2022 г. через призму результатов социологических опросов разных аналитических компаний, проведенных в Центрально-Азиатском регионе.

---

⁶ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 12 октября 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/630/71/PDF/N2263071.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).

⁷ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 14 ноября 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3994481?ln=en&v=pdf> (дата обращения: 10.08.2024).

⁸ Furtherance of Remedy and Reparation for Aggression Against Ukraine: Resolution Adopted by the General Assembly. [Электронный ресурс]. *Объединенные нации. Цифровая библиотека.* URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3994052?ln=ru> (дата обращения: 10.08.2024).

В пресс-релизе первого социологического опроса, выполненного в 2022 г. бюро экспресс-мониторинга общественного мнения DEMOSCOPE⁹ в Казахстане по поводу их отношения к событиям на Украине (1100 чел. в 14 областях и городах республиканского значения), обозначено, что однозначной оценки происходящего нет: «36 % респондентов убеждены, что на Украине сейчас идет “военная операция России против нацистов”. 26 % считают, что там “война России с Украиной для недопущения размещения там войск НАТО” ... 39 % опрошенных поддерживают Россию в данной войне. Почти половина (46 %) придерживаются нейтралитета»¹⁰. Конечно, больше, чем результаты самого опроса, впечатлил идеологизированностью заголовков пресс-релиза: «Значительная часть казахстанцев подвержена влиянию российской пропаганды»¹¹. Хотя по результатам опросов об источниках информации «для оценки ситуации в Украине» пользовались российскими – 23 %, а 39 % предпочитали казахстанские¹². И собственно получать информацию и интерпретировать ее – это не одно и то же.

В открытых базах данных независимой неправительственной исследовательской компании «Центрально-Азиатский Барометр» (ЦАБ)¹³ мы также нашли вопрос, который был задан в мае-июне 2022 г. (в рамках ежегодных опросов) об источниках информации, получаемой гражданами стран Центрально-Азиатского региона о событиях в других государствах: «Что, по Вашему мнению, является Вашим основным источником новостей о том, что происходит за пределами страны?»¹⁴ (см. табл. 1).

Результаты сопоставления показали, что наиболее востребованными российские каналы оказались в Туркменистане, а не в Казахстане. Можем предположить, что актуальность телевидения в Туркменистане объясняется невысокой доступностью или качеством Интернета, что и повлияло на более низкую частоту его использования по сравнению с другими странами.

---

⁹ Проект реализует Международный центр журналистики MediaNet при поддержке Фонда им. Конрада Аденауэра. MediaNet некоммерческая неправительственная организация, созданная группой казахстанских журналистов в 2004 г.

¹⁰ Опрос: Значительная часть казахстанцев подвержена влиянию российской пропаганды. (2022). [Электронный ресурс]. DEMOSCOPE. Пресс-релизы. 7 апреля. URL: <https://demos.kz/opros-znachitelnaja-chast-kazahstancsev-podverzhena-vlijaniju-rossijskoj-propagandy/> (дата обращения: 10.08.2024).

¹¹ Там же.

¹² Вторжение российских войск в Украину. (2022). [Электронный ресурс]. DEMOSCOPE. Опросы. 07 апреля. URL: <https://demos.kz/scenarij-oprosa/> (дата обращения: 10.08.2024).

¹³ Основной миссией ЦАБ является содействие позитивным изменениям в Центральной Азии через изучение мнения граждан стран региона. Финансирование ЦАБ осуществляется за счет исследовательских грантов, продажи подписок на результаты опросов общественного мнения, проведение эмпирических социологических и аналитических исследований в качестве подрядчика: Как финансируется Центрально-Азиатский Барометр? [Электронный ресурс]. *Центрально-Азиатский Барометр*. URL: <https://ca-barometer.org/ru/funding> (дата обращения: 10.08.2024).

¹⁴ Базы данных. Опрос Центральноазиатского Барометра. Волна 11. [Электронный ресурс]. *Центрально-Азиатский Барометр*. URL: <https://ca-barometer.org/ru/cab-database> (дата обращения: 10.08.2024).

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов в странах Центральной Азии
об источниках информации о событиях в других странах в мае-июне 2022 г., %**

Источники информации	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан	Туркменистан
Семья, друзья или соседи	1,3	0,8	0,8	2,8	1,9
Религиозные службы или литература	0,1	-	-	-	-
Национальные телеканалы нашей страны	12,9	7	17,7	20,4	13
Российские телеканалы	4,1	7,3	3,6	7,9	18,9
Местное радио	0,1	0,5	0,1	0,8	0,3
Российское радио	0,1	0,1	0,1	-	0,1
Газеты нашего правительства	0,2	-	-	0,3	0,2
Негосударственные газеты, издаваемые в нашей стране	-	0,1	-	0,7	0,2
Российские газеты	0,1	-	0,1	-	0,1
Другие зарубежные источники новостей	0,2	0,5	0,3	-	10,6
Интернет	65,5	71,9	60,2	38	17,5
Другие телеканалы	0,5	0,5	0,2	2,1	12,5
Не интересуюсь новостями	10,5	9	13,5	23,2	20,1
Нет ответа	0,8	-	0,1	0,6	1,4
Не знаю	3,8	2	3,3	3,1	3,2
Другое	-	0,3	-	0,1	-
Всего	100,0	100	100	100	100

Сопоставление данных «ЦАБ» и DEMOSCOPE об источниках информации, используемых казахстанцами, позволяет заключить, что сделанный экспертами компании DEMOSCOPE вывод в пресс-релизе требует уточнения. Некоторые логические несостыковки в анализе, расставление акцентов, возможно, объясняет то, что Проект MediaNet – «Медиа-Школа» в разное время поддерживался Фондом «Сорос-Казахстан», National Endowment for Democracy. Как отмечает Qazpolit.org – так называемая энциклопедия активистов Казахстана, «директор МЦЖ Адиль Джалилов с 2010 по 2012 годы входил в попечительский совет Фонда «Сорос-Казахстан»¹⁵. Мы не будем углубляться в предысторию создания центра. Надо отдать должное, данные опросов в настоящее время открыто представлены на сайте, и можно действительно не только изучить результаты голосования, но и сопоставить их с текстами интерпретации, в том числе пресс-релизов компании. Например, можно увидеть, что лишь 4,75 % от всего числа опрошенных респондентов в Казахстане готовы были в апреле 2022 г. «поддержать Украину и развивать партнерские отношения со странами Запада. ... В то время как поддержать Россию и развивать

¹⁵ Международный центр журналистики MediaNet. [Электронный ресурс]. Qazpolit.org. URL: <https://qazpolit.org/ru/medianet#1> (дата обращения: 10.08.2024).

партнерские отношения со странами ЕАЭС – 29 %»¹⁶. При этом 70 % респондентов выступали за сотрудничество с Россией, даже при наличии санкций: «Они уверены: несмотря ни на что Россия – главный стратегический партнер Казахстана»¹⁷.

Опрос, проведенный DEMOSCOPE в Казахстане 17 мая 2023 г. (1100 чел. в 17 областях и городах республиканского значения), показал рост доли выбирающих нейтральную позицию (с 39 % до 59,8 %). «Суммарно треть казахстанцев (31,8 %) разделяют нарративы Кремля: 13,6 % убеждены, что Россия ведет специальную военную операцию против нацистов в Украине; 18,2 % верят, что Россия воюет со странами Запада и НАТО на территории Украины»¹⁸. Большая доля поддерживающих Россию среди людей старше 60 лет – 22,9 %. За событиями на Украине следят 53 % от всех опрошенных. Вопросы об отношении респондентов к России, также как и к лидерам стран, в том числе к Путину, были поставлены в гайде сразу же после вопроса о вероятности нападения России на Казахстан¹⁹. И даже эта последовательность вопросов не смутила 61,8 % из ответивших респондентов сказать, что это невозможно. Но авторы пресс-релиза, анализируя результаты опроса, поставили акцент на другой информации и назвали его: «Треть казахстанцев стала хуже относиться к России после начала войны»²⁰.

Логическая последовательность и формулировки вопросов в социологическом инструментарии имеют достаточно сильное влияние на респондентов. Фактически можно благодаря расставленным акцентам не только собирать информацию о событии или мнении людей относительно него, но и формировать общественное настроение, сначала фокусируя внимание на определенных моментах [Грехнева и др, 2021; Ядов, 2003].

Оценки лидеров других стран показали, что акценты сместились в сторону Турции. Так, «Реджеп Тайип Эрдоган имеет гораздо более позитивный имидж в казахстанском обществе, чем Д. Байден и Си Цзиньпин. ... лидер Турции нравится 55,6 % граждан страны, а президенту США и председателю КНР симпатизируют только 18 и 8 % респондентов соответственно. К. Токаев на фоне других лидеров воспринимается гораздо лучше: он “нравится” 74,8 % и “не нравится” 6,9 % опрошенных»²¹.

Существующее доверие к России в казахстанском обществе прозвучало при оценке респондентами в октябре 2023 г. возможностей сотрудничества по поводу строительства АЭС, где им предложили выбрать, с какой из стран лучше сотрудничать (Китай, Франция, Южная Корея, Россия, др.). Выбрали Россию 23,3 % респондентов²². Для сравнения Южнокорейскую компанию выбрали 19,7 %, а китайскую только 7,2 %. Это при том, что 21,6 % выступают вообще против строительства АЭС, а 18,4 % затруднились ответить.

¹⁶ Вторжение российских войск в Украину. (2022). ...

¹⁷ Вторжение российских войск в Украину. (2022). ...

¹⁸ Опрос: Треть казахстанцев стала хуже относиться к России после начала войны. (2023). [Электронный ресурс]. DEMOSCOPE. Пресс-релизы. 17 мая. URL: <https://demos.kz/opros-tret-kazahstancsev-stala-huzhe-otnoshitsja-k-rossii-posle-nachala-vojny/> (дата обращения: 10.08.2024).

¹⁹ Третий опрос «Отношение казахстанцев к войне в Украине». (2023). [Электронный ресурс]. DEMOSCOPE. Опросы. 17 мая. URL: <https://demos.kz/tretij-opros-otnoshenie-kazahstancsev-k-vojne-v-ukraine/> (дата обращения: 10.08.2024).

²⁰ Опрос: Треть казахстанцев стала хуже относиться к России после начала войны. (2023). ...

²¹ Там же.

²² Отношение казахстанцев к строительству АЭС. (2023). [Электронный ресурс]. DEMOSCOPE. Опросы. 11 октября. URL: <https://demos.kz/otnoshenie-kazahstancsev-k-stroitelstvu-ajes-3/> (дата обращения: 10.08.2024).

Для составления объективной картины относительно интересующей нас темы, дополнительно мы обратились к данным исследований компании «Центрально-Азиатский Барометр» (ЦАБ), упомянутой нами выше²³. В 2022 г. ЦАБ провел внеочередной опрос общественного мнения о восприятии Российско-Украинской войны в Кыргызстане²⁴. В опросе приняли участие 1016 респондентов в возрасте от 18 до 65+ лет из 10 районов страны.

Конечно, первое удивление вызывает появление практически аналогичного вопроса в гайде об отношении к известным лидерам, состав которых чуть отличается от опросника в Казахстане²⁵. Возможно авторы пресс-релизов в Казахстане бюро экспресс-мониторинга общественного мнения DEMOSCOPE в какой-то мере использовали материалы исследовательской компании «Центрально-Азиатский Барометр», или наоборот, что и стало причиной пересечения вопросов, но упоминания об этом мы не встретили.

В специальном опросе населения Кыргызстана по украинскому вопросу предлагалось оценить уровень доверия лидерам стран: Кыргызстана – С. Жапарову, России – В. В. Путину, США – Дж. Байдену, Украины – В. Зеленскому, КНР – Си Цзиньпину. Полностью и скорее доверяют С. Жапарову – 89,2 %, Путину – 74,8 %, Дж. Байдену лишь 14,2 %, В. Зеленскому – 16,1 %, Си Цзиньпину – 44 %. Одобрели курс, которым движется Россия – 59,6%, при этом в гайд был тоже включен вопрос о том, какие источники информации о событиях на Украине используют люди. Поскольку 71,9 % респондентов указали Интернет, а не российские каналы ТВ (см. табл. 1), то можно предположить, что выбор в поиске источников информации у респондентов, несомненно, есть, и их нельзя заподозрить в подверженности «кремлевской пропаганде», как это формулировали в пресс-релизах опросов DEMOSCOPE в Казахстане. Поэтому и ставить под сомнение результаты ответов на вопрос о том, поддерживают или нет кыргызстанцы: «1) признание Россией независимости ДНР (Донецкая Народная Республика) и ЛНР (Луганская Народная Республика); 2) ведение Россией военных действий на территории Украины; 3) международные санкции против России»²⁶ – сложно. По итогам опросов поддерживают признание РФ независимости ДНР и ЛНР 54,6 %; СВО – 42,9 %; не поддерживают международные санкции против РФ – 76,7 %. Оценили положительно решение руководства Белоруссии поддерживать Россию в конфликте с Украиной – 49,7 % респондентов. При этом в отношении Кыргызстана такую же позицию поддержали 42,2 %, а выступили за принятие нейтралитета – 55,9 %. Качественный анализ пояснения причин выбранных ответов показал, что лишь 6,8 % респондентов упоминают о том, что Россия и Кыргызстан – бывшие страны СССР, всего 9,5% предполагают, что есть некая зависимость

²³ Как финансируется Центральноазиатский Барометр? ...

²⁴ Базы данных. Внеочередной опрос общественного мнения о восприятии Российско-Украинской войны в Кыргызстане. [Электронный ресурс]. *Центрально-Азиатский Барометр*. URL: <https://ca-barometer.org/ru/cab-database> (дата обращения: 10.08.2024).

²⁵ Третий опрос «Отношение казахстанцев к войне в Украине». (2023). ...

²⁶ Базы данных. Внеочередной опрос общественного мнения о восприятии Российско-Украинской войны в Кыргызстане. ...

Кыргызстана от России, и наибольшая доля (15,5 %) считает, что ухудшение отношений между странами может привести к потере работы тех, кто находится в трудовой миграции на территории РФ. Возможно, отчасти этот аргумент определил то, что 45,6 % респондентов считают, что СВО может негативно повлиять на экономику Кыргызстана, но есть и те, кто скорее беспокоится о том, что она может стать причиной мирового конфликта (46,8 %) ²⁷.

Отметим, что исследовательской компанией «Центрально-Азиатский Барометр», кроме специального опроса населения Кыргызстана по украинскому вопросу в 2022 г., проводились ежегодно волны опросов во всех пяти странах Центрально-Азиатского региона по блокам, затрагивающим политическую, экономическую, демографическую ситуацию и др., что дает возможности сопоставления настроения населения до и после начала СВО. Последняя, 11 волна опросов, данные которой выложены открыто на сайте компании, была в мае-июне 2022 г., и в гайде присутствовал вопрос об оценке респондентами возможностей для трудоустройства в других странах: «В какой степени Вы согласны или нет с тем, что в других странах есть лучшие возможности трудоустройства?» ²⁸ (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов в странах Центральной Азии
о возможности лучшего трудоустройства в других странах в 2022 г., %**

В какой степени Вы согласны или нет с тем, что в других странах есть лучшие возможности трудоустройства?	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан
Полностью согласен	29,6	46,5	22,5	36,0
В некоторой степени согласен	32,5	34,2	31,1	28,4
В некоторой степени не согласен	15,4	8,1	16,6	4,8
В значительной степени не согласен	10,7	6,0	23,9	13,3
Нет ответа	0,9	0,3	0,3	2,3
Не знаю	11,0	4,8	5,5	15,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Единственной страной из Центрально-Азиатского региона, респонденты которой в большей степени не согласны с тем, что где-то условия для работы будут лучше, оказался Узбекистан (40,5 % не согласных в совокупности: 16,9% – в некоторой степени и 23,9% – в значительной). Однако данный факт не помешал 38,7 % респондентов при выборе ответа на вопрос о привлекательности других стран для трудовой миграции выбрать Россию (см. табл. 3).

²⁷ Базы данных. Внеочередной опрос общественного мнения о восприятии Российско-Украинской войны в Кыргызстане. ...

²⁸ Базы данных. Опрос Центральноазиатского Барометра. Волна 11. ...

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов в странах Центральной Азии
о привлекательности других стран для трудовой миграции в 2022 г., %**

Рейтинг стран	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан	Туркменистан
1 место	Южная Корея (12,6 %)	РФ (52,1 %)	РФ (38,7 %)	РФ (73,6 %)	Турция (26,4 %)
2 место	РФ (10,3 %)	США (9 %)	США (8,6 %)	Европа (3,7 %)	РФ (13,5 %)
3 место	Турция (8,7 %)	Европа (7,5 %)	Южная Корея (5,7 %)	США (2,5 %)	ОАЭ (2,2 %)

Отвечая на вопрос о наличии родственников, которые работают в другой стране, 23,5 % респондентов из Узбекистана назвали Россию. В Таджикистане таковых оказалось 57,1 %. Хотя это не помешало при опросе в Таджикистане 34,7 % выбрать в качестве потенциально интересного языка для изучения английский язык. Русский назвали 30 % от опрошенных. К сожалению, мы не нашли в базе данных Центрально-Азиатского Барометра по Таджикистану вопрос относительно отношения респондентов к другим странам, но возможность сопоставить, каким оно было в мае-июне 2022 г. благодаря исследованию компании, у нас есть: «Думая о других странах, пожалуйста, скажите, есть ли у Вас очень благоприятное, несколько благоприятное, несколько неблагоприятное или очень неблагоприятное мнение о ...»²⁹ (см. табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов в странах Центральной Азии
о привлекательности других стран в 2022 г., %**

Варианты ответов	Казахстан			Кыргызстан			Узбекистан			Туркменистан		
	КНР	РФ	США	КНР	РФ	США	КНР	РФ	США	КНР	РФ	США
Очень благоприятное	11,9	16,0	17,4	15,6	32,5	22,8	19,0	32,6	19,9	17,1	30,7	11,6
Скорее благоприятное	36,5	37,5	33,3	45,3	49,9	33,9	39,8	45,5	28,1	45,1	41,3	27,6
Скорее не благоприятное	22,0	22,6	17,8	17,0	9,7	15,1	10,3	6,4	14,0	8,9	6,9	19,7
Очень неблагоприятное	18,6	15,3	15,4	14,7	4,7	14,7	11,2	3,9	13,5	1,5	0,9	9,4
Нет ответа	0,9	1,1	1,3	0,8	0,3	1,0	0,6	0,2	0,2	5,3	4,4	5,5
Не знаю	10,1	7,5	14,9	6,6	2,8	12,5	19,1	11,4	24,3	22,1	15,8	26,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

²⁹ Базы данных. Опрос Центральноазиатского Барометра. Волна 11. ...

В совокупности благоприятно воспринимали Россию в Кыргызстане – 82,4 %, в Узбекистане – 78,1 %, в Туркменистане – 72 %, а в Казахстане – 53,5 %, немногим больше, чем лояльное отношение к США, – 50,6 %. Хотя против присутствия американских баз в Казахстане в 2022 г. высказалось 61,4 % респондентов, в то время как против российских баз было всего 47,2 %. В Кыргызстане, наоборот, поддерживали присутствие российских военных 75,4 % респондентов.

Приблизительно аналогичное распределение об отношении к странам было получено Международной некоммерческой ассоциацией исследовательских агентств «Евразийский монитор» по данным исследования «Потенциал гуманитарного сотрудничества России в регионе СНГ», проведенного в 2022 г.³⁰

Рис. 1. Распределение ответов по странам Центральной Азии о привлекательности других стран в 2022 г., %

Возможно, о сформировавшемся характере отношения к Китаю в Центрально-Азиатском регионе более детально раскроют информацию вопросы, заданные исследовательской компанией «Центрально-Азиатский Барометр». Например, респондентам предлагалось ответить на вопросы: «1. Насколько Вы обеспокоены, если вообще обеспокоены, что китайские проекты развития могут привести к увеличению государственного долга с Китаем? 2. Насколько Вы обеспокоены, если вообще обеспокоены, что китайские покупатели хотят купить землю в нашей стране? 3. Насколько Вы обеспокоены, если вообще обеспокоены, что экономические отношения нашей страны с Китаем могут нанести ущерб экономическим отношениям нашей страны с Россией?»³¹ (см. табл. 5).

³⁰ Исследование «Потенциал гуманитарного сотрудничества России в регионе СНГ». (2022). [Электронный ресурс]. *Евразийский монитор. Исследования*. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#2022> (дата обращения: 10.08.2024)

³¹ Базы данных. Опрос Центральноазиатского Барометра. Волна 11. ...

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов в странах Центральной Азии
о степени их обеспокоенности относительно проектов с Китаем (в мае-июне 2022 г.), %**

Степень обеспокоенности	Казахстан			Кыргызстан			Узбекистан		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Очень обеспокоен	38,5	76,1	24,0	62,3	86,0	37,2	13,2	32,4	10,6
Скорее обеспокоен	32,3	15,1	29,9	22,2	6,4	29,0	20,8	21,9	17,5
Скорее не обеспокоен	11,5	3,3	18,5	6,3	2,7	15,1	11,1	6,9	11,0
Совсем не обеспокоен	11,1	3,4	19,5	6,4	3,9	13,4	41,9	29,3	46,3
Нет ответа	0,5	0,4	0,9	0,6	0,3	0,5	0,5	0,3	0,5
Не знаю	6,1	1,7	7,3	2,2	0,7	4,7	12,6	9,1	14,0
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Менее всего обеспокоены были в 2022 г. в Узбекистане возможными проблемами в связи с сотрудничеством с Китаем. В Казахстане и Кыргызстане население высказывало достаточно большое беспокойство и по поводу возможного роста внешнего долга с Китаем, и по поводу земельных сделок.

Детализировать сомнения о пользе от совместных с Китаем проектов разработчикам вопросников удалось на примере ответов на вопрос: «Пожалуйста, скажите, Вы решительно поддерживаете, в некоторой степени поддерживаете, в некоторой степени выступаете против, или решительно выступаете против следующего: 1) Китай развивает энергетические и инфраструктурные проекты в нашей стране; 2) Китай привлекает китайских рабочих для энергетических и инфраструктурных проектов в нашей стране»; 3) китайские технологии используются в нашей стране»³² (см. табл. 6).

Развитие энергетических, инфраструктурных проектов и привлечение рабочей силы из Китая подержали в Узбекистане и Туркменистане. Более того, 66,2 % респондентов в Туркменистане считают, что привлечение инвестиций Китая в страну позволит создать рабочие места. Таковых в Узбекистане – 69 %, в Кыргызстане – 47,3 %, в Казахстане – 33 %. Приблизительно в таких же пропорциях поддержали и связь между инвестициями из Китая и улучшением энергетики и инфраструктуры в стране: Узбекистан – 73,9 %, Туркменистан – 71,6 %, Кыргызстан – 56 %, Казахстан – 42,6 %. Использование китайских технологий в принципе одобрено всеми четырьмя государствами.

Полученные ответы создают ощущение о смене курса с сотрудничества с ЕАЭС в сторону Китая. Проверим, изменилось ли к 2022 г. отношение к ЕАЭС у Казахстана и Кыргызстана. В рамках исследования, проведенного компанией «Центрально-Азиатский Барометр» в этих странах, респондентам предлагалось оценить насколько они согласны с тем, что вступление в Евразийский экономический союз принесло пользу национальной экономике их стран. Таковых в Казахстане оказалось 62,2 %, в Кыргызстане – 57,6 %. Таджикистан на тот момент еще рассматривал возможность стать членом Евразийского

³² Базы данных. Опрос Центральноазиатского Барометра. Волна 11. ...

экономического союза с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Беларусью и Арменией. Поэтому респондентам в этой стране предложили оценить степень их согласия или несогласия с вступлением в ЕАЭС. 35,7 % ответили, что не знают, а 46,6 % поддерживали идею вступления в той или иной мере. Узбекистан в 2022 г. уже выступал в роли наблюдателя в ЕАЭС. Поэтому респондентам предложили высказать свое мнение о возможности остаться в этой роли и сменить ее на полноправного члена союза. 46,1 % респондентов проголосовали за смену роли и получение больших прав участия в союзе, 22,1 % были довольны ролью наблюдателя³³.

Таблица 6

**Распределение ответов респондентов в странах Центральной Азии
о степени их обеспокоенности, относительно реализующихся проектов с Китаем
(в мае-июне 2022 г.), %**

Варианты ответов	Казахстан			Кыргызстан			Туркменистан			Узбекистан		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Очень поддерживаю	9,7	4,0	20,5	16,9	8,4	29,0	28,5	24,4	30,4	29,3	23,6	33,8
Немного поддерживаю	25,7	13,5	42,2	35,8	17,7	43,4	48,9	43,8	53,6	40,0	31,3	41,0
Скорее не поддерживаю	20,7	25,1	13,5	15,1	20,3	8,2	2,8	8,6	2,8	5,7	11,1	5,3
Совсем не поддерживаю	34,4	51,2	18,6	26,9	49,7	16,7	2,1	2,3	2,5	11,9	23,9	12,1
Нет ответа	0,9	0,6	0,5	0,4	0,5	0,4	3,6	4,1	2,7	0,4	0,3	0,1
Не знаю	8,6	5,6	4,6	5,0	3,3	2,3	14,1	16,8	7,9	12,7	9,9	7,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Можно сделать вывод, что ценность ЕАЭС как организации, которая позволяла странам выйти на новый уровень и решать оперативно социально-экономические и политические задачи, безусловно, поддерживалась большинством опрошенных в странах, где были проведены опросы. Но участники в силу потребности решения различных внутренних задач актуализировали партнерские отношения и с Китаем. Как отмечает В. С. Ковалев: «По итогам 2022 г. объем товарооборота государств – членов ЕАЭС с КНР фактически достиг 220 млрд. долл., увеличившись более чем на 30 % по сравнению с 2021 г. и в 2,8 раза по сравнению с 2015 г. ... На Китай приходится примерно четверть во внешнеторговом обороте Союза, при этом данное значение поступательно увеличивается (в 2015 г. – 13,6 %). Доля КНР во внешнеторговом обороте Кыргызстана в 2022 г. составила 56,7 %, Казахстана – 22,7 %. Для России Китай уже на протяжении 13 лет является крупнейшим торговым партнером (по итогам 2022 г. – более 190 млрд. долл. взаимного товарооборота, доля – примерно 24 %)» [Ковалев, 2023, с. 18]. При этом акцентирует внимание автор: «... для Китая (экспортера номер один в мире с 2009 г.) ЕАЭС обладает меньшим количественным значением. По итогам 2022 г. на долю Союза пришлось около 2 %

³³ Базы данных. Опрос Центральноазиатского Барометра. Волна 11. ...

всех китайских поставок за рубеж и 3 % совокупного товарооборота Китая со всеми странами (ЕАЭС находится в районе 10-го места в рейтинге торговых партнеров Китая). А на долю крупнейших «блоковых» контрагентов (АСЕАН и ЕС) приходится 15,5 % и 13,4% внешнего товарооборота КНР соответственно» [Там же].

Заключение. Подводя итоги обзора настроений населения государств Центрально-Азиатского региона 2022 г. через призму результатов социологических опросов, и факторов, которые определили выбор во внешней политике стран, можно отметить, что большая часть из них, безусловно, была связана с потребностью решения внутренних задач. Актуализация вопросов расширения рынка сбыта продукции, увеличения потоков трудовой миграции, потребности в технологическом развитии, необходимость обеспечения безопасности страны, обусловили выбор тех или иных внешних партнеров. При этом мы также можем отметить, что и другие государства, не входящие в Центрально-Азиатский регион и даже Евразию, не довольствовались ролью внешнего наблюдателя, а достаточно активно участвовали в формировании настроения масс в исследуемом регионе, в том числе посредством СМИ и формирования акцентов в интерпретации результатов социологических опросов. Анализируя активную деятельность аналитических центров, К. А. Кудаяров пишет о том, что в Казахстане и Кыргызстане в 2022 г. они являлись наиболее многочисленными в Центральной Азии, достигая в общем количестве 52. Большая часть из них являются негосударственными организациями. Лишь в Казахстане есть 2 академических центра. Государственных центров в Казахстане – 9, Кыргызстане – 3 [Кудаяров, 2023, с. 78].

В нашем обзоре мы остановились на результатах только трех компаний, две из которых дали возможность провести сравнительный анализ мнений граждан Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана.

Особую благодарность мы бы хотели выразить независимой неправительственной исследовательской компании «Центрально-Азиатский Барометр» (ЦАБ) за возможность ознакомиться с первичными базами социологических опросов.

Список литературы / References

Абрамова, М. А. (2021). Евразийское образовательное пространство: идея и реализация. *Философия образования*. Т. 21. № 4. С. 127-142.

Abramova, M. A. (2021). Eurasian Educational Space: Idea and Implementation. *Philosophy of Education*. Vol. 21. No. 4. Pp. 127-142. (In Russ.)

Грехнева, Л. В., Кривов, С. В., Старкин, С. В. (2021). Проблемы формулировки анкетных вопросов: социолого-лингвистический анализ. *Филология: научные исследования*. № 1. С. 66-76. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.1.34711. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34711

Grekhneva, L. V., Krivov, S. V., Starkin, S. V. (2021). Problems of Formulating Questionnaire Questions: Sociological and Linguistic Analysis. *Philology: Scientific Research*. No. 1. Pp. 66-76. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.1.34711. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34711 (In Russ.)

Ковалев, В. С. (2023). ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. Т. 17. № 3. С. 15-24. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-15-24>

Kovalev, V. S. (2023). The EAEU and China: Partnership for Self-Sufficiency. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. Vol. 17. No. 3. Pp. 15-24. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-15-24> (In Russ.)

Кудаяров, К. А. (2023). Аналитические центры Киргизии и Казахстана о СВО и российско-украинском кризисе. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика*. № 3. С. 75–95. DOI: 10.31249/RVA/2023.03.05

Kudayarov, K. A. (2023). Analytical centers of Kyrgyzstan and Kazakhstan on the SVO and the Russian-Ukrainian crisis. *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 9: Oriental and African Studies*. No. 3. Pp. 75–95. DOI: 10.31249/RVA/2023.03.05 (In Russ.)

Ядов, В. А. (2003). Общие требования к программе. *Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности*. 7-е изд. М.: Добросвет. С. 122-130.

Yadov, V. A. (2003). General Requirements for the Program. In *Strategy of Sociological Research. Description, Explanation, Understanding of Social Reality*. 7 th ed. Moscow. Pp. 122-130. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

Гончарова Галина Савитовна – научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: socis24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-9447>

Костюк Всеволод Григорьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, <https://orcid.org/0000-0002-5167-7316>

Статья поступила в редакцию: 14.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 04.10.2024

Abramova Mariya – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Studies of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

Goncharova Galina Savitovna – Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: socis24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-9447>

Kostyuk Vsevolod Grigorievich – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva, 8, <https://orcid.org/0000-0002-5167-7316>

The paper was submitted: 14.08.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 04.10.2024

УДК 304.5

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ В ЯКУТСКОМ СОЦИУМЕ: ОПЫТ ФОКУС-ГРУППОВОГО ИНТЕРВЬЮ

И. И. Подойницына

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)
irena_ivan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию двух государственных языков в Республике Саха (Якутия) (якутский, русский), а также функционированию языков малочисленных народов Севера, проживающих на ее территории. Основной задачей исследователей было ответить на вопросы: удалось ли реализовать идею двуязычия в республике (по отношению к возможности использования русского и якутского языков и обучения на них); каково качество преподавания языков в общеобразовательных и образовательных учреждениях РС(Я). Метод исследования: фокус-групповые интервью, проведенные в 6 районах (улусах) Республики Саха (Якутия) и в столице республики г. Якутске. Особое внимание уделено методике обработки транскриптов фокус-группового интервью, упор сделан на методе формирования семантического ядра и выявлении позиций экспертов фокус-групп. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что феномен двуязычия, билингвизм присутствует в 6 изученных районах и в г. Якутске. В то же время ситуация с двуязычием в РС (Я) трактуется некоторыми экспертами как ассиметричный процесс, как «несбалансированное явление», поскольку преподавание якутского языка и языков КМНС в школах РС (Я) ухудшилось, и почти везде ощущается нехватка квалифицированных кадров. Одним из главных результатов исследования стало то, что билингвы рассматриваются как культурные брокеры, а паттерны их поведения в обществе можно классифицировать как этнокультурный неотрадиционализм.

Ключевые слова: двуязычие, билингвизм, взаимодействие языков, нехватка высококвалифицированных специалистов, билингвы в Республике Саха (Якутия), фокус-группа, методические проблемы изучения языков, метод формирования семантического ядра.

Для цитирования: Подойницына, И. И. (2024). Взаимодействие языков в якутском социуме: опыт фокус-группового интервью. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 83-103. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.83-103

INTERACTION OF LANGUAGES IN THE YAKUT SOCIETY: EXPERIENCE OF FOCUS GROUP INTERVIEWS

I. I. Podoinitsyna

Institute of Humanitarian Research
and Problems of small indigenous peoples of the North SB RAS (Yakutsk)
irena_ivan@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the interaction of two official languages in the Republic of Sakha (Yakut language and Russian language), as well as to the functioning of languages of small indigenous peoples of the North, living on the territory of the republic. The main goal of the researchers was to answer the question whether it was possible to achieve actual bilingualism in republic, in relation to Russian and Yakut languages; what is the quality of language teaching in general and educational institutions in the Republic of Sakha. Research method: focus group

interviews conducted in 6 districts (ulus) of the Republic of Sakha (Yakutia) and in the capital of the republic, the city of Yakutsk. Special attention is paid to the techniques of processing transcripts of focus group interviews, with an emphasis on the method of forming a semantic core and identifying the positions of focus group experts. The study concluded that the parity interaction of two state languages in the Republic of Sakha (Yakutia) developed in 6 studied districts and in Yakutsk. At the same time, bilingualism in the Republic of Sakha (Yakutia) is perceived by some experts as an asymmetric process, as an "imbalanced phenomenon," Teaching the Yakut language and the languages of indigenous small-numbered peoples of the north in schools of the Sakha Republic (Yakutia) has deteriorated. The shortage of skilled personnel is felt almost everywhere. One of the best result of this research is thesis that bilinguals are considered cultural brokers and their behavioral patterns in society can be classified as ethnocultural neotraditionalism.

Keywords: bilingualism, language interaction, language functioning, focus group, shortage of highly qualified specialists, bilingualism in the Republic of Sakha (Yakutia) methodological issues of language study, method of forming a semantic core.

For citation: Podoinitsyna, I. I. (2024). Interaction of Languages in the Yakut Society: Experience of Focus Group Interviews. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 83-103. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.83-103

Введение

Мировое сообщество, ученые из разных стран давно высказывают озабоченность по поводу исчезновения языков коренных народов. Исследователи констатируют, что такие процессы, как глобализация, урбанизация, цифровизация и другие глубинные социальные трансформации, ускорили исчезновение языков за последние сто лет. Уязвимыми стали языки, которые не используются во всех слоях общества, в Интернете, и на которых не ведется преподавание в школах и вузах. Существует гипотетическое предположение, что половина из шести или семи тысяч языков мира, которые могли бы существовать в следующем столетии, может исчезнуть в ближайшие десятилетия¹.

Сбалансированное использование различных языков в мультикультурных странах активно обсуждается в мировом научном пространстве. Так, Лэнс А. Твитчелл пишет: «Перспективы у коренного населения Америки до сих пор ужасающие. Штаты США пока не собираются делать коренные языки Америки официальными языками на своих территориях. Больше всего меня беспокоит то, что значительная часть коренного населения Америки сама отказывается от своих языков»². Американский исследователь приводит результаты научных изысканий: многоязычные дети достигают более высоких результатов в познавательных процессах, а двуязычные взрослые менее подвержены ослаблениям функций мозга в старости.

Л. А. Заемская пишет о другой Америке, в которой также происходит взаимодействие статусных европейских и коренных туземных языков. Накануне процесса испанизации в Латинской Америке существовали 123 языковые группы, множество диалектов [Заемская, 2011]. Также, как и другие авторы, Заемская подчеркивает «встречность»,

---

¹ Твитчелл, Л. А. (2013). О языках американских индейцев. Америка многоязычная. [Электронный ресурс]. *Лингвовести: лингвистика и языковые ситуации в популярном изложении*. URL: <http://lingvovesti.ru/2013/o-yazykax-amerikanskix-indejcev.html>. (дата обращения: 08.05.2024).

² Там же.

взаимообусловленность двух процессов – это, с одной стороны, испанизация американского континента и, с другой – влияние аборигенных языков на испанский. Заемская называет эти процессы «сообщающимися языковыми сосудами». «Интересно, что еще какое-то время тому назад было распространено мнение, что вследствие существенных различий между регионами Латинской Америки, где использовались собственные туземные языки, а конкистадоры и иммигранты привезли с собой диалекты разных областей Испании, испанский язык может пасть жертвой фрагментации. Тем не менее, объединяющие начала оказались сильнее ...» [Там же, с. 75]

Парагвайский ученый-лингвист и писатель Рубен Барейро Сагьер заявляет, что знание автохтонного языка – это особое «видение мира», т. е. «отношение между спецификой жизненного опыта и языковыми таксономиями». В Парагвае 93 % населения говорит на языке гуарани, и при этом 49% из них владеет еще и испанским, кастильскими языками³. Как видим, билингов в парагвайском языковом сообществе достаточно много. В Перу кечуа – язык империи инков – был признан официальным языком наряду с испанским. Из 16 млн населения Перу почти половина – билингвы, которые изъясняются и на испанском, и на кечуа. Но все равно автохтонные языки являются подчиненными по отношению к испанскому, – делает вывод Сагьер, – «повышение социального и культурного уровня возможно лишь при условии владения испанским». Парагвайский ученый предлагает выход из ситуации неравновесного двуязычия: надо обогащать литературный и разговорный испанский местными диалектами, что в итоге будет придавать иную окраску господствующему языку.

Остро стоит вопрос англо-французского и франко-английского билингвизма в Канаде, что имеет корни в исторических контекстах развития страны. Английский язык является родным для 57 % населения страны, французский – для 21 % населения [Оксентюк, 2019]. Два высокостатусных языка обладают официальным равноправием в Канаде, но в реальности ситуация сложнее: по мнению О. Р. Оксентюка, в провинции Квебек французский язык является единственным официальным языком, права англоязычных граждан регулярно ущемляются. О. Р. Оксентюк делает вывод: в столь сложной ситуации можно опираться на несколько «коммуникативных инструментов». Во-первых, практиковать погруженность англоязычных канадцев в социальный и культурный уклад жизни, свойственный франкоязычному населению, и в работу в многочисленных французских учреждениях – оба процесса могут привести к языковой толерантности; во-вторых, заниматься так называемым «переключением кодов» – это особая форма речевого поведения говорящих, которая соответствует структуре их социального взаимодействия. К примеру, это выпуск одной газеты на английском и французском языках одновременно, вкрапления во французские тексты английских терминов, английских идиом и др., что приветствуется в газетах Монреаля и др.

Интеграция представителей различных национальностей в социум, выход из состояния маргинальности и из замкнутых социальных границ собственной этнообщины возможен посредством активизации кросс-этнических контактов и изучения языков, популярных

---

³ Сагьер, Р. Б. (1983). Языки индейцев Латинской Америки. [Электронный ресурс]. *Мир индейцев: история, культура, мифология, фотографии, фильмы*. URL: <https://www.indiansworld.org/Articles/yazyki-indeycev-latinskoj-ameriki.html?ysclid=m0ryk1i9sb952764578> (дата обращения: 08.05.2024).

в данном обществе, принятых на институциональном уровне. Сегодня термин «интеграция» более принят в российском научном поле, нежели термин «ассимиляция», как пишет Е. А. Варшавер. Но интеграция должна дополняться и обогащаться сохранением этнической цельности народов, укреплением их этнической идентичности. Как образно выразился вышеупомянутый автор, «интеграция этносов – это улица с двусторонним движением»⁴.

Исследования последнего времени, проведенные во многих национальных республиках Российской Федерации, в частности: в Башкортостане, Татарстане, Дагестане, Республике Марий Эл, Чувашской Республике, Республике Мордовия, Удмуртской Республике, выявили следующие проблемы в языковой сфере: качество образования на родном языке, слабое методическое обеспечение обучения, отсутствие современных учебников по национальным языкам. Эксперты из национальных республик России определяют, что де-юре языки народов России равноправны, а де-факто – нет [Большаков, Храмова, 2021]. Исследователи, работавшие в национальных республиках, отмечают такую тенденцию: несмотря на принятые государством меры по сохранению и развитию родных языков и родной культуры, интерес к их изучению со стороны непосредственных «носителей», особенно молодого возраста, не имеет масштабного характера. Для этого существует ряд объективных и субъективных причин. Башкирские социологи отмечают: «... определенная трудность в сохранении родных языков заключается в том, что часто отсутствует практическая область их применения. Они в основном функционируют в семейно-бытовой сфере» [Единство и многообразие языков и культур..., 2023, с. 16]. Случай Татарстана интересен тем, что, согласно рейтингу Федерального агентства по делам молодежи, республика занимает лидирующие позиции в стране по эффективности молодежной политики. В республике закрепили связь обучения с национальными традициями и возможностью выбора языка обучения. Тем самым Татарстан заложил одну из главных тем молодежной политики – присутствие в ней вопросов этнической социализации подрастающего поколения и обеспечения благоприятного межэтнического взаимодействия [Там же, с. 160]. Этническая идентичность молодежи Татарстана успешно совмещается с национально-гражданской идентичностью. Это возможно в том случае, когда и та, и другая выражены в пределах нормы, как отмечает Л. М. Дробижева [Дробижева, 2017].

Якутский социолингвист Н. И. Иванова делает вывод по результатам исследования «Современный якутский язык в г. Якутске»: снижение якутской языковой компетенции у молодежи детерминировано следующими факторами: недостаточно высокий функциональный статус якутского языка; влияние европейских стандартов на систему традиционных ценностей; функциональное доминирование русского языка, несбалансированное двуязычие; недостаточное внедрение якутского языка в область информационных технологий [Иванова, 2022, с. 121].

Основная цель представленного исследования: в рамках изучения современной языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) выявить возможности сохранения двуязычия.

---

⁴ Варшавер Е. А. Интеграция мигрантов. [Электронный ресурс]. Материал проекта ПостНаука. URL: <https://mer-center.ru/videofiles/integration-migrants> (дата обращения: 08.05.2024).

Задачи исследования:

- определить особенности взаимодействия и развития двух государственных языков РС(Я), языковых коммуникаций в различных географических зонах Якутии;
- оценить качество преподавания языков в общеобразовательных и образовательных учреждениях РС (Я);
- выявить отношение экспертов к билингвам, определить их роль в обществе;
- эмпирическим путем проверить эффективность использования метода фокус-групп при изучении сложных, сензитивных для региона ситуаций на примере языковой.

Объект исследования – языки, функционирующие на территории Республики Саха (Якутия).

Предмет исследования – особенности двуязычия в Республике Саха (Якутия) и перспективы его развития.

Методология исследования

Ориентиром для написания данной статьи выступили статьи этносоциологов по проблемам межэтнических коммуникаций, интеграции представителей различных этносов в социум таких авторов, как Л. М. Дробижева [Дробижева, 2013; Дробижева, 2017; Дробижева, 2020], Е. А. Варшавер [Варшавер и др., 2017]. Автором статьи также были проанализированы работы исследователей, изучавших взаимодействие языков, языковые сдвиги, поведение билингвов в кросс-этнических коммуникациях и др. Тезисы якутского исследователя Н. И. Ивановой [Иванова, 2022] о развитии якутского языка были учтены в процессе подготовки гайдов фокус-группы. Принимались также во внимание результаты масштабных исследований в сфере языковой политики и межнациональных коммуникаций, проведенных в РФ на Урале и в Поволжье [Большаков, Храмова, 2021], а также в Башкортостане, Татарстане, Дагестане и в Республике Саха (Якутия) [Единство и многообразии языков и культур ..., 2023].

Взаимодействие языков понимается как языковые отношения (национально-языковые отношения), которые означают «взаимные поведенческие и оценочные установки, предрасположенности носителей различных языков или форм существования языка по отношению как к чужим, так и к собственным языкам и языковым вариантам (в том числе и оценки языка типа “богатый”, “престижный” и др.); отношение к использованию языка, к языковой политике» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 279]. Ю. А. Жлуктенко предлагает другую трактовку термина «взаимодействие языков», которая подразумевает «всю совокупность динамических процессов ..., заложенных в языковой системе и приводящих к взаимному наложению сети дифференциальных признаков, переплетению артикуляционных ... характеристик и др.» [Жлуктенко, 2023].

Конкретных критериев оценки гармоничного, равноправного двуязычия мы не встретили, изучив соответствующие научные труды. Однако, как было показано выше, многие авторы видят путь к «языковой толерантности» в том, что и один, и другой государственный языки взаимообогащают друг друга новыми словами, новой стилистикой и даже артикуляцией, которые отражают изменившиеся реалии жизни и др. Языковые заимствования не должны быть массовыми, неоправданными. Другим критерием

гармоничного взаимодействия языков, на наш взгляд, можно считать социально-коммуникативный – сбалансированное употребление и одного, и другого языка в разных сферах социума: в деловой, социальной, культурной, в образовательной, в том числе и в городской навигации, за исключением, может быть, семейно-бытовой, где всегда доминирует родной язык. Идеально сбалансированного равновесного двуязычия во всех сферах общества быть не может.

Методы исследования

Фокус-группа как метод, разработанный Робертом Мертоном, сегодня активно применяется в маркетинге, психологии, психиатрии, политологии, менеджменте и др. Исследователи сходятся во мнении, что сложные противоречивые вопросы, которые имеют как немало сторонников, так и не меньшее количество противников, можно изучать с помощью метода фокус-групп, ибо количественные методы нивелируют полярные ответы [Подойницына и др., 2006]. Социологи, занимающиеся прикладной социологией, уделяют внимание проблемам селекции в фокус-группах (гетерогенная, гомогенная); составлению гайда, стилю поведения модератора. С. А. Белановский подчеркивает, что метод фокус-групп отличается чувствительностью к изменениям, и дает возможность вносить по ходу ведения фокус-групп коррективы, которые задаются в соответствии с существующим континуумом формализованности [Белановский, 1996]. Вместе с тем С. А. Белановский и А. В. Никольская предупреждают, что не всякие процессы, протекающие в фокус-группе, можно назвать групповой динамикой. Согласимся с авторами, что по отношению к применению фокус-группы в рамках научного исследования более приемлем следующий тезис: «... мнения участников фокус-групп становятся стимулами для раскрытия темы. В этом и состоит групповая динамика» [Белановский, Никольская, 2022, с. 379-380]. В меньшей мере практикующие социологи уделяют внимание «снятию» субъективизма в высказываниях респондентов, поэтому автор статьи предложила использовать метод формирования семантического ядра для обработки полученных при обсуждении комментариев. Семантическое ядро представляет собой упорядоченный набор слов, словосочетаний, характеризующих тот или иной вид деятельности. Часто применяется при анализе контента сайта, где выделяются ключевые слова [Ушакова и др., 2010]. Сформировав семантическое ядро из часто повторяемых участниками фокус-группы суждений, мы отделяем главное от второстепенного, осознанное от стихийных или излишне эмоциональных высказываний. Обобщения позволяют сформировать представления о четкой позиции экспертов по поводу определенных ключевых слов. Позиции – это скорее маркеры, сконструированные из потока фрагментарных, обрывистых суждений респондентов, выявляющие тенденции в общественном сознании.

Стоит подчеркнуть, что предложенный нами метод фокус-группового интервью не сможет в полной мере раскрыть сложные вопросы функционирования языков в национальной республике, перспективы их дальнейшего развития, т. к. для этого необходим мониторинг данных процессов, масштабные опросы. Однако нам были интересны неформальные, «живые» ответы респондентов по наиболее актуальным темам, рефлексии, представленные в форме диалога, беседы, что позволило в дальнейшем разработать маршруты и схемы новых социологических мониторингов.

Рабочая гипотеза фокус-групп: в целом взаимодействие двух государственных языков в РС (Я) сложилось и де-факто, и де-юре; двуязычие в РС (Я) имеет перспективы развития.

В работе фокус-групп приняли участие 42 человека.

Результаты исследования

11–13 октября 2023 г. Центр стратегических исследований при Главе РС (Я) провел 6 фокус-групп по теме «Языковая ситуация и условия для сохранения, изучения и сбалансированного развития государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)» в столице республики г. Якутске, в Северной группе улусов (Оленекский, Верхоянский улусы), Центрально-Заречной группе улусов (Мегино-Кангаласский улус), Юго-Восточной группе улусов (Оймяконский район), в Юго-Западной группе районов (Мирнинский, Ленский районы). Принцип отбора респондентов основывался на гетерогенной селекции: отбирались респонденты из разных сфер жизнедеятельности, но их объединял один интерес – сохранение и развитие языков в РС (Я).

Критерии отбора экспертов: большой стаж работы в области преподавания языков и гуманитарных дисциплин, опыт журналистской и общественной деятельности; определенные успехи в профессиональной деятельности, обосновывающие уровень компетентности эксперта; умение анализировать ситуацию и прогнозировать развитие событий в исследуемой сфере. В качестве экспертов выступили: главный редактор газеты коренных малочисленных народов Севера «Илкэн»; главный редактор газеты на якутском языке «Саха Сирэ»; редактор культурно-просветительского образовательного сайта «Саха этигэн тыла»; редактор газеты «Вести Верхоянья»; редактор газеты «Мирнинский рабочий»; научные сотрудники Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера; языковой активист, администратор Саха Википедии; преподаватели СВФУ им. М. К. Аммосова, специализирующиеся на изучении стилистики якутского языка, на русско-якутском переводе, а также проводящие исследования в этнолингвокультурологии и когнитивной лингвистике; учителя якутского языка и литературы, русского языка и литературы в сельских школах; сотрудники библиотек.

Учитывался национальный состав участников дискуссий. В работе фокус-группы приняли участие 45 % саха, 49 % русских и представителей других национальностей, проживающих в Республике Саха (Якутия), 6 % КМНС. Данный этнический состав пропорционально соответствует этническому составу населения Якутии. Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г. в РС (Я) проживает 47,1 % саха, 27,8 % русских, 2 % КМНС, 23,1 % представителей других национальностей (буряты, таджики, татары, армяне и др.) [Единство и многообразие языков и культур ..., с. 496]. Национальный состав населения также учитывался при целевой выборке улусов: так, в Северной группе улусов проживают 75,65 % эвенков⁵; в Центрально-Заречной группе улусов (Мегино-Кангаласский

---

⁵ Оленекский район. [Электронный ресурс]. Википедия. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Оленекский_район (дата обращения: 08.05.2024).

улус) – 91 % саха, 6,4 % – русские, 1,5 % – другие⁶; в Юго-Восточной группе районов (Оймяконский район) – 57 % русские, 23 % – саха⁷; Юго-Западная группа районов, Ленск – 37,80 % русских, 49,90 % саха⁸, в Мирном пропорции русских и саха идентичны Ленску.

На фокус-группах обсуждались следующие вопросы: «*На Ваш взгляд, можно ли сегодня сказать, что нам удалось достичь действительного, равного двуязычия по отношению к русскому и якутскому языкам?*»; «*Как Вы оцениваете качество преподавания языков в общеобразовательных и образовательных учреждениях? Отвечает ли оно в полной мере интересам всех носителей?*»

Автор статьи использовала следующий стиль написания научной работы: по каждой фокус-группе представила одинаковые семантические ядра с их наполнением, дабы проследить групповую динамику комментирования наиболее наболевших вопросов языковой ситуации в Республике Саха (Якутия), провела параллели с исследованиями по схожей тематике, которые были осуществлены в других регионах страны и мира.

Фокус-группа № 1. г. Якутск

1-е семантическое ядро, опирающееся на ключевые слова «относительно неплохая ситуация» (и смысловые синонимы). Участники фокус-группы утверждают: по сравнению с другими республиками РФ ситуация с билингвизмом в РС (Я) *относительно неплохая*. «Относительно неплохая ситуация» в контексте проведенных фокус-групп означает, что в Республике Саха (Якутия) наблюдается «языковая терпимость», «языковая толерантность» по отношению ко всем функционирующим в ней языкам: уважительное отношение со стороны численно доминирующего на территории того или иного улуса этноса к языкам иных этнических групп, соблюдение гражданских, языковых прав носителей языков, обеспечение возможности пользоваться родными языками в коммуникативных сферах и др. Эксперты отмечают наличие языковой терпимости в обществе, но все же фиксируют и некоторые недостатки в развитии ситуации. «*Республика, несомненно, старается что-то делать, принимаются программы*»; «*Но этого недостаточно для преломления ситуации в умах общественности*» – ремарки экспертов.

2-е семантическое ядро, ключевые слова – «перекос в одну сторону» (и синонимы – «отсутствие равноправия», «неоднозначность, неравномерность ситуации»). В столице республики присутствует так называемое *одностороннее двуязычие*, т. е. одна половина знает оба языка, другая – только один. «*По поводу языков народов Севера нет никакого равноправия*» – ремарка. Ситуация неоднозначна и неравномерна. Представители молодежи трактуют якутский как «немодный» язык, это связано, прежде всего, с тенденциями в образовании, – подчеркнули эксперты, увидев в этом основной «корень зла». Сейчас ситуация усугубляется тем, что идет мощное проникновение медиа, в частности, социальных сетей в сферу языка.

---

⁶ Мегино-Кангаласский улус. [Электронный ресурс]. *Википедия*. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Мегино-Кангаласский_улус (дата обращения: 08.05.2024).

⁷ Оймяконский улус. [Электронный ресурс]. *Википедия*. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Оймяконский_улус (дата обращения: 08.05.2024).

⁸ Население Ленска. [Электронный ресурс]. *BDEX*. URL: <https://bdex.ru/naselenie/respublika-saha-yakutiya/lensk/> (дата обращения: 08.05.2024).

Проведем параллель с социолингвистическими исследованиями в Башкортостане. Директор Фонда по сохранению и развитию башкирского языка утверждает, что «одна из главных трудностей сохранения родных языков на сегодняшний день – это отсутствие полноценной языковой среды, особенно для молодежи» [Единство и многообразие языков и культур ..., 2023, с. 17]. Далее в этом же источнике приводятся данные количественных исследований: 50 % татарской молодежи и более 30 % башкирской молодежи в Башкортостане называют родным русский язык. Это связано с тем, что языковая среда в городе в основном русскоязычная. Русскоязычная и англоязычная языковая среда и в Интернете. Но якутяне, как было отмечено во время проведения фокус-группы, нашли выход из ситуации: они сделали якутскоязычные сайты Интернета и попытались организовать хорошую рекламную кампанию этих интеллектуальных продуктов; речь идет о сайтах «Эдэрсаас», «Саха этигэн тыла», «Википедия» на якутском языке («Бикипиэдьийэ»), успешно функционируют сахаязычные каналы НВК Саха, которые транслируют молодежные передачи, успешно действует новостной телеграмм-канал «Улус медиа» на двух языках, большой популярностью у молодежи пользуются этноблогеры.

3-е семантическое ядро, ключевые слова «недоработки» (уточним, что здесь имеются в виду недоработки со стороны властвующих структур, отвечающих за развитие языков, со стороны преподавателей-языковедов, общественных организаций, родителей детей, которые учат разные языки и др.). В первой фокус-группе, проведенной в столице республики, была высказана мысль, что *главная недоработка* – в республике не разработана нормативная база для обеспечения статуса государственного якутскому языку. Высказывания по 4-му и 5-му выделенному нами семантическому ядру в данной фокус-группе отсутствовали.

6-е семантическое ядро – «методические проблемы изучения языков». Есть *подмена* обучения на языке (всех предметов школьной программы) изучением языка, т. е. язык преподается только как предмет. «*Статистика лукавит, – заявил один эксперт, – отчитываясь, мол, столько-то детей изучают юкагирский, якутский языки, – цифры хорошие, проценты высокие, а на самом деле дети перестали полноценно обучаться на родном языке*». В городских условиях должна использоваться *новая методика преподавания* родного языка. Учителя-эксперты настаивают на том, что *должна быть повсеместно внедрена методика разговорного языка*, как иностранного. Больше внимания должно быть направлено на развитие разговорных компетенций, а не грамматики. «*Грамматические правила повторяются много раз – и дети не хотят изучать язык*» – комментарий в фокус-группе.

Фокус-группа № 2. г. Якутск

2-е семантическое ядро, ключевые слова – «перекос в одну сторону» (и синонимы – «отсутствие равноправия», «неоднозначность, неравномерность ситуации», «преобладание одного языка»). По законодательству, действительно, оба языка – якутский и русский – обладают равными правами, но на практике это не совсем так. В лингвистическом ландшафте г. Якутска *преобладает* русский язык.

Эксперты объясняли преобладание русского языка в Якутске следующими причинами: 1) нарастание миграционных процессов; 2) в Якутске, как в столице республики, административные коммуникации осуществляются чаще на русском языке; 3) Якутск –

образовательный центр, в системе высшего образования преобладает русский язык; 4) влияние Интернета и глобализационных процессов; 5) русский остается консолидирующим языком Российской Федерации, особенно в агломерациях, где проживают представители многих национальностей, таким и является г. Якутск; 6) продолжающееся влияние интеграционных процессов.

Здесь можно сослаться на выводы якутского социолингвиста Н. И. Ивановой, она подчеркивает, что исследования, проведенные в г. Якутск, позволяют обрисовать следующую языковую ситуацию в столице республики: в семейном общении якутский язык доминирует, и здесь не наблюдается кардинальных изменений; в сфере образования фиксируется недостаток детских садов, школ с обучением и воспитанием на якутском языке; в то же время отмечается расширение контента СМИ на якутском языке, усиление функционирования якутского языка в госучреждениях, на работе, а также в дружеских коммуникациях, на улице; резко сократилось общение на якутском языке в сфере услуг, обслуживании – данная ниша занята мигрантами из СНГ [Иванова, 2020]. Стабильность якутского языка в семейном общении и возрастание его роли в деловых коммуникациях отмечается и русскими респондентами, что, по мнению Н. И. Ивановой, особенно важно, т. к. «изменения в балансе языков русскими в повседневной жизни ощущаются лучше» [Там же, с. 69].

3-е семантическое ядро, ключевые слова – «недоработки». Якутский язык законодательно с 1992 г. приобрел статус государственного, с этого момента велась систематическая работа по пропаганде его изучения. С юридической точки зрения получение якутским языком статуса государственного не ущемляет прав носителей русского языка. А то, что недоработано в плане билингвизма, зависит от самих граждан РС (Я). Выделен еще один фактор, угрожающий развитию билингвизма в республике – пассивность, безынициативность граждан, неготовность к различным «языковым сдвигам» в коммуникационной сфере. Отметим здесь, что подобное социальное явление (языковой нигилизм в отдельных социальных группах, и особенно в среде молодежи) отмечалось коллегами-социологами в Башкортостане и Дагестане, о чем мы писали выше. Заявляют об этом явлении и зарубежные ученые, в частности, социолингвисты с Аляски (США). Эксперты фокус-группы из Якутска подчеркнули: *«необходимо открывать классы с изучением якутского языка, обновить Концепцию национальных школ – это то, чем когда-то, еще в советские времена, гордилась республика».*

Стоит подчеркнуть, что тема владения языками у молодежи Республики Саха (Якутия) стояла на фокус-группах довольно остро, обсуждались причины, по которым молодежь в национальной республике не особенно стремится к изучению родного (якутского) языка и языков КМНС, среди этих причин эксперты называли следующие: 1) пассивность и нигилизм молодежи; 2) приверженность сомнительным стереотипам, что языки народов Севера «не модны» и «не престижны» в социуме; 3) отсутствие специальной языковой среды, привлекательной для молодежи, где можно общаться на родном языке; 4) непопулярность газетных этнических СМИ, которые были бы ориентированы на молодежь; 5) слабая представленность якутского языка и языков КМНС в Интернете.

Впрочем, как свидетельствуют исследования новосибирских этносоциологов, ситуация в молодежном сегменте якутского социума не так уж критична и безнадежна: тенденция нигилизма по отношению к изучению родного (якутского) языка не является

превалирующей. Так, М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк по результатам массовых опросов в рамках междисциплинарного исследования, проведенного в республиках Саха (Якутия), Тыва, Хакасия, Алтай по проекту «Влияние специфики лингвокультурной среды на установки личности», выявили, что в среде молодежи саха весьма распространен тип лингво-этноцентристов (48,2 %) – это выходцы из этнически однородных семей, свободно владеющие родным языком, имеющие развитое этносознание, общающиеся дома на родном языке и соблюдающие традиции [Абрамова и др., 2021, с. 95-96].

4-е семантическое ядро, ключевые слова – взаимодействие с другими языками. Некоторые эксперты затронули такую тему, как *языки КМНС* и их взаимодействие с якутским и русским языком. Из более 13 тыс. эвенков, проживающих на территории Якутии, языком владеют только 3 с лишним тыс. – это 16 %. В местах компактного проживания саха и представителей КМНС преобладает якутский язык. Изредка в республике все же встречается трехязычие – саха-русско-эвенкское (например, в Кобяйском улусе).

5-е семантическое ядро, ключевые слова – «нехватка кадров в системе образования». Одна из главных проблем системы образования – *нехватка высококвалифицированных специалистов*, которые должны преподавать языки. По ФГОС сейчас филолог – не учитель родного языка, учитель должен готовиться в педагогическом вузе. «*Опять-таки в педвузе учат искусству преподавания, но чисто на филологию дается мало часов*», – с сожалением отметил один из экспертов. Не готовятся кадры для дошкольного образования. На лицо *несовершенство системы высшего образования* в РС (Я) и РФ.

6-е семантическое ядро – «методические проблемы изучения языков». Эксперты согласились с идеей, что в средней школе необходимо поменять программы обучения якутскому языку, подготовить *учебники нового поколения*. Создание учебников для не владеющих, разговорников – наиболее «больная» тема для языков миноритарных этносов. Некоторые ученые-энтузиасты сами на безвозмездной основе создают разговорники, но этого явно мало.

В данном случае можно использовать опыт билингвального образования в Канаде. К примеру, там применяются такие методики: «один персонаж – один язык», когда взрослый говорит с ребенком только на одном языке, чтобы создать языковую среду. Или «двуязычные классы», где дети изучают предметы на обоих языках, и это дает возможности «переключения кодов», о чем мы писали выше⁹.

Фокус-группа № 3. Северная группа улусов Республики Саха (Якутия)

1-е семантическое ядро, опирающееся на ключевые слова «относительно неплохая ситуация» (и смысловые синонимы). В целом все участники фокус-группы согласились с выводом, что в Республике Саха (Якутия) уже сложилось сбалансированное двуязычие (русский и якутский языки). В некоторых населенных пунктах Верхоянского и Оленекского улусов сложилось эвенкийско-русско-якутское трехязычие. Носителей эвенкийского языка осталось очень мало, это в основном представители старшего поколения. 2023 г. был объявлен в Оленекском районе постановлением Главы годом эвенкийского языка, все планы и программы были направлены на его возрождение.

⁹ Почему Канада имеет два официальных языка – английский и французский. (2024). [Электронный ресурс]. *Canada.by*. URL: <https://canada.by/articles/pochemu-kanada-imeet-dva-oficialnyh-yazyka-anglijskij-i-francuzskij?ysclid=m0ry30arpp206225709> (дата обращения: 08.05.2024).

2-е семантическое ядро, ключевые слова – «перекос в одну сторону» (и синонимы – «отсутствие равноправия», «неоднозначность, неравномерность ситуации», «преобладание одного языка»). Особенности языковой ситуации, характерные для Северной группы улусов Республики Саха (Якутия), складываются таким образом, что некие перекосы в использовании языков на практике встречаются довольно часто. Батагай – центр Верхоянского района – русскоязычен, там развита промышленность, в которой занято в основном славянское население. В Батагае якутский язык как родной в школах не преподавался. Те, кто владеют якутским языком, владеют и русским, а те, кто владеют русским языком, могут не владеть якутским. Соответственно, билингвами чаще бывают саха, а не русские, это и создает *неоднозначность ситуации*.

С одной стороны, признается факт, что в Республике Саха (Якутия) и ее отдельных районах двуязычие достигнуто. В этом плане ощущается большая государственная поддержка в виде различных проектов и программ. С другой же стороны, реальная повседневная жизнь диктует свои условия – молодежь из числа саха и КМНС, увлеченная блогерами, тик-токерами, «развлекательными контентом», не стремится к изучению родного языка, и эта тенденция характерна даже для отдаленных сельских школ Северной группы улусов.

5-е семантическое ядро – «нехватка кадров в системе образования». Эксперты, принявшие участие в данной фокус-группе, отметили: в Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова в последнее время улучшилась ситуация по подготовке специалистов по якутскому языку; в Вилюйском педагогическом колледже также хорошо готовят учителей якутского языка, *но этого мало*, чтобы закрыть все вакансии по учителям якутского языка и языкам КМНС в республике.

6-е семантическое ядро – «методические проблемы изучения языков». *Качество преподавания якутского языка и языков КМНС в школе снизилось*. В данном случае подавляющее число экспертов подчеркнули, что сократилось количество часов для преподавания языков, не хватает учебников, дети в основном знают разговорный якутский или, к примеру, разговорный эвенкийский, но плохо пишут на этих языках. Кстати, и русский язык преподается на неподобающем уровне. *«Преподающие язык забыли высокий стиль Толстого, Достоевского и якутских писателей-классиков, или вообще изначально его не знали. Картину портит Интернет, там можно писать, как попало, это даже поощряется»*, – мнение эксперта. Появился такой лингвистический монстр – порождение глобализации – «плохой якутский», смешанный с «плохим русским», сюда можно добавить еще и «плохой английский».

Фокус-группа № 4. Центральная-Заречная группа улусов РС (Я)

1-е семантическое ядро, опирающееся на ключевые слова «относительно неплохая ситуация» (и смысловые синонимы). Половина экспертов, принявших участие в фокус-группе, выразили мнение, что в РС (Я) *успешно функционируют два государственных языка*. Ни один язык не ущемляется. Зачастую сами саха преуменьшают значимость якутского языка. Можно усилить работу внутри наслегов по повышению письменности на якутском языке, т. к. в Заречье проживают в основном саха. В последнее время проблеме сохранения, развития, изучения родного языка представителями саха и КМНС со стороны власти, государства *уделяется достаточно большое внимание*. Со стороны Правительства,

Ил Дархана, Ил Тумэна принимаются соответствующие законы. За последние три года было проведено два съезда учителей родного языка и литературы, где были затронуты серьезные проблемы.

Признавая паритетность развития якутско-русского билингвизма в Заречье, в Центральной группе улусов РС (Я), участники обсуждения отмечают парадоксальность ситуации: сами жители предпочитают в деловой сфере общаться на русском языке. *«Возможно, это как-то связано и с ментальными особенностями жителей улусов»* – ремарка-дополнение.

3-е семантическое ядро, ключевые слова – «недоработки». Прозвучала такая ремарка от учителей улуса: растет поколение, которое не может достаточно хорошо высказываться ни на родном языке, ни на русском. Это поколение гаджетов, поколение Интернета и цифровизации. Здесь возможны *недоработки и учителей, и родителей*, которые не прививают молодежи любви к изучению языков и родной культуры.

Мнение экспертов о поколении людей, которые не могут грамотно говорить ни на своем родном языке, ни на русском вполне коррелирует с выводами исследователя Л. Ю. Марченко. Так, она пишет, что переживать стоит не столько за детей, которых еще можно обучить языкам, а за так называемое «переломное поколение», его представителей можно назвать полужазычными людьми – это в основном граждане от 30 до 50 лет. Представители данного поколения не владеют в полной мере ни своим языком, который постепенно сходит с лингвистической арены, ни популярным языком межнационального общения. Таким людям затруднительно общаться и с представителями старшего, и с представителями младшего поколений [Марченко, 2023].

Вообще по результатам проведенного нами качественного исследования можно выделить три языковых поколения: 1) старшее поколение, которое владеет и русским, и якутским языком, к тому же их хорошо учили в советских школах; 2) переломное поколение (среднее, между старшей и младшей возрастными генерациями) и 3) младшее поколение, которое назвали на фокус-группе «поколением гаджетов». Пока это только гипотетическое предположение, которое стоит проверить с помощью количественных исследований.

На развитие билингвизма влияет такое явление, как большое количество трудовых миграций. В Мегино-Кангаласский улус за последние 10 лет количество приехавших из Узбекистана, Киргизии, Таджикистана увеличилось. В Нижнем Бестяхе может быть представителей больше 10 национальностей в одном садике, и языком межнационального общения является русский язык. Хотя в последнее время открываются якутские группы в детских садах.

Многое зависит от родителей, семьи. С учетом того, что Правительством Республики Саха (Якутия) ведется большая работа в этом направлении, если все родители смогут помочь с этой проблемой, можно прийти к положительному решению вопроса паритетного развития билингвизма в регионе.

5-е семантическое ядро – «нехватка кадров в системе образования». В Центрально-Заречной группе улусов также было сказано о нехватке специалистов, владеющих родным (якутским) языком, однако эта проблема была рассмотрена под другим ракурсом. Эксперты подчеркнули: *престиж учителей якутского языка невысок* в обществе, поэтому молодежь не идет в школы.

6-е семантическое ядро – «методические проблемы изучения языков». «Слышны жалобы на Букварь, в нем встречаются грамматические и орфографические ошибки», – ремарка экспертов. В Нижне-Бестяхской средней школе преподаватели старшего поколения преподают якутский язык на достаточно высоком уровне как государственный язык. Дети сдают контрольную работу в конце 9 и 11 класса, пишут диктант, изложения на якутском языке. Дети, которые приехали из других регионов, других государств – узбеки, киргизы, чеченцы, армяне, буряты, корейцы, таджики, эвены, даже украинцы, – тоже сдают работы на якутском языке наряду с местными детьми. Учителя из Нижне-Бестяхской школы рассказали, что они придумали «Словарь часто употребляемых бытовых слов» на русском, якутском, узбекском и киргизском языках, учитывая большое количество мигрантов этих этносов в заречных улусах республики. И взрослым, и детям понравилось это начинание. Основная причина методических трудностей обучения языку зависит не от учителей, она существует за пределами школы – во внутренней мотивированности учеников, в семейном воспитании.

Сошлемся на мнение башкирских этносоциологов, которые утверждают: «... чтобы родные языки перестали быть уязвимыми, процесс должен быть двухсторонним, идти и сверху, и снизу, и со стороны общества, и со стороны государства» [Единство и многообразие языков и культур ..., 2023, с. 17]. «Снизу» – многие понимают под этим воспитание в семье, привитие ценностных ориентаций на изучение родного языка и родной культуры, «сверху» – это забота государства. Об этом также говорили учителя из Заречья, упомянув про съезды учителей родного языка, поддержку различных фондов и др.

Фокус-группа № 5. Юго-Восточная группа улусов Республики Саха (Якутия)

1-е семантическое ядро – «относительно неплохая ситуация» («равноправное использование и русского, и якутского языков»). Несмотря на то, что Усть-Нера промышленный центр, а также один из центров трудовой миграции в Якутии, начиная с советских времен, здесь проживают представители 62 национальностей, поэтому можно найти немало примеров якутско-русского и русско-якутского двуязычия. Высказывания респондентов, которые укладываются в континуум данного семантического ядра: «Мы, родители, представители старшего поколения, свободно говорим на двух языках»; «Все зависит от самого человека. Есть взрослое население, владеющее якутским, но оно намеренно говорит на русском, и положительно то, что эти билингвы и детей своих обучают и русскому, и якутскому языкам».

Стоит согласиться с высказыванием об особой роли билингвов в якутском социуме (как мы писали выше, чаще всего эту роль выполняют саха). Можно назвать их «культурными брокерами» [Галиндабаева, Карбаинов, 2014], посредниками в установлении эффективных кросс-этнических контактов, особенно в деловой сфере. Отметим, что петербургские исследователи В. В. Галиндабаева и Н. И. Карбаинов применяли понятие «культурного брокерства» по отношению к метисам, людям, рожденным в межнациональном браке и находящимся «на стыке» двух культур. О «культурных брокерах» пишет также З. Т. Позняк. Исследователь замечает, что первым термин «культурные брокеры» употребили антропологи, подразумевая под ними некоторых лиц, которые действовали как посредники, переговорщики между колониальным правительством и обществом, которым оно управляло [Позняк, 2016, с. 23]. В историко-социологическом

исследовании Позняк «культурными брокерами» называются переводчики с китайского и маньчжурского языка на русский, которые в XIX в. в Приамурье, Приморье выполняли важные функции по взаимодействию русской и китайской культур.

На наш взгляд, по отношению к активным якутско-русским билингам также уместно это определение, потому что речь идет о неких «языковых маргиналах», успешно балансирующих между двумя языковыми культурами. Билингвы в якутском социуме обладают необходимыми ресурсами (знанием двух языков, двух культур, коммуникативными навыками, социальными связями, знанием норм поведения и др.), дабы способствовать благоприятному протеканию межэтнических контактов, в том числе и в плане взаимодействия языков.

3-е семантическое ядро – «недоработки в плане двуязычия». Эксперты с Юго-Восточной зоны РС(Я) отметили следующее: в начальной школе в их регионе есть якутские классы, а далее, в старших классах, якутский язык не преподается. В гимназии, где преподают якутскую культуру, также преподают и якутский язык. Но в целом, как выразились эксперты, главная недоработка состоит в том, что «в школах недодают якутский язык». *«И в детских садах можно было организовать группы с обучением якутскому языку. Особенно русскоязычным детям»*, – справедливо заметили эксперты. Создание гаджетов, приложений на якутском языке сможет «переломить ситуацию» в привитии молодежи интереса к изучению родного языка, к тому, чтобы сделать его модным, востребованным в разных видах коммуникаций, не только в семейно-бытовой, но и в деловой, в органах власти, СМИ и социальных сетях, в молодежных субкультурах.

5-е семантическое ядро – «нехватка квалифицированных кадров». В Оймяконье существует большая проблема с квалифицированными кадрами – не хватает русоведов и учителей якутского языка. В Оймяконье, самом холодном регионе Якутии, да и мира в целом, сложились не очень хорошие условия и для работы, и для жизни в целом, людям приходится на свои средства снимать квартиры, при этом зарплаты у учителей не очень высокие.

6-е семантическое ядро – «методические проблемы изучения языков». Нужно проводить градацию – у кого какой язык родной, и лишь после этого формировать языковые подгруппы.

Фокус-группа № 6. Юго-Западная группа районов РС (Я)

1-е семантическое ядро – «относительно неплохая ситуация» («равноправное использование и русского, и якутского языков», развитие всех других языков, на которых говорят в регионе). *Уровень паритетности языков в Юго-Западной группе районов достигнут. «Если взять 90-е годы, то в Мирнинском районе проживало в основном русскоязычное население. А сейчас в Мирнинском районе уже более 30 национальностей, и все разговаривают на своем языке»*, – отметили эксперты, добавив к теме паритетности двух официальных языков РС (Я) еще и тему многоязычия, языковой полифонии, мультикультурализма.

В Мирнинском районе в целом достигнуто «более-менее ясное двуязычие». Эксперты выразили удовлетворение, что в районе есть вывески на учреждениях и государственных, и муниципальных на русском и якутском языках. *«Если сравнивать с Республикой Бурятия или Иркутской областью»*, – заметила один эксперт, – *а я говорю на бурятском языке,*

то у нас, в Якутии ситуация намного лучше». Также эксперты провели параллель с Алтайским краем, где ситуация с двуязычием намного хуже, что они знают по личным практикам.

Двуязычие в целом достигнуто, но есть негативные моменты, например, низкая востребованность национальных печатных изданий. В промышленном и читающем городе Ленске местные якутские авторы не пользуются популярностью. Местных якутских авторов не читают, потому что не хотят читать вообще. Присутствовавшие на фокус-группе библиотекари отметили, что по сравнению с советским временем, интерес к чтению и классиков, и современников упал до критического уровня. Надо обратить внимание на семейное воспитание – любовь к краеведению, к местной литературе должны прививать в семьях, в том числе и в русских семьях. «Радуется то, что в молодых семьях саха сохраняется язык, традиции, культура. И если брать в масштабе района, то играют роль общественные организации и прежде всего Мирнинское отделение Ассамблеи народов Якутии».

5-е семантическое ядро – «нехватка квалифицированных кадров». Не хватает преподавателей, учителей якутского языка в школах Мирнинского района. Программа обучения якутскому языку в школах Мирного не работает, она не действует даже в начальных классах. В школах Ленска также не преподают якутский язык. Есть в Ленском районе также проблема с якутскими группами в садиках, не ведутся кружки на якутском языке. Якутский язык преподают в небольших поселениях – Слюдюкар, Тас-Юрях и др.

Заключение

Изучение языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) методом фокус-групп позволило прийти к следующим выводам:

– якутско-русское двуязычие в целом сложилось в Республике Саха (Якутия) в г. Якутске, в Северной группе улусов, в Центрально-Заречной группе улусов, в Юго-Восточной и Юго-Западной группе улусов;

– оценки взаимодействия двух государственных языков РС(Я), существования двуязычия экспертами были весьма противоречивы: так, если эксперты из Центрально-Заречной группы улусов в своем большинстве отметили, что два государственных языка функционируют в якутском социуме *весьма успешно*; в последнее время проблеме сохранения, развития, изучения родного языка со стороны государства *уделяется достаточно большое внимание*, то эксперты из г. Якутска охарактеризовали обстановку с двуязычием более сдержанно – как *относительно неплохую, т. е. более критично отнеслись к некоторым недостаткам*;

– подавляющее количество экспертов согласилось с суждением, что преподавание якутского языка и языков КМНС в школах РС (Я) ухудшилось; почти везде ощущается нехватка квалифицированных кадров учителей якутского языка; профессия учителя национального языка не пользуется популярностью и престижем в обществе;

– были озвучены серьезные методические трудности в плане изучения коренных языков в РС (Я): *подмена* обучения на языке (всех предметов школьной программы) изучением языка, т. е. якутский язык преподается только как предмет; неоправданно

большое внимание, уделяемое грамматике в ущерб развитию разговорных компетенций; отсутствие учебников нового поколения, под которыми часто понимаются учебники для не владеющих, разговорников, что необходимо для языков миноритарных этносов;

– подавляющее число экспертов поддержали билингвов: было отмечено, что ими чаще всего бывают саха, которые хорошо знают и русский, и якутский языки; представители КМНС чаще хорошо изъясняются на якутском и русском языках, но плохо знают свои родные языки – эвенкский, эвенкийский, юкагирский, которые уже сейчас можно назвать исчезающими языками; представители русского этноса говорят в основном только на русском языке;

– роль билингвов в социуме нельзя недооценивать: было выявлено, что в столице РС(Я) и даже в отдаленных северных улусах сформировалась прослойка продвинутых, начитанных, мотивированных билингвов-саха, которые свободно владеют и якутским, и русским языком, испытывают большой интерес к развитию национальной культуры и национальным традициям; в их молодых семьях дети воспитываются как на уважении к национальной культуре, так и на формировании интереса к глобализационным ценностям; данный этнокультурный неотрадиционализм является одним из способов сохранить этническую идентичность в условиях усложняющегося полиэтничного мира, и подобное явление весьма характерно для регионов Сибири и Дальнего Востока [Попков, Тюгашев, 2019];

– эксперты выразили надежду, что в Республике Саха (Якутия) имеются перспективы благоприятного неконфликтного развития массового якутско-русского билингвизма и более локального русско-якутского билингвизма;

– метод фокус-групп эффективен и продуктивен при изучении сложных, сензитивных для региона ситуаций, применение метода семантического ядра способствует снижению субъективизма высказываний экспертов, т. к. в результате многочасовой работы фокус-групп социологи получают большой объем фрагментарных, стихийных, эмоциональных высказываний, и только четкое структурирование текста в рамках определенных семантических ядер позволило выделить тенденции общественного суждения экспертов, что и было предпринято в данном исследовании.

Рабочая гипотеза исследования была доказана: взаимодействие двух официальных языков в РС (Я) сложилось де-факто и де-юре, т. е. двуязычие существует и на формальном, законодательном уровне, и фактически в реальной жизни. Эксперты привели достаточное количество примеров развития двуязычия: функционирование двух языков в деловой, образовательной сферах, в сфере масс-медиа и др. Признание якутско-русских билингвов «культурными брокерами», поддерживающими этнокультурный неотрадиционализм в якутском социуме, а также сбалансированного двуязычия, имеющего перспективы дальнейшего развития в РС (Я), вносит вклад в развитие региональных этносоциологических исследований.

Список литературы/References

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. (2021). *Влияние лингвокультурной специфики социокультурной среды на межэтнические установки молодежи*. Новосибирск: Манускрипт-СИАМ.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S., Kostuk, V. G. (2021). *The Influence of Linguistic and Cultural Specifics of Socio-cultural Environment to Interethnic Attitudes of Youth*. Novosibirsk. (In Russ.)

Белановский, С. А. (1996). *Метод фокус-групп*. М.: Магистр.

Belanovsky, S. A. (1996). *Focus Group Method*. Moscow. (In Russ.)

Белановский, С. А., Никольская, А. В. (2022). К дискуссии о фокус-группах. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3. С. 373-393. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1994>.

Belanovsky, S. A., Nikol'skaya, A. V. (2022). To the discussion on focus groups. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. Pp. 373-393. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1994>. (In Russ.)

Большаков, А. Г., Храмова, Е. В. (2021). Языковая политика в республиках Поволжья и Приуралья: уровень конфликтности и рисков. *Языковое многообразие в российских регионах: возможности развития: кол. монография*. Под ред. Р. Б. Шайхисламова. Уфа: РИЦ БашГУ. С. 160-173.

Bolshakov, A. G., Khramova, E. V. (2021) Language Policy in the Republics of the Volga and Urals: Conflict Level and Risks. In Shaykhislamov, R. B. (ed.). *Language Diversity in Russian Regions: Development Opportunities*. Ufa. Pp. 160-173. (In Russ.)

Варшавер, Е. А., Рочева, А. Л., Иванова, Н. С. (2017). Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта. *Социологические исследования*. № 5. С. 110-117.

Warszaver, E. A., Rocheva, A. L., Ivanova, N. S. (2017). Integration of Migrants at the Local Level: Results of a Scientific and Practical Project. *Sociological Studies*. No. 5. Pp. 110-117. (In Russ.)

Галиндабаева, В. В., Карбаинов, Н. И. (2014). Карымы и метисы: социокультурные практики метисации в Бурятии. *Сибирский сборник-4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры*. Отв. ред. В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН. С. 432-441.

Galindabaeva, V. V., Karbainov, N. I. (2014). Karimes and Metises: Socio-Cultural Practices of Metisization in Buryatia. In Davydov, V. N., Arzyutov, D. V. (eds.). *Siberian Collection-4. Frontiers of the Social: Anthropological Perspectives on the Study of Social Relations and Culture*. St. Petersburg. Pp. 432-441. (In Russ.)

Дробижева, Л. М. (2013). *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет*. М.: Новый хронограф.

Drobizheva, L. M. (2013). *Ethnicity in the Socio-Political Space of the Russian Federation. 20 Years of Experience*. Moscow. (In Russ.)

Дробижева, Л. М. (2017). Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма. *Мир России*. Т. 26. № 1. С. 7-31.

Drobizheva, L. M. (2017). Civic Identity as a Condition for the Weakening of Ethnic Negativism. *World of Russia*. Vol. 26. No. 1. Pp. 7-31. (In Russ.)

Дробижева, Л. М. (2020). Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 480-498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261.

Drobizheva, L. M. (2020). Meanings of All-Russian Civic Identity in the Mass Consciousness of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. Pp. 480-498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261. (In Russ.)

Жлуктенко, Ю. А. (1974). *Лингвистические аспекты двуязычия*. Киев: Высшая школа.

Jluktenko, U. A. (1974). *Linguistic Aspects of Bilingualism*. Kiev. (In Russ.)

Заемская, Е. А. (2011). Испания и Латинская Америка: «общающиеся языковые сосуды». *Вестник МГИМО–Университета*. № 6 (21). С. 71-78.

Zaemskaya, E. A. (2011). Spain and Latin America: Communicating Lan. *MGIMO Review of International Relations*. No. 6 (21). Pp. 71-78. (In Russ.)

Единство и многообразие языков и культур народов России: кол. монография. (2023). Отв. ред. А. В. Псянчин. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Psyanchin, A. V. (ed.). (2023) *Unity and Diversity of Languages and Cultures of the Peoples of Russia*. Ufa. (In Russ.)

Иванова, Н. И. (2020). Тенденции и динамика развития двуязычия в Республике Саха (Якутия): этносоциопсихолингвистический аспект. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. № 2 (31). С. 67-79. DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.008

Ivanova, N. I. (2020). Tendencies and Dynamic of Development of Bilingualism in the Republic of Sakha (Yakutia): Ethnosociopsycholinguistic Aspect. *North-Eastern Journal of Humanities*. No. 2. (31). Pp. 67-79. DOI: 10.25693/ SVGV.2020.31.2.008. (In Russ.)

Иванова, Н. И. (2022). *Языковая ситуация в Республике Саха (Якутии): якутский язык в начале XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект)*. Новосибирск: Наука.

Ivanova, N. I. (2022). *Language Situation in the Republic of Sakha (Yakutia): The Yakut Language in the Early 21st Century (Ethnosociopsycholinguistic Aspect)*. Novosibirsk. (In Russ.)

Марченко, Ю. М. (2023). Современное состояние теории языковых контактов. [Электронный ресурс]. *Филологический аспект: международный научно-практический журнал*. №1 (93). С. 137-146. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/sovremennoe-sostoyanie-teorii-yazykovykh-kontaktov/html> (дата обращения: 10.05.2024).

Marchenko, U. M. (2023). Modern condition of the theory of lingual contacts. [Online]. *Philological Aspect: International Science–practical Magazine*. No. 1 (93). Pp. 137-146. Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/sovremennoe-sostoyanie-teorii-yazykovykh-kontaktov/html>. (Accessed: 10 May 2024). (In Russ.)

Оксентюк, О. Р. (2019). Ситуация двуязычия в Канаде и ее влияние на функционирование канадского варианта английского языка. *Мир науки, культуры, образования*. № 6 (79). С. 596-598.

Oksentuk, O. P. (2019). The situation of bilingualism in Canada and its influence on functioning of Canadian variant of English Language. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. No. 6 (79). Pp. 596-598. (In Russ.)

Подойницына, И. И., Свинко, Е., Топоркова, Н. (2006). Использование фокус-группового интервью при изучении сложных проблемных ситуаций в обществе. *Общество в зеркале социологии: сб. науч. трудов*. Отв. ред. И. И. Подойницына. Якутск: Якутский край. С. 90-99.

Podoyunitsyna, I. I., Svin'ko, E., Toporkova, N. (2006). The Use of Focus Group Interviews in the Study of Complex Problematic Situations in Society. In Podoyunitsyna, I. I. (ed.). *Society in the Mirror of Sociology*. Collection of Scientific Works. Yakutsk. Pp. 90-99. (In Russ.)

Позняк, Т. З. (2016). «Культурные брокеры» и межкультурное взаимодействие в пространстве трансграничья во второй половине XIX – начале XX в. *Известия Восточного института*. № 2 (30). С. 21-32.

Poznyak, T. Z. (2016). “Cultural brokers” and Cross-cultural Communication in the Space of Cross-border Regions in the second half of XIX c. – the beginning of XX c. *Oriental Institute Journal*. No. 2 (30). Pp. 21-32. (In Russ.)

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2019). Этнокультурный неотрадиционализм как ресурс формирования идентичности в современных социокультурных трансформациях. *Сибирский социум*. Т. 3. № 3 (9). С. 53-64. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-53-64

Popkov, Yu. V., Tyugashev, E. A. (2019). Ethnic and Cultural Neo-traditionalism as a Resource for Identity Formation in Contemporary Sociocultural Transformations. *Siberian Society*. Vol. 3. No. 3 (9). Pp. 53-64. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-53-64. (In Russ.)

Словарь социолингвистических терминов. (2006). М.: Институт языкознания РАН.

Dictionary of sociolinguistic terms (2006). Moscow. (In Russ.)

Ушакова, Т. Н., Белова, С. С., Валуева, Е. А. (2010). Лингвopsихологическое исследование вербальной семантики. *Психологический журнал*. Т. 31. № 6. URL: <https://lib.ipran.ru/public/upload/papers/15268892.pdf> (дата обращения: 17.02.2024)

Ushakova, T. N., Belova, S. S., Valueva, E. A. (2010). Psycholinguistic Study of Verbal Semantics. [Online]. *Psychological Journal*. Vol. 31. No. 6. Available at: <https://lib.ipran.ru/public/upload/papers/15268892.pdf> (Accessed: 17 February 2024). (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Подойницына Ирина Ивановна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха (Якутия), Якутск, ул. Петровского д. 1, e-mail: irena_ivan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2664-9276>.

Статья поступила в редакцию: 03.06.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Podoinitsyna Irina – Doctor of Sociological Sciences, Chief Scientific Researcher of the Institute of Humanitarian Research and Problems of Small Indigenous Peoples of the North SB RAS, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovskogo str. 1, e-mail: irena_ivan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2664-9276>.

The paper was submitted: 03.06.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024

УДК 304.2

ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПОЛЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ДИСКУССИЙ

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
gsolodova@gmail.com

Аннотация. В основе статьи тезисы теоретического характера, предложенные П. Бурдьё, в том числе о сопряженности процесса становления государства и появления единого официального языка. Другим информационным источником стали нормативно-правовые положения и данные переписей. Третья, но, возможно, наиболее важная часть статьи – материалы экспертного интервьюирования. Несмотря на разноплановость, географическую и историческую удаленность источников, показана общность их ключевых положений.

Ключевые слова: социальная значимость языка, многонародность, недостаточное владение государственным языком.

Для цитирования: Солодова, Г. С. (2024). Языковое пространство как поле межкультурных дискуссий. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 104-112. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.104-112

THE LANGUAGE SPACE AS A FIELD OF INTERCULTURAL DISCUSSIONS

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
gsolodova@gmail.com

Abstract. The article is based on the theoretical theses proposed by P. Bourdieu, including the conjugation of the process of state formation and the emergence of a single official language. Another source of information is legal regulations and census data. The third, but perhaps the most important part of the article is the materials of expert interviewing. Despite the diversity, geographical and historical remoteness of the sources, the commonality of their key points is shown.

Keywords: social significance of language, multinationality, insufficient command of the state language.

For citation: Solodova, G. S. (2024). The Language Space as a Field of Intercultural Discussions. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 104-112. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.104-112

Геополитическая обширность страны, ее расположенность на двух континентах¹ – не только в Европе, но и в значительной степени в Азии, – создали предпосылки для многообразия культур и народов. Данное обстоятельство усложняет задачу самоопределения страны. Самобытный и обширный спектр культурных и религиозно-конфессиональных

---

¹ Легитимность самого выделения Европы и Азии как самостоятельных континентов является принятой, но не бесспорной.

агломераций с необходимостью должен дополняться интегрирующей идеей и культурой. «Важно понимать, что российская нация – это продукт сотворчества, солидарностей людей-граждан страны различных этнонациональностей, которые получают возможность при этом сохранять и свою этнонациональную идентичность, культуру, традиции и язык» [Абдулатипов, 2014, с. 35].

Исторически устойчивая поликультурность и разнородность Российского государства в некотором роде его визитная карточка. Менялись пропорции, состав, но о моноэтничности или монорелигиозности со времен Ивана Грозного говорить нет оснований. Историк, географ, экономист и государственный деятель В. Н. Татищев (1686 -1750 гг.) писал: «Из вышеписанного краткого росписания видимо есть, что в великой империи, по крайней мере, т. е. таких, кои из описания ведомы, 42 народа находятся» [Татищев, 1950, с. 173]. По результатам Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. русские, украинцы и белорусы составляли большинство населения – 65,5 %; далее идут турки и татары – 10,6 %; поляки – 6,2 %; финны – 4,5 %; кавказцы и картвельцы – 2 % [более подробно см.: Солодова, 2018, с. 113-121].

Этническая палитра считывается точнее, исходя из языкового многообразия. Все население делилось в соответствии с языком или языковой группой – таковых было выделено более восемнадцати. При этом, к примеру, русская языковая группа включала великорусский, малорусский и белорусский языки. Группа «другие славянские языки» – польский, чешский (словакский), сербский, хорватский, словенский, болгарский. Литовско-латышские наречия – литовское, жмудское, латышское. К выявленным индо-европейским наречиям были отнесены греческое, албанское, армянское, персидское, таджикское, талышинское, татское, курдское, осетинское, индусское. Помимо монголо-бурятского наречия, включавшего калмыцкое, бурятское и монгольское, отдельно была выделена группа «наречия остальных северных племен» с тринадцатью языками и языковыми группами. Очевидно, что мы перечислили только часть языков, приведенных в материалах Переписи [Общий свод по Империи ..., 1905].

Если рассматривать современную ситуацию, то согласно данным Всероссийской переписи 2020 г. в России живут представители 202 этнических групп. Среди них русские, в группу которых с учетом самоназваний были включены албазинцы, ведрусы, вилежане, великороссы, горяне, гураны, древляне, кержаки, кривичи, кубанцы, кулугуры, липчане, мещеряки, молокане, нууча, русаки, русичи, русско-устыинцы, семейские, сибиряки, скобари, староверы, чалдоны, челдоны, якутяне составили 80,8 % от указавших свою этническую принадлежность. Для сравнения – к белорусам были отнесены белорусы, бело-поляки, белорусо-татары, западные белорусы, литваки, литвины, литвяки, минчане, пинчуки, полешуки, полешуки, полочане, поляки с языком белорусским. А в группу «узбеки» вошли карлуки, кашкадарьинцы, локайцы, кипчак, кыпчак, сарты, ташкентцы, тюрки с языком узбекским, хорезмцы, хорезмлы, чирчикцы, шахриханцы².

² Посчитано по: Итоги ВПН-2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками. (2020). [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 11.03.2024).

Не будет преувеличением сказать, что и в исторической ретроспективе, и сегодня Российское государство во всех его формах имело и имеет «несметное число» языков и местных диалектов. При этом русским языком владеют 98,3 % от общей численности лиц, указавших свою национальность. В повседневной жизни его используют 96,8 %³. Если исходить из того, что язык – это отражение глубинного духа народа, в некотором роде – линза, через которую проявляется ментальность народа, то российский народ обладает богатейшим культурным ресурсом и потенциалом.

Несколько слов о социальной значимости языка

Как отмечал Огюст Конт, «существуют богатства, которые принадлежат одновременно всем без исключения и притом нимало не истощаются; одно из них – язык, представляющий собою общественное достояние, всеобщую кладовую, откуда все люди свободно черпают, стихийно способствуя ее сохранению» [Comte, 1929, p. 41].

Официальный язык неразрывно связан с государством, его становлением. Возникновение государственного языка исходно сопряжено с возникновением самого государства, нации как политического сообщества. Это касается не только его происхождения, но и установившихся практик использования (социальных узусов) [Бурдые, 2005]. «Именно в процессе становления государства создаются условия для становления единого и подчиняющегося официальному языку языкового рынка» [Там же]. Введение единого, официального языка не носит характер случайности или чьего-то каприза. Не останавливаясь на очевидной функции общения и сближения разных народов, отметим, что это глубоко рациональное и прагматически вынужденное действие. На всем пространстве, подчиняющемся определенной политической власти, в большей или меньшей степени узнаваемый и признаваемый государственный язык «помогает укреплению той самой власти» [Там же]. Официальный язык служит механизмом расширения государственного влияния и контроля, достижения «общего течения государственной жизни».

Поле использования государственного языка подлежит регламентации. Если обратиться к Своду Законов Российской империи, то государственный статус русского языка делал его «обязательным» в армии, на флоте, «во всех государственных и общественных установлениях». Применение «местных» языков в официальных пространствах, «государственных и общественных установлениях» определялось «особыми законами» [Свод основных государственных законов ..., 1909].

Сегодня в соответствии с Конституцией «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской

---

³Там же.

Федерации»⁴. Наряду с этим, «языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства». Они «находятся под защитой государства» и на всей территории государство способствует их развитию⁵.

Закономерно встает вопрос о языковом балансе. С одной стороны, о способах создания единого языкового пространства, с другой – о сохранении языкового многообразия. Заметим, что в условиях «языкового рынка» даже в локальных рамках полиэтничной семьи сохранение языка одного из родителей и передача его детям требует постоянных усилий.

«Интеграция в единое “языковое сообщество” – плод политического господства, которое постоянно воспроизводится институтами, способными обеспечить господствующему языку всеобщее признание, – это условие, при котором складываются отношения господства языкового» [Бурдые, 2005]. Основным социальным институтом, непосредственной функцией которого является передача культурного и социального капитала, является государственная система образования, а если точнее, то школа – институт массового, стандартизированного и обязательного образования. Как пишет Жорж Дави, его цель – «формировать всех по одному образцу». Следствием этого является «общность сознания, цементирующая нацию». В этом процессе чрезвычайно велика роль учителя, который учит говорить, а, следовательно, и думать: «Обучая детей, которые знают этот язык лишь весьма посредственно, а может быть, вообще говорят на разных диалектах или говорах, одному и тому же языку, единому, ясному, четкому, он естественным образом приучает их видеть и ощущать вещи одинаково; тем самым он закладывает фундамент общего сознания нации» [Там же].

Результатом обязательности использования государственного языка «в официальных ситуациях и официальных пространствах (в школе, в административных учреждениях, в политических документах и проч.)», становится то, что он «обретает статус теоретической нормы, которая служит объективным критерием для оценки всех языковых практик» [Там же]. В рамках культурно и лингвистически однородного социального пространства данный момент не вызывает полемики и затруднений. Иначе ситуация выглядит в условиях полиэтничности или многонародности, культурного и языкового разнообразия. Первыми, кто в силу профессиональных обязанностей призван оценивать знание государственного языка как лингвистической нормы и обязательного гражданского атрибута являются школьные педагоги. В случае удовлетворительного, в широком смысле, знания языка перед человеком открываются дальнейшие социальные и карьерные перспективы. Отсутствие достаточных языковых компетенций существенно снижает поле социальных самореализаций. Для более наглядной иллюстрации проблем, возникающих уже в высшей школе, обратимся к материалам эмпирических исследований, мнениям людей, живущих здесь и сейчас.

---

⁴ Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”». [Электронный ресурс]. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028?ysclid=lzb3a2gbp72846397> (дата обращения: 01.03.2024).

⁵ Федеральный закон от 24.07.1998 № 126-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О языках народов РСФСР”». [Электронный ресурс]. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12704> (дата обращения: 01.03.2024).

Эмпирическая иллюстрация проблемной ситуации

Одним из исследовательских методов, позволяющих рассмотреть и осознать ситуацию изнутри, является интервьюирование, и, в частности, один из его видов – экспертное. Данный исследовательский формат, наряду с погруженностью, непосредственной связанностью эксперта с проблемной ситуацией, сочетает его отстраненность, способность оценивать проблему в более широком социальном и культурном контексте. Полагаем, что подобная статусная рефлексивность может оказаться весьма полезной. В качестве ключевых информантов нами были выбраны люди, активно и давно работающие с этнической проблематикой, и помимо этого преподающие в вузах с большим числом приезжих студентов.

У нас много студентов разных национальностей, много приезжих, и с каждым годом их становится все больше. У нас появляется много студентов-иностранцев (из Китая, из Африки, из Казахстана), что я считаю позитивным. Много учащихся из других регионов России – из Тувы, с Алтая, из Читы ... Бывают пики, когда наш университет заключает договор с каким-то регионом, и оттуда едет много ребят, это целевики ...

Очень много студентов из Казахстана, чуть ли не целые группы, и они все русскоязычные, 99 % ... Понятно, что студенты-китайцы учат русский, а если рассматривать граждан Российской Федерации – все говорят на русском, все сдают ЕГЭ.

Однако это не исключает иных вариантов. Широкий географический диапазон набора студентов, решая одни задачи, может ставить перед преподавательским корпусом новые проблемы. Одна из них – недостаточное владение русским языком. По большому счету, это общая проблема для сменивших страну или моноэтнический регион проживания внутри государства.

Лет 15 назад был случай, когда поступило много студентов из Тувы. Одна девочка вообще не говорила по-русски, она была из глухого моноэтнического поселения. Она не пропускала занятия, была очень ответственной, все выполняла, но ее пришлось отчислить, потому что она не смогла выучить язык. Но это был единичный инцидент. Тогда все удивлялись: как же она прошла, как сдала экзамены.

Чем раньше ребенок начинает учить русский язык, тем больше вероятности, что он адаптируется. А возрастным людям для этого нужна очень высокая мотивация.

Некоторое время назад активно обсуждался вопрос о преподавании в школах языков народов, традиционно проживающих в тех или иных регионах, в частности, о соотношении в системе образования русского языка и языков других российских народов.

Когда я училась в школе в конце 80-х-начале 90-х годов, у нас изучался родной – алтайский – язык. Сначала его заставляли учить всех, потом поняли, что это не очень хорошо: русскоязычные дети возмущались, их мотивация была низкой. Алтайцев выделили в отдельную группу, им отдельно преподавался алтайский язык, более углубленно. Я считаю, что это было правильно, это только расширяет кругозор. У нас были учебники, школа это поддерживала. Русские дети начинали понимать какие-то слова. Потом это ушло.

Однако в республиках и на остальной территории России ситуация может отличаться. Что делать в регионах, с традиционно русским населением, но сегодня принявших представителей самых разных народов?

В данных регионах ситуация гораздо сложнее. Того же учителя якутского языка невозможно включить в штат: у него будет малое количество часов, и как это оплачивать, непонятно. Много вопросов. Тут уже надо оставлять русский язык и иностранный, а что делать. Если вы хотите, чтобы ваш ребенок знал родной язык, можно переехать в свой регион и изучать его там, где созданы для этого условия. Такой выбор, придется чем-то пожертвовать.

В этой ситуации может возникать некий диссонанс между личными предпочтениями и объективными возможностями, что, впрочем, часто встречается в жизни любого человека. Понимание данного несоответствия или расхождения будет способствовать сознательному решению родителей.

Если ребенок растет в Новосибирске, конечно, он будет говорить на русском и будет русским. Но если он вырос в своем поселении среди своих родственников, он будет на бытовом уровне говорить на родном языке. Окружение влияет. Я считаю, что никого заставлять не нужно, но при этом нельзя размывать этнические границы. Родители, не понимая этот аспект, считают, что им родной язык не нужен, и они идут по вально писать отказы от его изучения. Я считаю, что это неправильно. Дали бы выбор: или ты изучаешь английский на высоком уровне и сдаешь экзамен, либо ты изучаешь свой родной. Это политика поддержания языков. Чем раньше начинаешь учить язык, тем лучше: в начальной школе уже можно начать. Много зависит от региона проживания и начальная практика освоения родного языка именно в школе не является исключительной.

Но здесь возникает немаловажный нюанс. Какой язык считать родным. Есть бесконечно много примеров, когда люди, сменив не только место, страну проживания, но и гражданство, по принципиальным или иным соображениям не хотят, чтобы их дети говорили на языке своих предков. Другая страна, другая идентичность, другой язык. Представления могут меняться и в зависимости от социальной позиции, изменения социального статуса человека, которые, в свою очередь, формируют схемы восприятия, интересов и оценок.

Русский – это основной язык, обязательная дисциплина. Все-таки, мы живем в Российской Федерации, основной государственный язык – русский, его мы должны знать. Но национальную идентичность тоже нужно сохранить, а это знание родного языка. Когда на выбор дается дополнительный час изучения русского языка и час родного, и родителей спрашивают, куда бы они хотели отдать ребенка, конечно, они выберут русский язык, потому что нужно ЕГЭ сдавать ...

Знание языка не ограничивается чисто когнитивной или культурной функцией, оно становится пропуском в группу, фактором включения или исключения, депривации. Формирование групп, солидаризация внутри школьных коллективов зачастую проходят на основе языковой компетентности. Языковая компетентность / некомпетентность может служить объективной структурой, механизмом самовоспроизведения уже чисто социальных

различий и барьеров. Ко всему прочему это поднимает личностную самооценку и служит превентивной мерой социальной эксклюзии. Вне зависимости от страны проживания владение государственным языком страны – необходимое условие для полноценной и позитивной самореализации.

Обособленно обычно держится в основном та прослойка, которая плохо знает русский язык, которая выросла в моноэтнических регионах, а также мигранты. К сожалению, у нас по городу много анклавов с мигрантами, которые приехали сюда работать и не заинтересованы в изучении русского. Есть мамы, которые сами не хотят учить русский язык, но при этом отправляют детей в русскую школу, папы, которым некогда и которые зарабатывают деньги ... Граждане Российской Федерации более восприимчивы, у них нет такой анклавности, они равномерно разбросаны по всем регионам и по районам города. Но студенты – это один уровень, а человек, который приехал сюда на заработки, будет слабо знать русский и придерживаться граждан своей национальности ...

Справедливости ради, отметим, что городские районы с этнически и религиозно однородным населением, одинаковыми территориальными корнями – широко распространенный атрибут современности. Примером может стать любой город миллионник. Концентрация и ограничение взаимодействий – родственных, дружеских, деловых – моносредой обесценивает необходимость включения в принимающее общество.

В заключение приведем взгляд представителей Русской Православной Церкви на сохранение и развитие родных языков народов, проживающих в России.

Прекрасно, если это все будет. Главное, чтобы это не через колено делалось, чтобы не ломали человека ...

Что касается русского языка, я говорил с представителями старой интеллигенции бывших союзных республик: они говорили, что русский язык был языком коммуникации всех малых народностей. Каждый говорил на своем наречии, а друг с другом общались на русском. И это объединяло нации, было миротворческим рычагом. Никому не надо ничего навязывать насильно, но к русскому языку будут тянуться. Как для остального мира английский язык обций для общения, так для бывших стран СССР русский. Все равно все сюда едут. Но прекрасно, когда малые народности знают свой язык и свою культуру. Мы не требуем запрета своего языка, но русский язык и русская культура должны быть обязательны для всех, кто живет в стране.

Некоторые выводы

Пытаться быть беспристрастным и опираться исключительно на принципы академической этики сложно. Видимо, стоит быть готовым к тому, что понимание целей языковой политики у разных субъектов может расходиться, а точки совпадения и соприкосновения носить сугубо пунктирный характер. Однако в любом случае языковая политика – это один из аспектов государственного влияния, она функциональна. Помимо социокультурной, лингвистической задачи в тех или иных обстоятельствах она призвана решать не просто социальные, но политические вопросы. Соответственно, она не может быть полностью самостоятельной и независимой и отчасти носит подчиненный характер.

Перекося интересов в ту или иную сторону, давая временные, тактические преимущества, в долгосрочной перспективе, напротив, может оказаться неустойчивым и проигрышным. Возможно, разнообразие языковой политики и практики должно находиться в тесной корреляции с численностью народа, историческими корнями его проживания на данной территории и др. В любом случае занятие крайних, радикальных позиций может создавать лишь иллюзию будущего процветания и преуспеяния.

Список литературы / References

Абдулатипов, Р. (2014). Обустройство российской нации как национальная идея России в XXI веке (Вестник Российской нации. 2008. № 2). *Вестник Российской нации. Избранные публикации 2008-2014*. Спецвыпуск. С. 32-37.

Abdulatipov, R. (2014). Arrangement of the Russian Nation as the National Idea of Russia in the 21st century (Bulletin of the Russian Nation. 2008. No. 2). *Bulletin of the Russian Nation. Selected publications 2008-2014*. Special issue. Pp. 32-37. (In Russ.)

Бурдые, П. (2005). О производстве и воспроизводстве легитимности языка. [Электронный ресурс]. *Отечественные записки*. № 2 (23). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-voisproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html> (дата обращения: 01.03.2024).

Bourdieu, P. (2005). On the Production and Reproduction of the Legitimacy of Language. [Online]. *Otechestvennye zapiski*. No. 2 (23). Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-voisproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html> (Accessed: 01 March 2024). (In Russ.)

Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. II. (1905). Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.

The General Summary of the Empire Results of the Development of data from the First General Population Census, Conducted on January 28, 1897. Vol. II. (1905). Troinitsky, N. A. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Свод основных государственных законов (Св. Зак. т. I. ч. 1. изд. 1906). Раздел первый: Основные государственные законы. (1909). *Законодательные акты переходного времени. 1904-1908*. СПб: Издание юридического книжного склада «Право». С. 615-667.

The Code of basic state laws (St. Zak. vol. I. pt. 1. ed. 1906). Section One. Basic State laws. (1909). In *Legislative acts of the transitional period. 1904-1908*. St. Petersburg. Pp. 615-667. (In Russ.)

Солодова, Г. С. (2018). Поликультурность Российского государства: по материалам Первой Всеобщей переписи. *Сибирский философский журнал*. Т. 16. № 3. С. 113-121.

Solodova G.S. (2018). Multiculturalism of the Russian State: Based on the Materials of the First General Census. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 16. No. 3. Pp. 113-121. (In Russ.)

Татищев, В. Н. (1950). *Избранные труды по географии России*. Под ред., со вступ. статьей и коммент. А. И. Андреева. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры.

Tatishchev, V. N. (1950). *Selected works on the geography of Russia*. Andreev, A. I. (ed., with an introductory article and comments). Moscow. (In Russ.)

Comte A. *Systeme de politique positive*. Т. 2. *Statique sociale*. 5e ed. P., 1929

Сведения об авторе / Information about the author

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: gsolodova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 10.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Solodova Galina – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: gsolodova@gmail.com

The paper was submitted: 10.08.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024

УДК 316.44

ИНДЕКС СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕГРЕГАЦИИ В МОНГОЛИИ

Ё. Ундрал

Институт философии Монгольской академии наук,
Монгольский государственный университет (г. Улан-Батор, Монголия)
undralyondon@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются процессы социально-пространственной сегрегации в столице Монголии. Индекс социальной исключенности является основным показателем сегрегации городского пространства Улан-Батора. Теоретико-методологическая основа исследования опирается на концепции, представленные в русле городской социологии такими авторами, как М. Вебер, Г. Зиммель, учеными Чикагской школы социологии. Индекс социального исключения является комплексным показателем, отражающим социально-экономическое положение домохозяйств, трудовой статус столичных жителей, возможности сохранения и увеличения человеческого капитала, потребления и свободного времени. Эти индикаторы, в свою очередь, определяют социальное положение уланбаторцев в пространственном измерении.

Ключевые слова: социология города, социальное неравенство, бедность, социально-пространственная сегрегация, индекс социального исключения, Монголия.

Для цитирования: Ундрал, Ё. (2024). Индекс социального исключения как показатель социально-пространственной сегрегации в Монголии. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 113-121. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.113-121

SOCIAL EXCLUSION INDEX AS AN INDICATOR OF SOCIO-SPATIAL SEGREGATION IN MONGOLIA

Yo. Undral

Institute of Philosophy of Mongolian Academy of Sciences,
National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)
undralyondon@gmail.com

Abstract. This paper examines the processes of socio-spatial segregation in the capital of Mongolia. The social exclusion index is the main indicator of segregation of the urban space of Ulaanbaatar. The theoretical and methodological basis of the study is based on concepts presented in the mainstream of urban sociology by such authors as M. Weber, G. Simmel, scientists of the Chicago School of Sociology. The social exclusion index is a complex indicator reflecting the socio-economic status of households, the labor status of capital residents, the possibility of maintaining and increasing human capital, consumption and free time. These indicators, in turn, determine the social position of Ulaanbaatar residents in the spatial dimension.

Keywords: urban sociology, social inequality, poverty, socio-spatial segregation, social exclusion index, Mongolia.

For citation: Undral, Yo. (2024). Social Exclusion Index as an Indicator of Socio-Spatial Segregation in Mongolia. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 113-121. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.113-121

Введение

С начала 1990-х гг. в результате демократических изменений в Монголии начался переход от плановой экономики к рыночной. Следствием данных процессов стало то, что в последние тридцать лет граждане Монголии получили право переезжать внутри страны без каких-либо ограничений. В соответствии со ст. 16 Конституции Монголии, граждане Монголии имеют право свободно передвигаться по территории страны, выбирать место временного или постоянного проживания, выезжать за границу, проживать и возвращаться в страну¹.

Изменение законодательных норм в отношении выбора места жительства привело к тому, что население столицы Монголии увеличилось более чем на 1 млн чел. Так, в 1992 г. численность жителей Улан-Батора составляла 586 651 чел., а в 2022-м – уже 1 691 766 чел.² В общем-то это соответствует тенденции, характерной для большинства других стран: как правило, основной миграционный вектор направлен из регионов в столицу. То же самое мы можем наблюдать и в Монголии: Улан-Батор является основным центром притяжения, население аймаков «стягивается» в столицу. Практически три четверти жителей Улан-Батора (76,3 %) не являются уроженцами столицы, они переехали из других населенных пунктов³.

Как отмечают эксперты, в Монголии нет системных мер регулирования внутренней миграции, поэтому стихийный переезд жителей из регионов страны в Улан-Батор породил многочисленные формы неравенства, социальной сегрегации и роста бедности.

Методология исследования

Методологические основания анализа социальной сегрегации являются важным элементом развития социологии города (городской социологии). Обращение к данному подходу в нашем случае позволяет рассматривать социальную сегрегацию как конструкт, формирующийся под воздействием масштабных, ярко выраженных тенденций миграции, глобализации, цифровизации, социально-экономических и политических трансформаций.

Классическими трудами по интересующей нас проблематике являются работы М. Вебера. Размышления Вебера о городе начинаются с раздела «Понятие и категории города», в котором он сначала рассматривает различные интерпретации термина «город»,

---

¹ Конституция Монголии. (1992). [Электронный ресурс]. *Конституции государств (стран) мира*. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=33> (дата обращения: 20.05.2024).

² Population of Mongolia, by Region, Aimags and the Capital, Urban and Rural. (1992-2022). [Online]. *Mongolian Statistical Information Service*. Available at: https://www2.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=dt_nso_0300_004v1 (Accessed: 31 May 2024).

³ Монгол Улсын Статистикийн Эмхэтгэл = Монгольский статистический ежегодник. (2021). [Электронный ресурс]. *Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хороо = Национальный статистический комитет Монголии*. URL: <https://www2.1212.mn/BookLibrary.aspx?category=007> (дата обращения: 24.05.2024)

а затем постепенно приближается к своему собственному определению. Однако исследования М. Вебера не касаются современных городов, он лишь анализирует генезис города в историческом контексте, причем в центре изучения находятся античность и средневековье. Определяя город, М. Вебер учитывает как географические, так и экономические, и политические характеристики поселения, но подчеркивает, что только сочетание этих различных критериев является удовлетворительным решением. В трактовке М. Вебера город представляет собой поселение, жители которого в основном живут за счет доходов не от сельского хозяйства, а от ремесленной или торговой деятельности. Кроме того, по его мнению, должно быть определенное разнообразие предприятий и регулярный обмен товарами, т. е. «рынок», на котором местное население удовлетворяет значительную часть своих повседневных потребностей. При этом М. Вебер разграничивает различные идеальные типы городов, которые отличаются в зависимости от того, как социальные сословия или классы определяют возможности трудоустройства местных производителей через их покупательную способность. В городской экономике регулируются обменные и производственные отношения, формируется городская экономическая политика, гарантирующая постоянство и дешевизну массового питания [см. подробнее: Вебер, 2017].

Также следует обратить внимание на идеи Г. Зиммеля. Если М. Вебер объясняет предысторию типичного европейского городского развития, то Г. Зиммель обращается к внутренней перспективе современного города на микроуровне. Его меньше заботит гармоничная часть городской жизни, основной акцент сделан на трудностях, связанных с потоками стимулов городской жизни. Г. Зиммель, совершавший свои ежедневные прогулки по оживленному мегаполису Берлину, не понаслышке знал, какое влияние, по его мнению, оказывает городская жизнь на социальную конструкцию духовной жизни [Зиммель, 2018].

Огромный вклад в изучение города внесли представители Чикагской школы – Р. Парк и Э. Берджесс. Р. Парк полагал, что на социальное развитие города влияют рост населения, конкуренция между людьми и разделение труда [Парк, 2011]. В 1925 г. Э. Берджесс интегрировал идею о неравномерном распределении групп населения внутри городской территории в свою теорию городского развития. Он считал, что городские районы имеют свой социальный статус. Другими словами, чем дальше от центра проживает индивид, тем ниже его социальный статус [Берджесс, 2002].

Можно сказать, что процесс становления и развития различных социальных групп в мегаполисах осуществляется по-разному. Имеют место как спонтанные социально-групповые процессы в городе, так и вполне поступательные, организованные по определенному принципу. Получается, что социальные группы городских жителей становятся дифференцированными по самым разнообразным критериям, которые могут быть связаны с социальным статусом, родом занятий, расселением и т. д. Все это проявления сегрегации городского пространства. Таким образом, сегрегация является отражением социальной стратификации города. Соответственно, необходимо рассмотреть социальную сегрегацию через призму социальной стратификации.

Факторы социально-пространственной сегрегации

Причинами появления социально-пространственной сегрегации являются по мнению Йенса Дангшата следующие:

– социальное неравенство населения города (по социальному классу, по расовым признакам, по этнической принадлежности, по типу домохозяйства, по возрасту и по образу жизни);

– неравенство городских районов (по характеристикам жилья, инфраструктуры, доступности, местоположению и привлекательности);

– распределение социальных групп по сегментам рынка жилья (через рыночные процессы, административное распределение, отношения между продавцами и покупателями, владельцами и арендаторами, а также между соседями);

– так называемая добровольная сегрегация, т. е. заинтересованность в том, чтобы жить с «одинаковыми» (этнические деревни, gated community) [Dangschat, 2014].

Рассмотрим подробнее причины формирования социально-пространственной сегрегации. Так, население города при рыночной системе общества имеет изначально разные финансовые возможности, что сказывается на выборе места будущего проживания определенного домохозяйства. Так образуются с течением времени районы, где большую часть составляют жители со средним, низким и высоким доходом.

Далее, Т. Шеллинг высказал идею, что жители отдают предпочтение тем районам, где живут люди с равным социальным происхождением [Шеллинг, 2007]. Если брать пример этнических районов, то жители отдадут предпочтение тем районам, где живут люди, принадлежащие к одинаковой с ними национальности / расе.

Рынок жилья распределяет социальные группы по разным сегментам. В этом процессе заметную роль играют агенты недвижимого имущества, которые практикуют дискриминацию по отношению к определенным социальным группам [см. подробнее: Фернандес и др., 2017].

Четвертым фактором образования социально-пространственной сегрегации является желание жить «среди себе подобных». Люди с одинаковым происхождением или равным социальным статусом могут быть заинтересованы в том, чтобы жить в похожем районе. Эта заинтересованность связана с ценностями, образом жизни, этнической принадлежностью, культурой. Образцами такого разделения являются кварталы ремесленников и купцов, которые были распространены в Средние века в Европе [см. подробнее: Трубина, 2011].

Итак, социально-пространственная сегрегация формируется согласно виду неравенства: социальному, районному, через механизмы рынка жилья и по какому-либо признаку социальной принадлежности.

Сегрегация в Монголии

Как же проявляются факторы социальной сегрегации в Монголии? Самым ярким примером, по нашему мнению, можно считать пространственную организацию и территориальное распределение городского населения в столице Монголии, имевшие

место в первой половине XX в. В то время столичный центр назывался Нийслэл Хурээ. В 1910–1920-х гг. монголы в основном жили в Восточном Хурээ и при монастыре Гандан в центральной части города. Китайские торговцы жили в Западном и Восточном районах, которые назывались Дамнурчин и Майма. Буряты, русские и европейцы проживали по большей части в восточной части города около Оросын дэнж.

По свидетельствам современников, Китайский район своим внешним видом совсем не привлекал внимания. «Улицы узкие и грязные. В сухое время года улицы заполняются грязью, которая разносится ветром и забивает нос и глаза. Во время дождя грязные лужи настолько большие, что становятся непроходимыми для людей и даже лошадей. По обеим сторонам улицы проложена широкая дорога для пешеходов, и человеку очень легко поскользнуться и упасть в лужу посреди улицы. Мусор не уничтожается, а просто выбрасывается на улицу, поэтому запах разложения становится невыносимым, когда проходишь мимо. Когда идешь по улице, домов не видно» [Майский, 1921, с. 89].

Согласно данным, которые приводит И. М. Майский, в 1919–1920 гг. население столицы Монголии в основном было представлено следующими этническими группами: китайцы – 82 тыс. чел. (62 %), монголы – 50 тыс. чел. (36 %), русские – 5 тыс. чел. (2 %) [Майский, 1921, с. 116]. Получается, что почти две трети (64 %) столичного населения составляли иностранцы, т. е. в начале XX в. в монгольской столице существовала четкая социально-пространственная сегрегация по этническому признаку.

После Народной революции 1921 г. началось активное развитие промышленности, инфраструктуры и сферы услуг. Начиная с 1930-х гг., интенсифицировались миграционные процессы. В дальнейшем, в 1960-е гг., уже осуществлялось организованное переселение людей из сельской местности в города с целью удовлетворения растущих потребностей в рабочей силе. Во второй половине XX в. распространение получила не только организованная, но и добровольная миграция, в том числе учебная, трудовая, брачно-семейная и т. п. Это также способствовало сегрегированию столичного городского пространства.

Факторы социальной сегрегации в городе Улан-Батор

В Улан-Баторе проживает более 1,6 млн чел., что составляет практически половину (48,07 %) населения Монголии, при этом столица занимает всего 0,3 % от общей площади государства⁴. На Улан-Батор приходится около 67,2 % компаний и организаций, работающих в стране, здесь находятся основные инвестиции, денежные потоки и т. п. Следовательно, имеет место концентрация городской инфраструктуры, рыночного потенциала, рабочих кадров.

Однако большинство мигрантов, приезжающих в Улан-Батор из сельской местности, не могут позволить себе квартиры в городе, поэтому они живут в пригородах, называемых «гэр хороолол», – быстрорастущих, перенаселенных трущобах с хижинами и юртами, которые лишены элементарных санитарных условий и инфраструктуры. Отсутствие центрального отопления вынуждает жителей отапливать свои дома дешевым углем. Зачастую

---

⁴ Население Монголии. (2023). [Электронный ресурс]. *Countrymeters. Мировой атлас данных*. URL: https://countrymeters.info/ru/Mongolia#population_2023 (дата обращения: 16.05.2024).

у людей не хватает средств на покупку угля, поэтому они топят всем, что можно использовать, в том числе автомобильными шинами, пластиком, строительным мусором и т. д. В итоге дым от домохозяйств «гэр хороолол» (помимо пробок на дорогах, выбросов угольных ТЭЦ и пр.) приводит к тому, что в зимние месяцы уровень задымления столицы превышает все допустимые нормативы. Например, в декабре 2016 г. уровень загрязнения был в пять раз больше, чем в Пекине, превысив уровень, который Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) считает безопасным, в 80 раз⁵.

Массовое переселение носит стихийный характер, и многие внутренние мигранты не имеют регистрации. Все это приводит к возникновению острых социальных и экологических проблем, с которыми городская администрация не может справиться.

В то же время, согласно исследованию Всемирного банка 2014 г., сельских мигрантов нельзя определить как бедных. Представленные результаты репрезентируют, что нет никакой зависимости между возрастом, полом, уровнем образования, статусом занятости, местом жительства в Улан-Баторе, миграционным статусом и доходом. Почти 60 % сельских мигрантов являются многомерно бедными, но и 48 % коренных уланбаторцев также относятся к бедным слоям населения⁶ [Ундрал, 2023, с. 50-51].

Распределение бедных слоев населения по районам и участкам города Улан-Батор имеет определенную пространственную форму. Около 38 % из тех, кто проживает в юрточных кварталах, являются бедными, в то время как менее 1 % людей, живущих в благоустроенных квартирах, бедны. По оценкам Всемирного банка, более половины всех бедных (57,5 %) являются жителями «гэр хороолол». Но бедные домохозяйства не только сконцентрированы на окраинах города, но и равномерно распределены по трем зонам (центр города, прилегающие к центру города территории, городские окраины). При этом число людей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, положительно коррелирует с удаленностью от центра города⁷ [Там же, с. 50-51].

Для изучения процессов социального участия и исключения отделом социологии Института философии в аймаках и столице Монголии было проведено социологическое исследование «Социальное участие и исключение в Монголии» (2019–2022 гг.). В ходе исследования были разработаны такие показатели, как: работа, здоровье, образование и культура, коммуникация, сеть, «независимость», «жилье», которые образуют индекс социального исключения. Индекс социального исключения составлен на основе 24 показателей, включающих экономическое положение домохозяйства, занятость, возможности сохранения и увеличения человеческого капитала, потребление и свободное время. Эти показатели были классифицированы по трем группам домохозяйств: «неисключенные», «частично исключенные», «исключенные». Результаты исследования

---

⁵ World'S Worst Air Has Mongolians Seeing Red, Planning Action. (2016). [Online]. *Bloomberg*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-12-22/world-s-worst-air-has-mongolians-seeing-red-planning-protest> (Accessed: 31 May 2024).

⁶ Монгол улс: Улаанбаатар хотын иргэдэд хүрэх үйлчилгээг хүртээмжтэй болгох нь = Монголия: обеспечение доступности услуг для жителей Улан-Батора. (2018). [Электронный ресурс]. *World Bank*. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/25041154297763094/pdf/120718-WP-PUBLIC-22-11-2018-16-19-14-TowardInclusiveUrbanMongolHavtastai.pdf>. С. 19 (дата обращения: 31.05.2024).

⁷ Там же.

показали, что процесс социального исключения связан не только с низким уровнем дохода, но и с общим состоянием района проживания. Таким образом, социальное исключение зависит не только от социально-статусных характеристик, но и от специфики городского пространства.

Применение индекса социального исключения позволило выявить уровень исключенности в зависимости от отдаленности от центра города. По результатам исследования в центре города живут люди с уровнем неисклученности в 86,1 %, недалеко от центра – 71,9 %, на окраине города – 50 %. Таким образом, исследование показало что социально-пространственную сегрегацию можно измерить при помощи разработанного индекса социального исключения. Доступ к государственным услугам, хорошая инфраструктура являются одними из главных показателей привлекательности места жительства.

Заключение

Формы социально-пространственной сегрегации отражают социальное расслоение общества, а также политику государства. В начале XX в. социальная сегрегация отражала государственную политику и имела форму этнического разделения. В настоящее время разница в экономическом, социальном и культурном развитии между столицей и сельскими регионами заставляет внутренних мигрантов селиться в городе. Часть внутренних мигрантов, особенно скотоводов, вынуждена селиться на окраине в юрточных поселениях, так называемых «гэр хороолол».

Для измерения социально-пространственной сегрегации в Улан-Баторе был разработан и применен индекс социального исключения, состоящий из социально-экономических и культурных показателей. Результаты исследования показали, что чем дальше от центра живут люди, тем больше показатель социального исключения. Это связано не только с инфраструктурой и планированием города, но и с отсутствием регулирования внутренней миграции. В будущем требуется изучить рыночные механизмы распределения мест проживания, определить привлекательность районов и сравнить с социальным статусом жителей столицы.

Список литературы / References

Берджесс, Э. (2002). Рост города: введение в исследовательский проект. *Личность. Культура. Общество*. Т. IV. Вып. 1-2 (11-12). С. 168-181.

Burgess, E. (2002). Urban Growth: An Introduction to the Research Project. *Personality. Culture. Society*. Vol. IV. Iss. 1-2 (11-12). Pp. 168-181. (In Russ.)

Вебер, М. (2017). *Город*. М.

Weber, M. (2017). *City*. Moscow. (In Russ.)

Зиммель, Г. (2018). *Большие города и духовная жизнь*. М.

Simmel, G. (2018). *Cities and Spiritual Life*. Moscow. (In Russ.)

Майский, И. М. (1921). *Современная Монголия*. Иркутск.
Maisky, I. M. (1921). *Modern Mongolia*. Irkutsk. (In Russ.)

Парк, Р. Э. (2011). *Избранные очерки: сборник переводов*. Ред. Д. В. Ефременко.
Пер. В. Г. Николаев. М.
Park, R. E. (2011). *Selected Essays. Collection of Translations*. Efremenko, D. V. (ed.),
Nikolaev, V. G. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Трубина, Е. Г. (2011). *Город в теории: опыты осмысления пространства*. М.
Trubina, E. G. (2011). *City in Theory: Experience in Understanding Space*. Moscow. (In Russ.)

Ундрал, Ё. (2023). Факторы социально-пространственной сегрегации в городе Улан-Батор. *Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития*. Сборник научных статей по итогам международного научного семинара. СПб.: Изд-во «ООО Центр научно-информационных технологий Астерион». С. 47-54.

Undral, E. (2023). Factors of socio-spatial segregation in the city of Ulaanbaatar. In *Social processes in Northeast Asia: current state and development trends*. Collection of scientific articles based on the results of the international scientific seminar. St. Petersburg. Pp. 47-54. (In Russ.)

Фернандес, А. И., Хогияни, Б. Ф., Шершнева, Ю. Р. (2017). Городская пространственная сегрегация иностранного населения на примере Бильбао. *Городские исследования и практики*. Т. 2. № 1 (6). С. 64-84. DOI: 10.17323/usp21201764-84.

Fernandez, A. I., Khogiani, B. F., Shershneva, Y. R. (2017). Residential Segregation of the Foreign Population: the Case of Bilbao. *Urban Studies and Practices*. Vol. 2. No. 1 (6). Pp. 64-84. DOI: 10.17323/usp21201764-84. (In Russ.)

Шеллинг, Т. (2007). *Стратегия конфликта*. Пер. с англ. Т. Даниловой. Под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. М.

Schelling, T. (2007). *Conflict Strategy*. Danilova, T. (transl.), Kuznetsov, Yu., Sonin, K. (eds.). Moscow. (In Russ.)

Dangschat, J. S. (2014). Residentielle Segregation. [Online]. In *Gans, P. Räumliche Auswirkungen der internationalen Migration. Forschungsberichte der ARL. No. 3. Verlag der ARL*. Hannover. Pp. 63-77. Available at: <https://www.econstor.eu/handle/10419/141929> (Accessed: 18 July 2024). (In Germ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Ундрал Ёндон – научный сотрудник отдела социологии Института философии Монгольской академии наук, аспирант кафедры социологии и социальной работы Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: undralyondon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3953-1445>

Статья поступила в редакцию: 04.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Undral Yondon – Research Fellow at the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences; PhD Student, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Universitetskaya str. (Ikh Surguuliin gudamj), 1, e-mail: undralyondon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3953-1445>

The paper was submitted: 04.08.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 101.3; 004.81

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

И. Ф. Кефели

Северо-Западный институт управления РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)
geokefeli@mail.ru

О. В. Плебанек

Университет при МПА ЕврАзЭС (г. Санкт-Петербург)
plebanek@mail.ru

Аннотация. Предметом философской рефлексии и междисциплинарной аналитики являются когнитивная наука (когнитология) и когнитивные технологии, интенсивное развитие которых позволяет раскрыть тайны сознания на наноуровне и, соответственно, реализовать широкий спектр возможностей управления когнитивными процессами. Наступление когнитивной революции в середине XX века ознаменовало начало междисциплинарных исследований, объединивших кибернетику, психологию, биологию человека и социально-гуманитарные науки.

В последнее десятилетие свои претензии на овладение когнитивными знаниями и технологиями заявили военные специалисты (в первую очередь, представляющие НАТО), провозгласившие появление нового, шестого домена военных конфликтов – когнитивной войны.

Складывающаяся ситуация вызывает настоятельную потребность в масштабных научных исследованиях, разработке методов и технологий, подготовке кадров, эффективных организационных мер по обеспечению когнитивной безопасности в современном информационном обществе.

Ключевые слова: информационное общество, когнитология, когнитивная война, когнитивная безопасность, НБИКС-технологии.

Для цитирования: Кефели, И. Ф., Плебанек, О. В. (2024). Проблемы обеспечения когнитивной безопасности информационного общества. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 122-136. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.122-136

PROBLEMS OF ENSURING COGNITIVE SECURITY OF THE INFORMATION SOCIETY

I. F. Kefeli

North-West Institute of Management RANEPА (St. Petersburg)
geokefeli@mail.ru

O. V. Plebanek

University at the IPA EurAsEC (St. Petersburg)
plebanek@mail.ru

Abstract. The subject of philosophical reflection and interdisciplinary analytics are cognitive science and cognitive technologies, the intensive development of which allows us to reveal the secrets of consciousness at the nano-level and, accordingly, to implement a wide range of possibilities for managing cognitive processes. The onset of the cognitive revolution in the middle of the 20th century marked the beginning of interdisciplinary research that united cybernetics, psychology, human biology and social and humanitarian sciences.

In the last decade, military experts (primarily representing NATO) have declared their claims to master cognitive knowledge and technologies, proclaiming the emergence of a new, sixth domain of military conflicts – cognitive warfare.

The emerging situation causes an urgent need for large-scale scientific research, development of methods and technologies, personnel training, effective organizational measures to ensure cognitive security in the modern information society.

Keywords: information society, cognitive science, cognitive warfare, cognitive security, NBICS technologies.

For citation: Kefeli, I. F., Plebanek, O. V. (2024) Problems of ensuring Cognitive Security of the Information Society. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 122-136. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.122-136

Когнитология: предыстория и современность

В рамках научно-технической революции середины XX в. (поначалу НТР называли военно-технической революцией, поскольку некоторые ее направления – атомная энергетика, вычислительная и ракетная техника, освоение космоса, конструкционные материалы и др. – зародились в годы Второй мировой войны) на протяжении 50-60 гг. «созрели» новые революционные движения, связанные с зарождением кибернетики, молекулярной генетики, информатики и, что нас будет интересовать в данном случае, когнитивной психологии. Осмысливая семидесятилетний период развития когнитивных наук, следует признать, что именно когнитивная психология, отвергнувшая устойчивый бихевиоризм, обусловила наступление когнитивной революции не только как результат дифференциации НТР, но и как интегратор тех наук, которые сосредоточились на исследованиях *мозга и психики как единого целого*.

Американский психолог Джордж Миллер, первым заявивший о зарождении когнитивной психологии, отмечал, что «1956 год был неплохим годом для тех, кто интересовался теориями познания, но и несколько лет до него и после него были немногим хуже. Многие исследователи находились на гребне исследовательской волны, которая поднялась в годы Второй мировой войны: прежде всего, это создатели теории управления, теории информации, теории обнаружения сигналов, теории вычислительных машин и самих вычислительных машин» [Miller, 2003, p. 142]. В 1956 г. Миллер предложил ввести в научный оборот понятие «когнитивные науки» для обозначения принципиально нового направления исследований (оно имело и другие названия: «когнитивные исследования», «психология обработки информации»), представив структуру этих наук в виде шестиугольника, указав при этом, что каждая линия на этой схеме обозначает область междисциплинарных исследований по состоянию на 1978 г. (рис. 1).

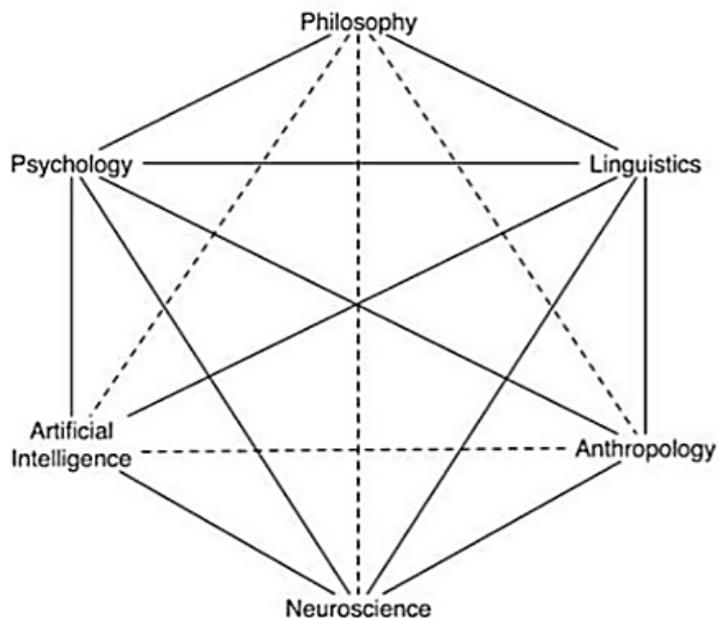

Рис. 1. Структура когнитивных наук по H.Gardner [1985, p. 47]

К 1976 г. обрела теоретический статус нейронаука. Наступило время «наведения мостов через пропасть между мозгом и сознанием». Этим «мостом» и стала «когнитивная наука», программа создания которой финансировалась Фондом Альфреда Слоуна (Alfred P. Sloan Foundation). Миллер инициировал реализацию данного проекта, в котором должны были быть задействованы, по крайней мере, шесть дисциплин: психология, лингвистика, нейронаука, компьютерная наука, антропология и философия, а не только искусственный интеллект, разработки которого должны были стать частью более широкого движения.

Миллер утверждал, что исходная идея единой науки о том, как человеческий разум представляет мир и обрабатывает информацию, как эти его возможности структурно и функционально воплощены в человеческом мозге, «столь притягательна, что противостоять ей было невозможно ..., в качестве центральных отраслей мне виделись психология, лингвистика и компьютерные науки, остальные же три – в качестве периферических ..., кибернетика использовала понятия, разработанные в компьютерной науке, чтобы моделировать функции мозга, которые, в свою очередь, освещает нейронаука. Похожим образом компьютерная наука и лингвистика уже были объединены в рамках вычислительной лингвистики. Лингвистика и психология соединяются в психолингвистике, антропология и нейронаука встречаются в исследованиях эволюции мозга, и т. д.» [Miller, 2003, pp. 143-144]. Тогда же Миллер предложил считать 11 сентября 1956 г. днем рождения когнитивной науки, связав его с работой симпозиума «Специализированной рабочей группы по теории информации». Так были определены основные направления развития системы когнитивных наук, которую предпочтительнее называть *когнитологией* (некоторые авторы называют ее *когнитивистикой*).

Следует особо отметить существенную роль упомянутого выше Фонда Альфреда Слоуна в организации работ по когнитивным наукам: в 1977 г. началась реализация программы поддержки зарождающейся когнитивной науки, преследуя «общую цель

выявления репрезентативных и вычислительных возможностей человеческого разума и того, как они связаны со структурой и функцией мозга». А уже к 1979 г. в ряде американских университетов были разработаны исследовательские проекты и начаты программы повышения квалификации для постдокторантов и молодых ученых, подготовленных к освоению двух или более дисциплин, связанных с когнитивной наукой. Заключительный этап программы был сосредоточен на институциональном развитии. Была оказана поддержка созданию и развитию самостоятельных центров, институтов, отделов или других административных структур для реализации постоянной программы исследований, обучения в области когнитивной науки и поддержки следующего поколения ученых в области когнитивных наук («next generation of cognitive scientists»). В частности, это начинание реализовалось в годовой программе по изучению интеллектуального поведения в физических и биологических системах ведущими философами и компьютерными специалистами («computer scientists»), разрабатывающими искусственный интеллект, а также в подготовке интерактивных экспонатов для повышения общественного понимания к когнитивным исследованиям. «Ценность раннего развития Фондом когнитивной науки как дисциплины, – отмечали руководители Фонда Слоуна, – теперь признана в истории этой области» [A Grantmaking history ..., 2009, pp. 25-28].

Справедливости ради следует подчеркнуть, что с той поры путь развития когнитивных наук был связан с трудностями методологического и инструментального внутридисциплинарного взаимодействия когнитивной науки. Валерия Манера и Маурицио Тирасса проследили эту ситуацию, характерную для классического, первоначального этапа когнитивной науки, достаточно подробно на основе анализа множества работ того периода. Определяя в самом общем плане когнитивную науку как междисциплинарный подход к изучению разума, авторы проследили ход ее развития следующим образом. Интеллектуальные корни когнитивной науки были заложены кибернетикой, основанной на признании того, что любые сложные машины должны включать в себя (подобно живым организмам) системы управления и связи. Цифровые компьютеры (те же сложные машины для обработки информации и управления) начали использоваться для понимания и дублирования систем управления. Справедливости ради необходимо отметить, что и в отечественной науке в те же годы, после организации Совета по кибернетике при Президиуме АН СССР, было положено начало масштабным исследованиям в области биологической кибернетики. И. И. Шмальгаузен в связи с этим отмечал, что в кибернетике «обобщение касается только общих принципов организации регуляторных систем и возможности количественного учета некоторых существенных звеньев в цикле авторегуляции ... Кибернетика ни в коей мере не поглощает биологии и не гасит ее качественного своеобразия. Вместе с тем это один из реальных связующих мостов, который дает возможность приблизиться к подлинному синтезу биологии и точных наук. Этот синтез уже намечается в физиологии, в биохимии и биофизике, а также в изучении механизма наследственности ...» [Шмальгаузен, 1968, с. 86]. Следующий шаг сделали Миллер, Галантер и Прибрам, заявив о необходимости рассматривать разум как систему управления («целью было обнаружить, имеется ли какая-нибудь связь между кибернетическими идеями и психологией»), которую можно уподобить «современной счетной машине» [Миллер и др., 1965, с. 15, 236-237]. Завершающий аккорд этого «размеренного речитатива» был исполнен

А. Ньюэллом и Г. Саймоном: информатика занимается «изучением явлений, окружающих компьютеры», из чего вытекает, что «теория обработки информации стала ведущей современной точкой зрения в когнитивной психологии» [Newell, Simon, 1976, pp. 118-119].

Однако с 1980-х гг. идентификация разума и вычислений начала подвергаться сомнению по нескольким причинам: во-первых, сугубо механистически-инструментальное уподобление мозга компьютеру все более проявляло свою эвристическую ограниченность, которую удалось преодолеть с развитием нейробиологии; во-вторых, умаление значимости репрезентации как основного свойства познания было характерно для начального этапа развития когнитивной нейробиологии; в-третьих, на начальном этапе становления когнитивной науки (его даже называют этапом классической когнитивной науки) в нее пока еще робко проникал культурологический дискурс и, следом, методология верификации социокультурной обусловленности индивидуального и коллективного сознания. «Физический, межличностный и социокультурный контекст, в котором происходит познание, который ранние когнитивисты рассматривали как шум, – как справедливо утверждают Манера и Тирасса, – приобретает все большее значение ... [тем более, что] четвертый и наиболее радикальный отход от классической точки зрения был основан на переоценке сознания и субъективности как главной – или единственной – характеристики познания. Утверждалось, что принятие классической когнитивной наукой “взгляда из ниоткуда” ... является фатальной ошибкой и что никакое понимание разума невозможно, пока пренебрегается его субъективная природа» [Manera, Tirassa, 2010, pp. 55-58]. Здесь вполне уместно обратиться к глубинному вопросу, который определяет всю архитектуру когнитологии: что есть идеальное, идеальность во всех своих проявлениях – мыслях, сомнениях, воображении, чувствах, образах и пр. (см. рис. 2 [Юлина, 2004, с. 3]).

Рис. 2. Иллюстрация из книги Н. С. Юлиной «Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета». Автор – Дон Аддис

Замечательный советский философ Эвальд Васильевич Ильенков рассматривал идеальность, идеальное, как форму общественно-человеческой деятельности: «Ни о какой “идеальности” не приходится говорить там, где нет общественно-производящих и воспроизводящих свою материальную жизнь людей, то есть индивидов, коллективно

осуществляющих труд и потому непременно обладающих и сознанием, и волей. Но это никак не значит, что «идеальность вещей» – продукт их сознательной воли, что она «имманентна сознанию» и существует только в сознании. Как раз наоборот, сознание и воля индивидов выступают как функции идеальности вещей, как осознанная идеальность вещей. Идеальность тем самым имеет чисто социальную природу и происхождение ... Это форма вещи, но вне этой вещи и именно в деятельности человека, как форма этой деятельности» [Ильенков, 1984, с. 51-52]. Этот тезис нельзя упускать из виду как раз на этапе перехода от так называемого классического этапа развития когнитивной науки к современной, постнеклассической когнитологии, которая исследует не только нейроны, нейронные сети как реально существующие материальные объекты, но и, вместе с тем, рождающуюся «идеальность вещей» в сознании человека в процессе его практически-преобразующей деятельности. И здесь уже следует ожидать раскрытия в полную силу потенциала гуманитарного знания, будь то философия сознания, социальная и политическая психология, культурология, социальная антропология, когнитивная лингвистика и др. Более того, этот потенциал должен служить «стартовой площадкой» для разработки системы когнитивных технологий.

В современной России официальное признание когнитологии состоялось после утверждения обновленной номенклатуры научных специальностей, в которую впервые была включена новая группа научных специальностей – *когнитивные науки*, охватывающие междисциплинарные исследования когнитивных процессов, мозга и языка, а также когнитивное моделирование¹. Справедливости ради, необходимо отметить, что в нашей стране и в дореволюционное, и в советское, и в постсоветское время существовали многочисленные научные школы практически по всем направлениям когнитивных наук. Теперь же открылась реальная возможность системного формирования научных школ и центров, осуществления междисциплинарных исследований, подготовки специалистов и кадров высшей квалификации в области философских, психологических, биологических, медицинских, филологических, физико-математических и технических наук [Кефели, Плебанек, 2024, с. 186-210]. Официальное признание когнитологии состоялось очень кстати, поскольку нам предстоит развивать ее широким фронтом, включая не только науку и технологии, образование и просвещение, но и систему обеспечения когнитивной безопасности – гражданской и военной. О последней особый разговор, поскольку именно в структуре НАТО ведутся масштабные работы по военному применению достижений когнитологии, причем как в разработке методов, технологий и организации ведения когнитивной войны (причем, не только против военных, но и против гражданского населения), так и в поиске мер по обеспечению когнитивной безопасности («смягчения последствий когнитивной войны»).

---

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093». [Электронный ресурс]. URL: https://urfu.ru/fileadmin/user_upload/common_files/academic_council/docs/20210419_Prikaz_Minobrnauki_Rossii_ot_24.02.2021_N_118_Ob_utverzhdeni.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

НАТО: когнитивные науки на военной службе и «смягчения последствий когнитивной войны»

В те же годы, когда происходило становление когнитивных наук, стали появляться работы, посвященные осмыслению информационных войн. Одной из таковых была вышедшая в 1970 г. книга американского журналиста Д. Майнера под весьма претенциозным названием «Информационная война. Как правительство и пресса манипулируют, подвергают цензуре и искажают» [Minor, 1970]. В ней автор обсуждал вопросы, касающиеся цензуры и влияния государственного аппарата США на прессу, социальных причин и способов искажения фактов и сведений, манипуляции массовым сознанием и пр. Об информационной войне как таковой речь не шла, но заявка на введение в научный оборот соответствующего понятия была сделана. Все-таки со временем стал общепризнанным тот факт, что по сути своей информационная война охватывает не только военную сферу, но и гражданскую (теперь уже соотношение информационного противоборства в этих сферах определяется соответственно, как, примерно, 25 % к 75 %).

Одно из первых аналитических суждений об информационной войне (information based warfare, IBW) представил сотрудник Национального университета обороны США Мартин Либицки. «В последние годы, – отмечал он в 1995 г., – в определенных кругах оборонного истеблишмента США стала популярной концепция, известная как “информационная война”. Эта концепция основана на неоспоримом факте, что информация и информационные технологии приобретают все большее значение для национальной безопасности в целом и для ведения войны в частности ... информационная война сама по себе отодвинет на второй план другие, более традиционные и обычные формы ведения войны». Далее, указывая на необходимость признания различных форм информационной войны, в т. ч. психологической войны, «в которой информация используется для изменения взглядов, мыслей друзей, нейтралов и врагов, противников», Либицки заявил о том, что «некоторые формы войны используют человеческий разум как окончательное поле битвы ..., а стратегия национальной безопасности США может быть выражена через поддержку развития глобальной информационной инфраструктуры» [Libicki, 1995, pp. x, 91, 103]. Тем самым он предварил зарождение еще одного домена ведения войны XXI в. в глобальном информационном пространстве – когнитивной. И, действительно, на основании утвержденной 21 декабря 1992 г. Директивы министра обороны США «Информационная война» Министерство обороны США 9 декабря 1996 г. ввело в действие Директиву «Информационные операции», в которой четко предписывалось быть готовым «к миссиям от мира до войны, включая военные операции, не связанные с войной, такие как операции по поддержанию мира и гуманитарные операции, которым противостоит широкий круг противников, включая государственные и негосударственные субъекты»².

С той поры информационная война стала рассматриваться не только как неотъемлемая часть современных военных операций, но и как знамение глобального превосходства национальных интересов США в наступающей информационной эпохе. Весь театр военных

---

² *Information Operations*. (1996). [Online]. Available at: https://ia600609.us.archive.org/3/items/DODD_S3600.1/14F0492_DOC_02_Directive_S-3600.1.pdf (Accessed: 01 August 2024).

действий специалисты предложили разделять на *физическое пространство*, в котором суша, море, воздух и космос являются сферами ведения военных (кинетических) действий, и *информационное пространство*. В отличие от суши, моря, воздуха и космоса, информационное пространство не является физическим местом, в котором можно оказаться, однако оно имеет физическое измерение (те же компьютеры, мобильные устройства, серверы и др.). Вскоре концепция пятидоменных военных операций трансформировалась в концепцию шестидоменных операций, что нашло выражение в названиях издаваемых работ и наставлений.

В начале XXI в. стали появляться работы, объясняющие феномен когнитивной войны, но первые четкие заявления о целях, задачах и методах ее ведения, обозначив тем самым новый домен современной войны, были сделаны военными специалистами НАТО. Технология когнитивных операций, описываемая как *способ нанесения вреда мозгу*, спонсируемая и контролируемая НАТО, стала разрабатываться в 2013 г. в Инновационном центре НАТО (iHub, Норфолк, США). Разработчики назвали ее «когнитивной войной», целью которой является нанесение вреда не только военным, но и гражданскому населению. В роли потенциальной угрозы была обозначена возможность гражданских лиц быть «спящими ячейками», «пятыми колоннами», которые бросают вызов стабильности либеральных западных демократий. Франсуа дю Клузель, возглавивший в том же году упомянутый выше Центр, уже в 2020 г. представил руководству НАТО доклад «Когнитивная война», содержащий концептуальные основы ведения когнитивных операций, выделяя их в шестой домен военных действий. Спустя год Клузель выступил одним из организаторов первой научной конференции НАТО «Когнитивная война: будущее когнитивного доминирования» (Бордо, Франция, 21 июня 2021 г.). Основные положения, выражающие официальную позицию руководства НАТО в отношении цели, возможностей и условий ведения когнитивной войны, Клузель сформулировал следующим образом:

1. На современном поле боя появляется новое боевое измерение – когнитивное, которое дополняет физическое и информационное измерения. В мире, наполненном НБИКС-технологиями, война в когнитивной области мобилизует более широкий спектр боевых действий, осуществляя контроль над людьми, социальными институтами и народами, над общественным и индивидуальным сознанием, массовой психологией и окружающей средой. Люди, рассуждает далее Клузель, являются легкой мишенью, поскольку они, предоставляя информацию о себе, становятся марионетками (*sockpuppet*; следует иметь в виду, что в Оксфордском словаре английского языка: *sockpuppet* – это человек, чьи действия контролируются кем-то другим; *sockpuppet* – тот, кто находится под чьим-то контролем, не думает самостоятельно и позволяет другим людям принимать решения за себя³).

2. Реализация концепции когнитивной войны востребует знания не только естественных и технических наук, но в полной мере наук гуманитарных – философии и психологии, филологии и этнологии. Нейронаучные методы могут использоваться как в медицинских, так и в немедицинских (образовательных, социальных, военных) целях, да и сама наука о мозге подразделяется на фундаментальную и прикладную, особенно привлекательную для использования в области безопасности, разведки и военных действий.

³ Oxford Learner's Dictionaries [Online]. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/sock-puppet?q=sock+puppet> (Accessed: 01 August 2024).

3. Исследования когнитивного пространства становятся актуальными при разработке стратегии, связанной с формированием боевой мощи в будущем, поскольку знания в области истории, культурологии, антропологии, этнографии и психологии окажутся более чем когда-либо ранее необходимы для сотрудничества с вооруженными силами.

4. Когнитивная война – это «война идеологий, стремящаяся подорвать веру [доверие], скрепляющую любое общество... Когнитивная война методично эксплуатируется противниками как компонент глобальной стратегии, направленной на ослабление, вмешательство и дестабилизацию целевых групп населения, институтов и государств, чтобы повлиять на их выбор, подорвать автономию их решений и суверенитет их институтов». Более того, он же твердо уверен в том, что «когнитивная война была навязана западным либеральным демократиям, бросая вызов международным субъектам, которые разработали стратегию, позволяющую избежать военной конфронтации, тем самым стирая грань между миром и войной, нацеливаясь на самый слабый элемент – людей» [Cluzel, 2020, pp. 7-9], а поскольку не существует согласованной международной правовой базы в области нейробиологии, «НАТО может сыграть ключевую роль в продвижении создания международной правовой базы, отвечающей этическим стандартам стран НАТО» [Ibid., pp. 34-35]. В заключение Кюзель предупреждает военно-политическое руководство НАТО о том, что «неспособность помешать когнитивным усилиям противников НАТО обречет западные либеральные общества на поражение в следующей войне без боя» [Ibid., p. 36]. Поэтому будущая информационная война начнется, как заверяет Кюзель, с когнитивной области, чтобы захватить политическую и дипломатическую, стратегическую инициативы, но она и закончится в когнитивной сфере, поскольку в пяти первых доменах могут быть достигнуты тактические и оперативные победы, но только в когнитивном домене возможно одержать окончательную и полную победу.

Справедливости ради необходимо иметь в виду, что рассуждения и наставления подобного рода появились не на пустом месте. Если обратиться к истории, то достаточно будет вспомнить разработки технологии ведения психологических операций военного назначения, описанные американским военным психологом Полом Лайнбарджером в изданной в 1948 г. книге «Психологическая война», где автор заявил, что психологическая война является оружием, «но это оружие, безусловно, самое гуманное», а потому необходимо привлекать философов для проведения пропагандистских операций «в условиях современной стратегии» [Linebarger, 1948, p. 25]. Военно-политическое применение подобного «гуманного оружия» вскоре нашло свое подтверждение в меморандуме ЦРУ США для Комитета психологической стратегии (13 марта 1953 г.) под названием «План психологического использования смерти Сталина» (и это спустя неделю после 5 марта!), в котором недвусмысленно указывалась психологическая оценка ситуации в Советском Союзе: «Давно предполагалось, что одна из наиболее обещающих возможностей достижения реального прогресса в направлении наших национальных целей по отношению к системе Советов могла появиться после смерти Сталина, поэтому план психологических операций должен быть составлен в контексте стратегической концепции и представлять ... советским людям и населению стран-сателлитов ясное и свежее видение американских целей, чтобы более тесно связать их интересы с нашими ... Еще более важным является решимость захватить и согласованно поддерживать инициативу путем психологических операций, творчески продуманных и впечатляюще исполненных. До того, как мы завоюем сердца или получим влияние на интеллект наших мишеней (во второй части плана психологических

операций советские люди стали именоваться мишенями! – И.К., О.П.), психологическая стратегия Соединенных Штатов должна захватить их воображение ..., осторожно внедряя в психологию отдельного человека представление об ослаблении эффективности системы»⁴.

НАТО в поисках «смягчения последствий когнитивной войны»

Очередной шаг в развитии когнитивной революции и научном обосновании ведения когнитивной войны был связан с опубликованием в марте 2023 г. отчета Исследовательской группы Научно-технической организации НАТО по человеческим факторам и медицине под названием «Смягчение последствий когнитивной войны и реагирование на нее». Стоит обратить внимание на саму цель данного аналитического документа – речь идет уже не об обосновании когнитивной войны (в тексте она называется кратко – CogWar, когвойна) самой по себе. О ней сказано и написано уже достаточно. Основное внимание теперь уделено анализу роли **«науки и технологий, необходимых для смягчения последствий когнитивной войны и защиты от нее»** для принятия решений руководством НАТО [Masakowski, Vlatny, 2023]. Акцент делается на той части CogWar, которая охватывает широкий спектр передовых технологий (искусственный интеллект, машинное обучение, информационно-коммуникационные технологии), которые основаны на достижениях в области нейробиологии, биотехнологии и физического совершенствования человека (аугментации). Эти технологии разрабатываются, в первую очередь, на основе достижений когнитивной нейронауки, социологии и культурологии и реализуются в так называемом оперативном цикле принятия решений «Наблюдай, ориентируйся, решай и действуй» (Observe, Orient, Decide, and Act, OODA) с целью сдерживания «противников НАТО» в боевом пространстве XXI в. Объяснением такого шага служит то, что CogWar представляет якобы значительный риск для безопасности НАТО и «препятствует выполнению основных задач по защите союзных наций, обществ и общих ценностей», как далее следует по тексту, от России. По мнению авторов отчета, CogWar, основанная на конвергенции когно-, био- и нейротехнологий, искусственного интеллекта и обработки больших данных (БД), стала мощным средством распространения дезинформации. CogWar представляет опасность для национальной и глобальной стабильности и безопасности на экономическом, геополитическом, социальном и культурном уровнях, поскольку нацелена на уязвимость людей как средство создания хаоса и замешательства в массовом сознании и внутри вооруженных сил [Кефели и др., 2024, с. 48-57]. Более того, американская компания Veriphix (ее девиз – «Мы измеряем убеждения, чтобы предсказывать и изменять поведение») разработала платформу, позволяющую осуществлять так называемые бессознательные психологические «подталкивания» в Интернете и соответствующие изменения убеждений – «changing believes»⁵. Платформа подобного рода была создана не на пустом месте. Недавно Корнелис ван дер Клааув, командующий Королевским военно-морским флотом Нидерландов и эксперт по стратегическим коммуникациям и информационным операциям, объяснил важность использования научных достижений, мотивируя это тем,

⁴ Меморандум для Совета по психологической стратегии 13 марта 1953 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://crystalbook.ru/wpcontent/uploads/2021> (дата обращения: 10.08.2024)

⁵ Когнитивная война | НАТО планирует войну за умы людей – 14 января 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://roserambles.org/2023/01/14/cognitive-warfare-nato-is-planning-a-war-for-peoples-minds-january-14-2023/> (дата обращения: 10.08.2024)

что когнитивные атаки остаются незамеченными, поскольку когнитивная деятельность, как утверждают специалисты в области нейробиологии, обходит сознание и напрямую нацелена на подсознание человека: «... от пяти до десяти процентов принимаемых нами решений являются рациональными решениями; в остальном мы полагаемся на наше подсознательное принятие решений, которое сильно зависит от повторения, автоматизмов, предубеждений и заблуждений. Затем мы склонны использовать наше сознание, чтобы оправдать, рационализировать и объяснить наше эмоционально обусловленное принятие решений и поведение» [Клауш, 2023, р. 99]. В более широком плане когнитивные операции опираются на достижения когнитологии, НБИКС-технологии. Одним из наиболее перспективных проектов является разработка встроенной синтетической ДНК, на которой можно хранить $2,14 \times 10^6$ байт информации.

Синтез науки, технологии и образования в когнитивном пространстве

Понятие когнитивного пространства носит междисциплинарный характер, фиксируя семантические, семиотические, прагматические, психолингвистические и психофизиологические параметры познавательного процесса в межличностной, социальной и политической коммуникациях. Когнитивное пространство формируется в процессе усложнения социальной системы и создания материальных (техника), идеациональных (знания и технологии) и ментальных (чувства, мотивы, цели, идеалы) средств решения возникающих проблем. В когнитивном пространстве формируется личность и виды ее деятельности (предметно-практической и креативной).

Мы ограничимся нормативно-правовым определением информационного пространства, которое, по крайней мере, должно характеризовать состояние и динамику развития статуса информационного общества нашей страны: «Информационное пространство – совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры»⁶.

Кстати говоря, в данном документе далее речь идет об «информационном пространстве знаний», которое должно формироваться «путем развития науки, реализации образовательных и просветительских проектов, создания для граждан общедоступной системы взаимоувязанных знаний и представлений, обеспечения безопасной информационной среды для детей, продвижения русского языка в мире, поддержки традиционных (отличных от доступных с использованием сети “Интернет”) форм распространения знаний»⁷. В таком случае «информационное пространство знаний» мы можем с полным основанием рассматривать как когнитивное пространство, которое выступает как объект теоретического анализа и аксиологического осмысления. Когнитивное пространство наполнено смыслами, идеями, стратегиями мышления индивидуума, любой социокультурной общности.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». (2017). [Электронный ресурс]. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>. Ст. 24, п. 4 (дата обращения: 10.08.2024)

⁷ Там же. Ст. 25.

Интенсивное развитие отечественной когнитологии обуславливает необходимость разработки *системы* когнитивных технологий, точкой роста которой (системы) служат НБИКС-технологии. В их составе когнитивные технологии пока еще занимают весьма скромное место. И, в первую очередь, как мы считаем, развитие *системы* когнитивных технологий должно быть направлено на обеспечение когнитивной безопасности личности, общества и государства российского! Речь идет о необходимости системного анализа и выявления приемов, подходов, методов и практик, «наработанных» в рамках отдельных направлений когнитологии, которые могли бы представить что-то вроде *Summa cognitivarum technologiарum* (Сумма когнитивных технологий), дополненных системой подготовки соответствующих кадров.

Выше мы уже отмечали необходимость раскрытия потенциала гуманитарного знания, который должен служить «стартовой площадкой» для разработки системы когнитивных технологий. Быстро меняющаяся обстановка на поле информационной битвы обуславливает необходимость внесения корректив в процесс обеспечения информационной безопасности, что нашло подтверждение в необходимости обновления «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»⁸. Более конкретно задачи по привлечению отраслей гуманитарного знания к решению проблем обеспечения когнитивной безопасности в контексте дальнейшего развития когнитологии следует, очевидно, корректировать на основе «Концепции технологического развития на период до 2030 года», в которой в качестве одной из ключевых угроз для технологического развития Российской Федерации определена неспособность национальной экономики адаптироваться к глобальным трендам, что приводит к структурным деформациям экономики и повышает социальную напряженность. Поэтому ответом на происходящие системные изменения является применение сквозных технологий. В Приложении № 2 к данной Концепции указан предварительный перечень сквозных технологий (технологических направлений), в том числе, технологий обработки и передачи данных, к которым относятся искусственный интеллект, включая технологии машинного обучения и когнитивные технологии, а также нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальностей⁹.

Пришло время развивать широким фронтом когнитивную науку и технологии обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности человека и всего социума подобно тому, как на основании принятого 28 сентября 1942 г. Государственным комитетом обороны распоряжения № 2352сс «Об организации работ по урану» была создана специальная секретная лаборатория атомного ядра при АН СССР (с 1943 г. – лаборатория № 2) на базе Ленинградского физико-технического института АН СССР, эвакуированного в Казань. Научное руководство работами по урану было возложено на Игоря Васильевича Курчатова. А уже 20 августа 1945 г. было принято Постановление Государственного комитета обороны № 9887 сс/оп о создании Специального

⁸ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Список изменяющих документов (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 N 124). (2024). [Электронный ресурс]. URL: http://www.coal.sbras.ru/wp-content/uploads/2024/02/Указ-Президента-РФ-от-10.10.2019-№-490-ред.-от-15.02.2024_О-разв.-искусст.-интеллекта-в-РФ.pdf (дата обращения: 10.08.2024)

⁹ «Концепция технологического развития на период до 2030 года», утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р [Электронный ресурс]. URL: (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/#1000>) (дата обращения: 10.08.2024)

комитета при ГКО для руководства всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана, который положил начало реализации Атомного проекта в Советском Союзе¹⁰ [Постановление, 1945]. Следом на очереди был Космический проект. Теперь пришел черед Когнитивному проекту. История повторяется и всегда пытается нас чему-то научить.

Список литературы / References

Ильенков, Э. В. (1984). Искусство и коммунистический идеал. *Избранные статьи по философии и эстетике*. Вступ. статья М. Лифшица. М.: Искусство. С. 51-52.

Ilyenkov, E. V. (1984). Art and the Communist Ideal. In *Selected Articles on Philosophy and Esthetics*. Lifshitz, M. (introduction article). Moscow. Pp. 51-52. (In Russ.)

Кефели, И. Ф., Кефели, К. И., Мелешин, К. Ю., Феоничев, А. Б. (2024). Когнитивная война в интерпретации научного сообщества НАТО и меры по обеспечению когнитивной безопасности России. *Военная безопасность России: взгляд в будущее*. 9-я Международная межведомственная научно-практическая конференция научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Москва, 14 марта 2024 г.: материалы конференции. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана. С. 48-57.

Kefeli, I. F., Kefeli, K. I., Melechin, K. Yu., Feonichev, A. B. (2024). Cognitive warfare in the interpretation of the NATO scientific community and measures to ensure Russia's cognitive security. In *Military security of Russia: A Look into the Future*. 9th International Interdepartmental Scientific and Practical Conference of Scientific Department No. 10 of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Moscow, March 14, 2024. Conference Materials. In 3 vol. Vol. 1. Moscow. Pp. 48-57. (In Russ.)

Кефели, И. Ф., Плебанек, О. В. (2024). Прологомены когнитологии и когнитивной безопасности. *Хрупкость жизни в условиях новой реальности*. Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: КАНОН+. С. 186-210.

Kefeli, I. F., Plebanek, O. V. (2024). Prolegomena of cognitology and cognitive security. In *The Fragility of Life in the Conditions of the New Reality*. Belkina, G. L., Frolova, M. I. (eds.). Moscow. Pp. 186-210. (In Russ.)

Миллер, Дж., Галантер, Е., Прибрам, К. (1965). *Планы и структура поведения*. Общ. ред. и предисл. А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурия. М.: Прогресс. 238 с.

Miller, J., Galanter, E., Pribram, K. (1965). *Plans and Structure of Behavior*. Leontiev, A. N., Luria, A. R. (eds.). Moscow. 238 p. (In Russ.)

---

¹⁰ Постановление Государственного комитета обороны № 9887 сс/оп о создании Специального комитета при ГКО для руководства всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана. [Электронный ресурс]. URL: <https://unikdoc.rusarchives.ru/843-2021-postanovlenie-gosudarstvennogo-komiteta-oborony-no-9887>. (дата обращения: 10.08.2024).

Шмальгаузен, И. И. (1968). *Кибернетические вопросы биологии*. Под общ. ред. и с предисл. Р. Л. Берг и А. А. Ляпунова. Новосибирск: Наука. 224 с.

Shmalgauzen, I. I. (1968). *Cybernetic Issues of Biology*. Berg, R. L., Lyapunov, A. A. (eds.). Novosibirsk. 224 p. (In Russ.)

Юлина, Н. С. (2004). *Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета*. М.: Канон+. 544 с.

Yulina, N. S. (2004). *Puzzles of the Problem of Consciousness: Daniel Dennett's Concept*. Moscow. 544 p. (In Russ.)

A Grantmaking history 1934-2009. (2009). 75th Anniversary Commemorative Publication, Alfred P. Sloan Foundation.

Cluzel, F. (2020). *Cognitive Warfare. June-November 2020*. Innovation Hub. 45 p.

Gardner, A. (1985). *The mind's new science: the history of the cognitive revolution*. N.Y.

Klaauw, C. (2023). *Cognitive Warfare. The Three Swords*. Iss. 39. Pp. 99-101.

Libicki, M. C. (1995). *What Is Information Warfare?* Center for Advanced Concepts and Technology Institute for National Strategic Studies. Washington. 104 p.

Linebarger, P. M. A. (1948). *Psychological Warfare*. Infantry Journal Press. New York. 259 p.

Manera, V., Tirassa, M. (2010). *Cognitive science*. In *The pragmatics encyclopedia*. Cummings, L. (ed.). London and New York. Routledge. Pp. 55-58.

Masakowski, Y. R., Blatny, J. M. (eds.). (2023). *Mitigating and Responding to Cognitive Warfare*. Science and Technology Organization North Atlantic Treaty Organization BP 25, F-92201 Neuilly-sur-Seine Cedex, France, March 2023. 146 p. [Online]. Available at: https://agora0.gitlab.io/pen/0x1d/heros/2023-03-28-NATO-a1_c-cognitive-warfare.html (Accessed: 20 May 2023).

Miller, G. A. (2003). *The cognitive revolution: a historical perspective*. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. No. 3. Pp. 141-144.

Minor, D. (1970). *The Information War: How the Government and the Press Manipulate, Censor and Distort the News*. New York. Hawthorn books. XII. 212 p.

Newell, A., Simon, H. A. (1976). *Computer science as empirical enquiry: symbols and search*. *Communications of the Association for Computing Machinery*. Vol. 19. No. 3. Pp. 118-119.

Сведения об авторах / Information about the authors

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, эксперт РАН и Парламентской Ассамблеи ОДКБ, ведущий научный сотрудник Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, профессор высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого и факультета безопасности жизнедеятельности Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, академик Петровской академии наук и искусств, член Союза писателей России, г. Санкт-Петербург, e-mail: geokefeli@mail.ru

Плебанек Ольга Васильевна – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при МПА ЕвАзЭС, г. Санкт-Петербург, ул. Смольячкова, д. 14/1, e-mail: plebanek@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0184-7188>

Статья поступила в редакцию: 15.08.2024

После доработки: 26.09.2024

Принята к публикации: 04.10.2024

Kefeli Igor – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences and the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, Leading Researcher of the North-Western Institute of Management of the RANEPА under the President of the Russian Federation, Professor of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University and the Faculty of Life Safety Herzen University, Academician of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, member of the Union of Writers of Russia, St. Petersburg, e-mail: geokefeli@mail.ru

Plebanek Olga – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the University at the MPA EvAzEs, St. Petersburg, Smolyachkova Str., 14/1, e-mail: plebanek@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0184-7188>

The paper was submitted: 15.08.2024

Received after reworking: 26.09.2024

Accepted for publication: 04.10.2024

УДК: 303; 304

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧНОСТИ В МИРОСИСТЕМНОМ АНАЛИЗЕ И ТЕОРИИ КАПИТАЛОВ П. БУРДЬЕ

О. А. Персидская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
olga_alekseevna@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка расширения теоретической рамки интерпретации процесса воспроизводства этничности с помощью миросистемного анализа и теории капиталов П. Бурдьё. Миросистемный анализ показывает, что этнические сообщества объединены общим экономическим укладом, а теория капиталов П. Бурдьё расширяет понятие капитала, позволяя рассматривать социальные, культурные и политико-символические системы с точки зрения этничности. Предложенная интерпретация подчеркивает актуальность этничности за пределами ее сугубо примордиалистского или инструменталистского понимания, позволяя дать многозначный и полный ответ на вопрос о том, зачем и как этничность воспроизводится в современном мире.

Ключевые слова: воспроизводство этничности, миросистемный анализ, теория капиталов П. Бурдьё, неравенство, экономический капитал этнических групп, культурный капитал этнических групп, социальный капитал этнических групп, символический капитал этнических групп.

Для цитирования: Персидская, О. А. (2024). Воспроизводство этничности в миросистемном анализе и теории капиталов П. Бурдьё. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 137-153. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.137-153

REPRODUCTION OF ETHNICITY IN WORLD-SYSTEM ANALYSIS AND THE THEORY OF CAPITALS BY P. BOURDIEU

O. A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
olga_alekseevna@mail.ru

Abstract. An attempt has been made to expand the theoretical framework for interpreting the process of reproduction of ethnicity with the help of world-system analysis and P. Bourdieu's theory of capitals. World-system analysis shows that ethnic communities are united by a common economic system, and the theory of capital expands the concept of capital, allowing us to consider networks of social, cultural and political-symbolic ethnic networks. The proposed interpretation emphasizes the relevance of ethnicity beyond its purely primordialist or instrumental understanding, allowing us to give a multi-valued and complete answer to the question of why and how ethnicity is reproduced in the modern world.

Keywords: reproduction of ethnicity, world-system analysis, P. Bourdieu's theory of capital, inequality, economic capital of ethnic groups, cultural capital of ethnic groups, social capital of ethnic groups, symbolic capital of ethnic groups.

For citation: Persidskaya, O. A. (2024). Reproduction of Ethnicity in World-system Analysis and the Theory of Capitals by P. Bourdieu. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 137-153. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.137-153

Тема воспроизводства этничности принципиально значима для антропологии, этнологии, этнографии и ряда смежных научных областей. Один из конвенциональных ответов на вопрос о том, почему этничность воспроизводится, т. е. передается от поколения к поколению, состоит в том, что она является изначально заданной характеристикой человека. Поэтому говорят, что субъективные притязания на нее обоснованы примордиальной (первоначально присущей) силой его аффективных привязанностей к своей этнической группе. Так, по К. Гирцу, которого считают одним из основоположников данного направления мысли, общность крови, языка и обычаев обладает невыразимой и подавляющей силой убеждения [Geertz, 1963, p. 109]. С. Гросби говорит о том, что воздействие примордиальных чувств велико настолько, что люди могут жертвовать жизнью ради своего народа [Grosby, 1994, p. 169].

Другой ответ на вопрос о том, почему этничность воспроизводится, уводит в иную плоскость и подчеркивает рациональную выгоду от реализации этнических притязаний, как правило, связанную с получением отдельным человеком или группой людей материальных или статусных благ. В этом случае речь может идти о том, что объединенные общим интересом группы используют преимущества этнически фундированных идеологий для легитимации своих намерений и мобилизации широких масс на коллективное действие в политическом или экономическом поле [см. ранние работы: Cohen, 1969; Smith, 1981]. Представленные выше варианты ответов иллюстрируют примордиалистскую и инструменталистскую (близкую в своих онтологических основаниях к конструктивистской) познавательные позиции.

Однако научным сообществом фиксируется недостаточность обозначенных ответов [Попков, 2023; Варшавер, 2022]. Их общим слабым местом и, отчасти, уязвимостью связанных с ними познавательных позиций является то, что они не объясняют, *каким именно образом люди распознают общность* (сформированную аффективным чувством или рациональным интересом соответственно). В первом случае имеется указание на совокупность мощных символов, которые должны притягивать человека к группе, но предлагаемая теоретическая модель часто сложно реализуется на практике, когда нужно объяснить, какие именно символы общности – язык, этноним, ценности, традиции или религия – служат основанием для возникновения аффективной привязанности в каждом конкретном случае. Дело осложняется тем, что процесс глобализации способствовал размыванию практически всех маркеров этнической отличительности: смешению антропологических типов, сокращению значимости многих этноформирующих символов, таких, например, как «родная земля», «родной язык», выхолащиванию смысла когда-то объединяющих этнофоров традиций, обычаев, ритуалов [Анжиганова, Топоева, 2019]. Во втором случае краткосрочность сплочения группы для реализации инструментальных целей не в состоянии объяснить устойчивость этнической идентичности и ее воспроизводимость в поколениях, а также убедительно показать, почему создаваемая этническими лидерами идея, а по сути – миф, лишь прикрытый этническим обоснованием, регулярно в практике социальных отношений становится мощной объединительной силой. Неудовлетворительность существующих ответов актуализирует поиск иных способов объяснения того, почему этничность воспроизводится.

Оригинальный ответ на заданный вопрос дает миросистемный анализ. Как известно, основания его эпистемологии выстроены с опорой на рассмотрение всего мира через призму экономических отношений и глобального рынка труда. Логику этим отношениям

в современный период задает капиталистический экономический уклад (капиталистическая мир-экономика). Развитые индустриальные страны, которые наиболее успешно встроились в капиталистическую мир-экономику и извлекают наибольшие экономические выгоды из глобального рынка, составляют так называемое ядро миросистемы. В зависимом положении от стран ядра находятся менее развитые страны, поставляющие сырье и дешевую рабочую силу, т. е. периферия мир-экономики. Промежуточное положение между периферией и ядром занимают страны полупериферии [Валлерстайн, 2006, с. 95-98]. Следует акцентировать, что к странам полупериферии в миросистемном анализе относят большую часть государств мира: «На рубеже XXI века в незападных полуперифериях проживает три пятых мирового населения» [Dunaway, Clelland, 2017, p. 401]. При этом полупериферия обладает значительным потенциалом к расширению и увеличению способности влиять на процессы в мир-экономике: «К 2015 году большая часть населения земного шара будет сосредоточена в 41 незападной полупериферии, на долю которой приходится 40 % мирового валового внутреннего продукта» [Ibid, p. 426]. Таким образом, мир-экономика выстраивает иерархию взаимосвязанных пространственных структур, а именно ядро, периферия и полупериферия. Российская Федерация в оптике миросистемного анализа представляет собой территориально обширное государство полупериферии [Изгарская, 2023а; Изгарская, 2023б; Хлыновская, Изгарская, 2024].

На первый взгляд, проблематика этничности должна ускользать из области внимания миросистемного анализа по причине его экономоцентричности, однако это не так. Миросистемный анализ изучает капиталистическую мир-экономику не только с точки зрения отношений между субъектами ядра, периферии и полупериферии. Также миросистемный анализ предлагает оптику, которая рассматривает эволюцию капиталистической мир-экономики как процесс пространственного расширения, в ходе которого она включает в себя новые и новые этнические группы.

Однако процесс включения этнических групп в капиталистическую мир-экономику не является односторонним, ведущим к полному поглощению ею всех этнических групп, их территорий и культур с их последующей универсализацией. Этот процесс следует рассматривать как с точки зрения поглощения (или, в понятиях миросистемного анализа, инкорпорации) мир-экономикой этнических групп с их включением в мировые товарные цепи, так и с точки зрения их сопротивления этому процессу [Hall, 2012, p. 48]. При этом инкорпорация как включение этнических групп в мир-экономику имеет свои степени поглощения, разнообразные формы и механизмы. Они оставляют этническим группам возможность выбирать собственную траекторию развития: от полного растворения в мир-экономике с утратой групповой этнической идентичности до ее сохранения, ценой которого часто является полная или частичная изоляция от мировых экономических процессов. Инкорпорация этнических групп в миросистему и сопротивление ей представляют собой диалектический процесс маятникового перехода от одного полюса к другому, который, по мысли представителей школы миросистемного анализа, принципиально не завершим. Как говорит Т. Д. Холл: «Миросистемы являются одновременно гомогенизирующими и гетерогенизирующими силами. Только те, кто соблазнился теорией модернизации или “конца истории”, были удивлены постоянным воспроизведением и сохранением этнических и культурных различий. То, как и почему это происходит, зависит от типа миросистемы, типа инкорпорированного региона и конкретного контекста процесса инкорпорации» [Hall, 2001, p. 77]. Таким образом, в миросистемном анализе формы, способы и глубина

инкорпорации этнических групп в мировую экономическую систему выстраивают границы этих групп, которые могут быть жестко фиксированными или подвижными, закрытыми или проницаемыми. Через анализ инкорпорации капиталистической мир-экономикой отдельных этнических групп и их сопротивления ей выстраивается первый из предлагаемых миросистемным анализом подходов к пониманию воспроизводства этничности.

И. Валлерстайн – основоположник и классик школы миросистемного анализа – обращается к проблематике этничности, раскрывая не внешние (как Т.Д. Холл), а внутренние условия ее воспроизводства. Центральная категория его анализа – домохозяйства (households), объединенные общей спецификой трудовой деятельности, которая приносит основной и дополнительные доходы. Оплачиваемый деньгами доход от производственной деятельности членов домохозяйства, как правило, меньше, чем необходимо для воспроизводства труда. Соответственно, домохозяйствам приходится искать иные способы получения дохода: вести натуральное хозяйство, осуществлять мелкое товарное производство, получать ренту, а также трансфертные или передаточные выплаты. Конфигурации способов получения основного и дополнительных доходов очень специфичны и самое важное, что чаще всего они похожи в границах определенных территорий. По И. Валлерстайну, границы расселения этих объединенных общей структурой системы труда домохозяйств совпадают с границами этнических групп: «Понятие “этническая группа” связано с созданием структур домашних хозяйств, позволяющих выживать значительной части рабочей силы, неоплачиваемой в процессе накопления капитала» [Балибар, Валлерстайн, 2004, с. 93], и далее: «... различные структуры домашних хозяйств находятся внутри “сообществ”, называемых “этническими группами”. Таким образом, ... здесь оказывается значимым момент “этнизации” трудовых ресурсов внутри границ того или иного государства» [Там же, с. 99]. Если Т. Д. Холл заостряет внимание на инкорпорации этнической группы в мир-экономику, то И. Валлерстайн обращается к экономическим механизмам, позволяющим этим группам приспособиться к инкорпорации и формирующим основания этнической отличительности. Также И. Валлерстайн вводит в схему отношений между глобальным актором (капиталистической мир-экономикой) и локальным актором (этнической группой) государство как посредника между ними или актора мезо-уровня. Можно фиксировать второй подход миросистемного анализа к пониманию воспроизводства этничности: от микро-уровня этнических домохозяйств, встраивающихся в рынок труда, через мезо-уровень государства к макро-уровню всей миросистемы.

Третий подход представляют исследователи, также принадлежащие к школе миросистемного анализа, У. Данауэй и Д. Клелланд. В своей работе они опираются на районирование территорий, принятое в социально-экономической географии. Согласно этому районированию, некоторые территории, расположенные на окраинах государств, ассоциированы с какой-либо этнической группой, т.к. ее представители численно преобладают в составе ее населения; именно поэтому их называют этническими регионами. Статистические данные, собранные У. Данауэй и Д. Клелландом, демонстрируют, что так называемые этнические регионы в разных полупериферийных странах по всему миру демонстрируют несколько более низкие экономические показатели, чем центральные регионы этих же стран. Анализ специфики производственной деятельности и рынков труда этнических регионов полупериферийных государств позволяет им сделать заключение о том,

что «полупериферийное сельское хозяйство¹ и индустриализация основаны на интенсивной эксплуатации сельских этнических меньшинств ... через сегментированные рынки труда, которые структурируют дифференцированный доступ к возможностям трудоустройства и несправедливую шкалу заработной платы или платы за субподряд» [Dunaway, Clelland, 2017, p. 426]. Разница экономических положений регионов формирует предпосылки для складывания в массовом сознании представлений об их неравенстве. А т. к. некоторые регионы воспринимаются в связке с этническим признаком, то это неравенство воспринимается в социуме не только как региональное, но и как этническое.

Теоретики миросистемного анализа подчеркивают, что осознание этнического неравенства не артикулируется в общественном пространстве, т. к. скрыто привычными для групп культурными нормами. И. Валлерстайн указывает, что «различные виды производственных отношений требуют от рабочей силы различных норм поведенческого отношения. А поскольку эти нормы поведения не задаются генетически, то они должны прививаться через обучение. Следует социализировать трудовые ресурсы, продуманно наделяя их особым набором профессиональных установок. “Культура” этнической группы как раз и является тем набором правил, которым родители, принадлежащие той или иной этнической группе, оказываются вынуждены наделять своих детей, соответственно их социализируя» [Балибар, Валлерстайн, 2004, с. 100]. Таким образом, миросистемный анализ дает достаточно острый ответ на вопрос о том, почему этничность воспроизводится: потому что она позволяет рынку труда функционировать, олицетворяя собой устоявшиеся экономические уклады, а этническая культура служит цели легитимации сложившихся структур неравенства. Такой ответ представляется оригинальным и перспективным, однако недостаточным, т. к. сводит широчайший диапазон этнической культуры к области только лишь трудовых и экономических отношений. Соответственно, необходимо поставить задачу достроить теоретико-методологические основания миросистемного анализа иными теориями и подходами, способными сместить акцент из экономической плоскости.

Удачным расширением миросистемного подхода к этничности является теория капиталов П. Бурдьё [Бурдьё, 1998, Бурдьё, 2002]. Успешные попытки совмещения теоретических рамок миросистемного анализа и теорий П. Бурдьё можно неоднократно фиксировать [см., например: Demeter, 2019; Ortiz, 2015]. Миросистемный анализ и теория капиталов П. Бурдьё рассматриваются как комплиментарные, т. к. в их основе лежит общее ключевое понятие «капитал», однако, если миросистемный анализ рассматривает его с точки зрения экономики, то П. Бурдьё расширяет это понятие таким образом, что дополнительно выделяет иные виды капитала. Такой теоретический ход позволяет уйти от экономоцентризма и полнее ввести в область исследования процессы, относящиеся к культуре и социальным отношениям.

П. Бурдьё считал, что возможности агентов (как индивидов, так и групп) в значительной степени зависят от совокупного объема имеющихся у них капиталов. Эти капиталы встраивают агентов в иерархически организованное социальное поле. Второй уровень организации этого поля выстроен комплексами различающихся у разных агентов когнитивных, экзистенциальных, ценностных и поведенческих установок, представляющих собой габитусы, однако оговоримся, что исследование этнических габитусов выходит за рамки данной статьи.

¹ Здесь имеется в виду сельское хозяйство этнических регионов в странах полупериферии – прим. О. П.

Помимо экономического капитала, т. е. материальных благ (товаров и денег), П. Бурдьё говорит о том, что существуют также культурный, социальный и символический виды капиталов. Культурный капитал «привязан множеством нитей к человеку в его биологической уникальности и передается по наследству»; он может «... признаваться ... в виде силы, влияющей на узнавание» [Бурдьё, 2002, с. 62]. Социальный капитал воплощается в виде сетей социальных связей, позволяющих получать доступ к реальным или потенциальным ресурсам – капиталам иных видов, прежде всего к экономическому капиталу. Символический капитал обозначает любой вид капитала (культурного, социального или экономического), который обладает признанием внутри социального поля. Он выражается в обладании авторитетом и репутацией.

Насколько можно судить по имеющимся публикациям, за достаточно редким исключением [см., например: Розов, 2015; Bentley, 1987; Wimmer, 1994; Wimmer, 2004], идеи П. Бурдьё в целом и его теория капиталов в частности не имеют прямого приложения к проблематике этничности. Поэтому эвристически значимой задачей видится наполнение теоретической рамки, заданной миросистемным анализом и теорией капиталов П. Бурдьё, примерами, имеющими отношение к этническим процессам.

Данная статья не исчерпывает, разумеется, всех возможных видов, в которых существуют экономический, культурный, социальный и символический капиталы этнических групп. Согласимся с В. В. Радаевым, который подчеркивает сложность адаптации экономического понятия «капитал» к социально-философской и социологической проблематике: «... путь от вольной метафоры к строгим операциональным категориям порою оказывается неблизким и витиеватым. Немало путаницы и логических противоречий содержат и расхожие суждения о формах капитала» [Радаев, 2002, с. 20]. Данный текст направлен скорее на то, чтобы дать эскизное представление о том, как капитал этничности может проявляться в областях экономики, культуры, социальных отношений и в символическом поле. Такая работа может стать основой для построения исследовательской схемы, позволяющей применять теорию капиталов П. Бурдьё к эмпирическим исследованиям этничности.

Видится очень удачным определение понятия «капитал», которое дал, опираясь, в том числе на трактовку П. Бурдьё, В. В. Радаев: под капиталом понимается «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм» [Там же, с. 21]. Данное определение не противоречит экономической теории, но не замыкается исключительно в ее области, позволяя рассматривать иные виды капитала.

Одна из сложностей в операционализации понятия «капитал» в области социальной философии состоит в том, что его размеры не могут быть калькулированы и выражены в некоторой величине. Поэтому необходимо отказаться от цифр в пользу таких способов измерения капиталов, как *оценивание (в категориях высокий / низкий)* и *соотнесение их друг с другом*. Принципиально важными в этой связи должны выступать такие характеристики капитала, как *соизмеримость его объемов* и *неравенство капиталов, способы увеличения (накопления) капитала*, а также причины, по которым происходит *потеря (девальвация, обесценивание)* того или иного капитала.

Культурный капитал этнических групп. В отношении специфики культурного капитала определяющей является такая его характеристика, как *узнавание*. Узнавание предполагает обнаружение у объекта совокупности черт, позволяющих отождествить его с другим, уже известным объектом. По-видимому, узнавание этнической группы должно быть соотнесено с такими специфическими чертами, которые позволяют идентифицировать ее. Поэтому, говоря о культурном капитале этнической группы, следует сосредоточиться на ее отличительных чертах, к которым относят язык, соматотипические черты, традиции. Однако, как узнавание может быть конвертировано в капитал, т. е. стать ресурсом? Об этом можно судить, опираясь лишь на соотношение культурных капиталов разных этнических групп в аспекте неравенства.

Теория капиталов П. Бурдьё разворачивает идею неравенства этнических культур с точки зрения противопоставления системообразующей культуры государства, т. е. культуры, которую обычно называют «государствообразующей», и других этнических культур. Анализ текстов П. Бурдьё позволяет заключить, что системообразующая культура обладает сравнительно большим объемом культурного капитала, чем другие культуры.

Культурный капитал этнических групп может быть выявлен, например, при сопоставлении объемов употребления разных языков в образовании, СМИ, документообороте. Другие области, где можно фиксировать этот вид капитала, – ценности, традиции и нормы, маркируемые как этнические. Социологические исследования убедительно показывают наличие комплексов этнокультурных ценностей и норм, характерных для регионов, численное большинство в которых представляют представители той или иной этнической группы, даже при условии, что территория не является моноэтнической. Особенный интерес представляют работы, где исследуется влияние специфики ценностно-нормативных этнокультурных образцов на жизненные стратегии населения [см., например: Абрамова и др., 2018, Абрамова и др., 2021].

Экономический капитал этнических групп. Экономическое неравенство как выражение экономического капитала этнических групп в сравнительной перспективе продуктивно рассматривать в приложении к двум группам населения: во-первых, это группы так называемых этнических меньшинств, во-вторых, разнообразные сообщества, составленные мигрантами. Такое разделение обосновано, в том числе тем, что инкорпорация этих групп в мировую экономическую систему (как на глобальном, общемировом уровне, так и на мезо-уровне отдельных государств) принципиально отличается: «Существуют различия между инкорпорацией этнических меньшинств и ассимиляцией мигрантов. Инкорпорированные этнические меньшинства чаще всего озабочены сохранением автономии и самобытности ... Для мигрантов наиболее важными вопросами чаще всего являются справедливое обращение и экономические возможности» [Hall, 2001, p. 76]. Таким образом, в отношении экономического капитала этнических групп можно сделать предположение, что, как правило, для этнических меньшинств основной стратегией будет являться сохранение определенной автономности, реализуемой как через отказ от встраивания (инкорпорации) в экономические цепи, так и через поиск таких стратегий встраивания, которые позволили бы сохранить этническую отличительность. Для групп мигрантов предпочтительны стратегии, позволяющие максимизировать экономические выгоды для того, чтобы обеспечить приемлемый образ жизни.

Экономический капитал групп этнических меньшинств. Рассматривая неравенство этнических меньшинств в полупериферийных обществах, У. Данауэй и Д. Клеелланд выделяют несколько параметров, особенно остро демонстрирующих диспропорцию в объеме экономического капитала у разных акторов. Прежде всего, они говорят об условиях труда, характерных для многих так называемых этнических регионов, расположенных на окраинах полупериферийных стран. Условия труда в них во многом зависят от расширения ориентированной на экспорт промышленно развитой инфраструктуры, становление которой сопровождается пролетаризацией населения, в том числе этнических групп [Dunaway, Clelland, 2017, p. 425]. Пролетаризация выражается в низкой оплате труда, несоблюдении его условий, вовлечении части населения в нестабильный неформальный сектор экономики [об этом также см.: Charmes, 2012; Dunaway, 2014]. Следствиями данной пролетаризации является более высокий, чем в центральных районах государства, уровень бедности населения.

Более тонкие маркеры, способные показать разные грани этнически обусловленной специфики неравенства на рынке труда, учитываются в исследовании, проведенном под руководством Л. М. Дробижевой [Дробижева, 2003]. Во-первых, для восприятия статуса этнической группы и формирования представления о ее экономическом капитале важно соотношение долей высококвалифицированного умственного и физического труда ее представителей. Во-вторых, важным показателем является доля управленцев в разных этнических группах. В-третьих, значение имеет специфика отраслей занятости, определяющая доходы и доступ к привилегиям.

Экономический капитал групп мигрантов. То, как мигрантские сообщества кооперируются с точки зрения организации экономических процессов, наиболее пристально рассматривается в части литературы, посвященной этническому предпринимательству (некоторые исследователи оперируют близкими по смыслу понятиями, такими, например, как «этнический бизнес» или «этнические экономические сети»). Н. Ю. Рунова предлагает различать мигрантское этническое предпринимательство, субъектами которого являются мигранты первого поколения, и национальное этническое предпринимательство, к которому относит ассимилировавшихся мигрантов второго и последующих поколений, а также этнические меньшинства [Рунова, 2021, с. 327]. Признавая полезность вводимого различения для более глубокого понимания типов этнического предпринимательства, мы не можем согласиться с выводом автора, согласно которому «этническое предпринимательство – это форма осуществления предпринимательской деятельности, которая свойственна мигрантам или этническому меньшинству, проживающим на территории отдельно взятого государства, с целью выживания или сохранения этнической идентичности в иноэтнической среде» [Там же, с. 328]. Рассмотрим гипотетическую ситуацию, когда предприниматели осознанно делают целью своей деятельности миссию сохранения этнической идентичности (по-видимому, не только собственной, но и своей этнической группы) с точки зрения миросистемного анализа и теории П. Бурдьё. Скорее, здесь следует фиксировать обратную связь – накопленный этнической группой капитал позволяет ее представителям быть успешными в определенной отрасли, и этот фактор определяет воспроизводство этнической идентичности, а не наоборот. Например, культурный капитал узнавания, который соотносится с социальным капиталом доверия представителям определенной этнической

группы как хорошо зарекомендовавшим себя в той или иной предпринимательской деятельности, помогает представителям этой группы получать доход и приращивать экономический капитал.

Прекрасный пример исследования того, как сообщества мигрантов кооперируются для получения экономического капитала, демонстрируют посвященные этническим рынкам работы В. И. Дятлова и соавторов [Этнические рынки в России ..., 2015]. Такие рынки могут быть рассмотрены как пространства аккумуляции экономического капитала этнических групп. Помимо накопления собственно экономического капитала, ассоциированного с той или иной этнической группой, эти рынки выполняют роль площадки, на которой формируется массовое мелкое предпринимательство, и сталкиваются формальный и неформальный сектора экономики. При этом этнический рынок как социально-культурный феномен может быть рассмотрен не только через призму экономического капитала, но и как аккумулятор для накопления иных видов капитала. Так, этнические сети формируют внутриэтнические социальные связи, т. е. приращивают социальный капитал, а также оказывают влияние на образы, через которые разные этнические группы становятся узнаваемыми, что не может не оказывать влияние на состояние культурного капитала. Здесь следует говорить о конвертации разных видов капиталов друг в друга.

Таким образом, экономический капитал этнических групп (как этнических меньшинств, так и групп мигрантов) выражается в способах аккумуляции денежных средств и материальных благ, которые можно отнести к этнически маркированным, а также может быть выявлен через показатели, позволяющие фиксировать диспропорцию в распределении экономических ресурсов между разными этническими группами. Этническое предпринимательство и рынки могут рассматриваться с точки зрения способов аккумуляции этнического капитала.

Объективное представление о соотношении экономических капиталов этнических групп дает сравнительный анализ размеров заработных плат, сопоставление долей высококвалифицированного и низкоквалифицированного труда, доли управленцев, форм трудовых договоров и уровня безработицы по регионам центра и окраин государства у представителей разных этнических групп. Также представляет интерес выявление и исследование этнических сетей, позволяющих аккумулировать экономический капитал.

Социальный капитал этнических групп. Социальный капитал связан с установлением и поддержанием связей с другими агентами и представляет собой совокупность отношений, порождающих действия. Устойчивость связей обеспечивается выработанной в социальной сети системой взаимных ожиданий и обязательств, которые могут быть институционализированы, но также могут существовать в более свободных формах, основанных на доверии, общих правилах и нормах, взаимности [Радаев, 2002, с. 26].

Миросистемный анализ подчеркивает вынужденный характер формирования сетей, аккумулирующих этнический социальный капитал: «Стратегии маргинализации, угнетения и эксплуатации, применяемые полупериферийными государствами, стимулируют сопротивление, обеспечивая устойчивость² и солидаризацию внутри этнических групп, способствуя созданию межэтнических коалиций и привлекая международное внимание к нарушениям прав человека по отношению к этим группам» [Dunaway, Clelland, 2017,

---

² Видимо, значение выражения «ensuring the persistence of...» здесь также можно перевести как *обеспечивая воспроизводство*.

р. 425]. Свойственная миросистемному анализу оптика позволяет зафиксировать макроуровень формирования этнических и межэтнических социальных сетей и подчеркивает вертикальный характер их организации – для достижения своих целей сеть апеллирует к международным организациям, выходя для этого за границы национального государства.

Примерами этнических сетей, аккумулирующих социальный капитал, но менее масштабного характера, могут служить уже отмеченные выше этнические рынки, а также диаспоры, структуры родственных связей и землячеств. Результаты исследований диаспор и диаспоральных сообществ показывают, что «для мигрантов диаспора является серьезным адаптирующим механизмом, оказывает им действенную социальную помощь (особенно на начальных этапах), а также способствует сохранению и воспроизведению позитивной этнокультурной идентичности в инокультурной среде» [Мадюкова, Персидская, 2018, с. 112]. Землячества тоже берут на себя роль поддержания культурных связей и актуализации этнической идентичности [Лыгденова, 2023]. И землячества, и диаспоры выполняют функцию трансляции культурного багажа этнических групп, способствуя культурному взаимообогащению их и принимающего сообщества [Дмитриев и др., 2017].

Несмотря на это, нередко этническая социальная сеть превращается в объект неприятия со стороны общества, что приводит к ее «выдавливанию» как из физического пространства, так и из пространства социальных взаимодействий. Частые примеры такого «выдавливания» можно обнаружить в отношениях принимающего сообщества и сообществ мигрантов в городах. Здесь можно привести в пример появление на перифериях городов, так называемых этнических анклавов, характеризуя которые Е. С. Дерига подчеркивает двойственность депривации этих элементов городского пространства: «Часто в случае этнической миграции географическая периферия (места расселения – преимущественно окраины городов) совпадает с периферией символической (попытки местного сообщества оградиться от “гостей”» [Дерига, 2012, с. 135-136]. Такие анклавные и анклавоподобные поселения обладают потенциалом к социокультурному капсулированию, во многом обусловленному внешним давлением [Мадюкова, Персидская, 2016]. Эти негативные с точки зрения качества межэтнических отношений явления должны быть приняты во внимание при изучении социального капитала этнических групп.

Таким образом, способы накопления этническими группами социального капитала можно классифицировать по уровню, на который выходят этнические сети: на международном уровне существуют этнические и межэтнические коалиции, а на мезо-уровне (внутригосударственном) и уровне отдельных регионов социальный капитал может накапливаться диаспорами и землячествами.

Символический капитал этнических групп. Символический капитал у П. Бурдьё ассоциирован с признанием, репутацией и авторитетом. В социальных отношениях такие характеристики достижимы прежде всего в области политических отношений, хотя, разумеется, не исчерпываются ими. Так, В. В. Радаев в собственной интерпретации теории капиталов П. Бурдьё отделяет политический капитал от символического, а к последнему относит право агента транслировать свою интерпретацию смыслов происходящего, которая воплощается в структуре авторитетов, обладающих правами номинации (именования) [Радаев, 2002, с. 29]. На наш взгляд, для операционализации теории капиталов П. Бурдьё в области этничности такой ход будет существенно усложнять дело, поэтому для начала следует сосредоточиться на интерпретации символического капитала как проявления политических отношений.

Как правило, в области исследования политических отношений этнический фактор связывается с понятием «политизация этничности». Общепринятое значение этого понятия заключается в участии этнических групп в системной политике с целью реализации коллективных запросов [Weber, Hiers, et al., 2016]. Формирование таких коллективных запросов возможно при осознании этнической группой собственной политической субъектности. К факторам, способствующим становлению такой субъектности, относят мобилизованное состояние этнической группы. Здесь важны учет роли политических элит и понимание способов использования этнического фактора для достижения политических целей. Мобилизация этничности, сопровождающая процесс ее политизации, зачастую связана с конфликтными явлениями в социальной жизни, к которым относят этнополитические столкновения, проявления сепаратизма и национализма. С точки зрения мобилизации этничности также может быть рассмотрена легитимация отдельных этнических групп как субъектов права, т. е. обоснование юридических оснований этнической правосубъектности.

Если говорить об иных проявлениях этничности в политическом процессе, то можно обратить внимание на различные общественные движения, с особенной остротой выносящие вопросы самоопределения, в том числе расового и этнического, в область политической рефлексии. Такие движения вовлекают в демонстрации, забастовки, бунты и другие виды социального активизма значительное число людей, перетягивая исследовательское внимание от области системной политики к так называемой несистемной [Персидская, 2021].

* * *

Миросистемный анализ и теория капиталов П. Бурдье дают собственный ответ на вопрос о том, почему этничность воспроизводится. Этот ответ отличается от тех, которые предлагают, например, примордиалистская или инструменталистская познавательные позиции. Эвристический потенциал оптики, которую дает объединение миросистемного анализа и теории капиталов П. Бурдье, заключается в том, что этничность рассматривается как способ организации габитусов, связанных с экономической, политической, культурной и социальной областями жизни. Так появляется возможность видеть, как этничность обретает живое, актуальное значение в разных аспектах существования людей и влияет на исторический процесс.

Целью данной работы являлось создание теоретико-методологического эскиза синтеза миросистемного анализа и теории капиталов П. Бурдье применительно к этничности. Зафиксировано, что ключевыми позициями этого синтеза являются процессы инкорпорации в мировую капиталистическую систему и сопротивление ей этнических групп, а также их неравенство. В сравнительном анализе капиталов этнических групп важно не только то, в чем и как они выражаются, но и то, как эти капиталы воспринимаются: как значительные или недостаточные, растущие или девальвирующиеся.

За пределами осмысления данного текста остались состояния, в которых разные капиталы этнических групп могут существовать. Напомним, что П. Бурдье говорил о трех таких состояниях – инкорпорированном, объективированном и институционализированном. Также отдельная тема связана с возможностями и пределами конвертации разных капиталов этнических групп друг в друга. Исследование этих тем мы оставляем для будущих публикаций.

Список литературы / References

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. (2018). Типы идентичности молодежи и взаимодействие в межэтническом пограничье. *Русин.* № 1 (51). С. 282-298. DOI: 10.17223/18572685/51/18.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S., Kostyuk, V. G. (2018). Types of Youth Identity and Interaction in the Interethnic Borderland. *Rusin.* No. 1 (51). Pp. 282-298. DOI: 10.17223/18572685/51/18. (In Russ.)

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. (2021). *Влияние лингвокультурной специфики социокультурной среды на межэтнические установки молодежи.* Новосибирск: Манускрипт-СИАМ. 208 с.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S., Kostyuk, V. G. (2021). *The Influence of the Linguacultural Specificity of the Socio-Cultural Environment on the Interethnic Attitudes of Young People.* Novosibirsk. 208 p. (In Russ.)

Анжиганова, Л. В., Топоева, М. В. (2019). «Новая этничность»: теоретические аспекты исследования. *Тезаурусы и проблемы культуры: доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции.* Отв. ред. В. А. Луков. М.: Московский гуманитарный университет. С. 281-292.

Anzhiganova, L. V., Topoeva, M. V. (2019). «New Ethnicity»: Theoretical Aspects of the Study. In Lukov, V. A. (ed.) *Thesauruses and Problems of Culture: Reports and Materials of the All-Russian (national) Scientific Conference.* Moscow. Pp. 281-292. (In Russ.)

Балибар, Э., Валлерстайн, И. (2004). *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности.* М.: Изд-во «Логос». 288 с.

Balibar, E., Wallerstein, I. (2004). *Race, Nation, Class. Ambiguous Identities.* Moscow. 288 p. (In Russ.)

Бурдьё, П. (1998). Структура, габитус, практика. *Журнал социологии и социальной антропологии.* Т. 1. № 2. С. 44-59.

Bourdieu, P. (1998). Structure, Habitus, Practice. *Journal of Sociology and Social Anthropology.* Vol. 1. No. 2. Pp. 44-59. (In Russ.)

Бурдьё, П. (2002). Формы капитала. *Экономическая социология.* Т. 3. № 5. С. 60-74.

Bourdieu, P. (2002). Forms of Capital. *Journal of Economic Sociology.* Vol. 3. No. 5. Pp. 60-74. (In Russ.)

Валлерстайн, И. (2006). *Миросистемный анализ: введение.* М.: Территория будущего.

Wallerstein, I. (2006). *World-systems Analysis: An Introduction.* Moscow. (In Russ.)

Варшавер, Е. А. (2022). «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности. *Социологическое обозрение*. Т. 21. № 3. С. 31-58. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-31-58

Warshawer, E. A. (2022). "Stop Kicking the Dead Horse of Primordialism": Current Agendas in Constructivist Ethnicity Studies. *Sociological review*. Vol. 21. No. 3. Pp. 31-58. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-31-58. (In Russ.)

Дерига, Е. С. (2012). Культурная гетерогенность или конфликт культур? К вопросу об интеграции учащейся молодежи из ближнего зарубежья в местное сообщество. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. № 1. С. 128-136.

Deriga, E. S. (2012). Cultural Heterogeneity or Cultural Conflict? On the Issue of Integration of Students from Neighboring Countries into the Local Community. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science and Religion Studies»*. No. 1. Pp. 128-136. (In Russ.)

Дмитриев, А. В. Воронов, В. В., Михайлова, Е. А. (2017). Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6 (142). С. 97-124. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.06

Dmitriev, A. V. Voronov, V. V., Mikhailova, E. A. (2017). Predictive Modeling of Interethnic Relations in Russian Regions Based on the Analysis of Identification Strategies of Diaspora and Compatriot Groups. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6 (142). Pp. 97-124. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.06. (In Russ.)

Дробижева, Л. М. (2003). Проблемы неравенства в этносоциальном пространстве России. *Россия реформирующаяся*. № 3. С. 191-212.

Drobizheva, L. M. (2003). Problems of Inequality in the Ethnosocial Space Of Russia. *Russia Under Reforming*. No. 3. Pp. 191-212. (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2023а). Геополитические и миросистемные факторы территориальной динамики современной России. *Власть*. Т. 31. № 5. С. 9-22. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9773.

Izgarskaya, A. A. (2023a). Geopolitical and World-System Factors of the Territorial Dynamics of Modern Russia. *Power*. Vol. 31. No. 5. Pp. 9-22. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9773. (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2023б). Отечественное образование в процессах глобальной интеграции и противостояния миросистеме. *Философия образования*. Т. 23. № 4. С. 33-48. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230402>.

Izgarskaya, A. A. (2023b). Domestic Education in the Processes of Global Integration and Confrontation with the World System. *Philosophy of Education*. Vol. 23. No. 4. Pp. 33-48. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230402>. (In Russ.)

Лыгденова, В. В. (2023). Сохранение идентичности современных баргузинских бурят-эхиритов: этнокультурные праздники, символика, землячества. *Этнография Алтай и сопредельных территорий*. № 11. С. 24-27. DOI: 10.37386/2687-0592-2023-11-24-27

Lygdenova, V. V. (2023). Preserving the Identity of Modern Barguzin Buryat-Ekhirites: Ethnocultural Holidays, Symbols, Communities. *Ethnography of Altai and adjacent territories*. No. 11. Pp. 24-27. DOI: 10.37386/2687-0592-2023-11-24-27. (In Russ.)

Мадюкова, С. А., Персидская, О. А. (2018). Диаспоризация и формирование образа мигранта в массовом сознании. Попков, Ю. В., Скалабан, И. А., Тюгашев, Е. А. и др. *Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика*. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет. С. 107-114.

Madyukova, S. A., Persidskaya, O. A. (2018). Diasporization and the Formation of the Image of a Migrant in the Mass Consciousness. In Popkov, Yu. V., Skalaban, I. A., Tyugashev, E. A. et al. *Sociocultural Monitoring of the Urban Interethnic Community: Methodology, Techniques, Practice*. Novosibirsk. Pp. 107-114. (In Russ.)

Мадюкова, С. А., Персидская, О. А. (2016). Мигранты в социальном пространстве города. *Сибирский философский журнал*. Т. 14. № 3. С. 161-176.

Madyukova, S. A., Persidskaya, O. A. (2016). Migrants in the Social Space of the City. *The Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 14. No. 3. Pp. 161-176. (In Russ.)

Персидская, О. А. (2021). Политизация этничности: теоретический разворот в концептуальной трактовке феномена. *Вопросы политологии*. Т. 11. № 10 (74). С. 2703-2709. DOI: 10.35775/PSI.2021.74.10.002

Persidskaya, O. A. (2021). Politicization of Ethnicity: A Theoretical Turn in the Conceptual Interpretation of the Phenomenon. *Questions of political science*. Vol. 11. No. 10 (74). Pp. 2703-2709. DOI: 10.35775/PSI.2021.74.10.002 (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2023). «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы). *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 137-153. DOI: 10.25178/nit.2023.1.8.

Popkov, Yu. V. (2023). "Soil" in Ethnicity: Traditions of Russian Ethnic Studies in the Test of "Perestroika" and Postmodernism (Statement of the Problem). *New Research of Tuva*. No. 1. Pp. 137-153. DOI: 10.25178/nit.2023.1.8. (In Russ.)

Радаев, В. В. (2002). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. *Экономическая социология*. Т. 3. № 4. С. 20-32.

Radaev, V. V. (2002). The Concept of Capital, Forms of Capital and Their Conversion. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 4. Pp. 20-32. (In Russ.)

Розов, Н. С. (2015). К общей теории этнической динамики: геополитический престиж, роль институциональных элит и подкрепление габитусов в ритуалах. [Электронный ресурс]. *Общество и этнополитика: материалы Седьмой Международной научно-практической Интернет-конференции*. Новосибирск. С. 18-27. Режим доступа: <https://nrozov.nsu.ru/rpha/lib/rozov-ethnic-dynamics.htm> (дата обращения: 8.06.2024).

Rozov, N. S. (2015). Toward a General Theory of Ethnic Dynamics: Geopolitical Prestige, the Role of Institutional Elites, and the Reinforcement of Habitus in Rituals. [Online]. In *Society and Ethnopolitics. Materials of the Seventh International Scientific and Practical Internet Conference*. Novosibirsk. Pp. 18-27. Available at: <https://nrozov.nsu.ru/rpha/lib/rozov-ethnic-dynamics.htm> (Accessed: 6 August 2024). (In Russ.)

Рунова, Н. Ю. (2021). Этническое предпринимательство: анализ основных определений. *Экономика, предпринимательство и право*. Т. 11. № 2. С. 323-332. DOI: 10.18334/epp.11.2.111589.

Runova, N. Yu. (2021). Ethnic Entrepreneurship: Analysis of Basic Definitions. *Ekonomika, Predprinimatelstvo i Pravo*. Vol. 11. No. 2. Pp. 323-332. DOI: 10.18334/epp.11.2.111589. (In Russ.)

Хлыновская, С. А., Изгарская, А. А. (2024). Проблема социального неравенства в свете миросистемного подхода. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 154-171. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.154-171

Khlynovskaia, S. A., Izgarskaya, A. A. (2024). The Problem of Social Inequality in the Light of the World-System Approach. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. Pp. 154-171. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.154-171 (In Russ.)

Этнические рынки в России: пространство торгова и место встречи. (2015). Ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ. 343 с.

Dyatlov, V. I., Grigorighev, K. V. (eds.). (2015). *Ethnic Markets in Russia: Trading Space and Meeting Place*. Irkutsk. 343 p. (In Russ.)

Bentley, G. C. (1987). Ethnicity and Practice. *Comparative Studies in Society and History*. No. 29 (1). Pp. 24-55.

Charmes, J. (2012). The Informal Economy Worldwide: Trends and Characteristics. *Margin: The Journal of Applied Economic Research*. No. 6. Pp. 103-328.

Cohen, A. (1969). *Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Towns*. London. Routledge and Kegan Paul.

Demeter, M. (2019). The World-Systemic Dynamics of Knowledge Production: The Distribution of Transnational Academic Capital in the Social Sciences. *Journal of World-Systems Research*. No. 25 (1). Pp. 111-144. DOI: 10.5195/jwsr.2019.887.

Dunaway, W. A. (2014). Through the Portal of the Household: Conceptualizing Women's Subsidies to Commodity Chains. In Dunaway, W. A. (ed.) *Gendered Commodity Chains: Seeing the Hidden Women's Work and Laborer Households in Global Production*. Stanford University Press. Pp. 55-71.

Dunaway, W. A., Clelland, D. A. (2017). Moving toward Theory for the 21st Century: The Centrality of Nonwestern Semiperipheries to World Ethnic/Racial Inequality. *Journal of World-Systems Research*. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 399-464.

Geertz, C. (1963). The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States. In Geertz, C. (ed.). *Old Societies and New States*. New York. The Free Press. Pp. 105-157.

Grosby, S. (1994). The Verdict of History: The Inexpungeable Tie of Primordality: A Response to Eller and Coughlan. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 17. No. 1. Pp. 164-171.

Hall, T. D. (2001). World-Systems, Frontiers, and Ethnogenesis: Incorporation and Resistance to State Expansion. *Proto-Sociology*. No. 15. Pp. 51-85.

Hall, T. D. (2012). Incorporation into and Merger of World-systems. In Babones, S. J., Chase-Dunn, C. (eds.) *Routledge Handbook of World-Systems Analysis*. London. New York. Routledge. Pp. 47-55.

Ortiz, R. J. (2015). Aristocratic Rebellion: Ruben Darío and the Creation of Artistic Freedom in the World-System. *Journal of World-Systems Research*. No. 21 (2). Pp. 339-361. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwsr.2015.6>.

Smith, A. D. (1981). *The Ethnic Revival*. Cambridge, New York. Cambridge University Press.

Weber, A., Hiers, W., Flesken, A. (2016). *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*. New York. Palgrave Macmillan.

Wimmer, A. (1994). Die ethnische Dynamik in Mexiko und Guatemala. In Müller, H.-P. (ed.) *Ethnische Dynamik in der außereuropäischen Welt*. Zurich. Argonaut-Verlag. Pp. 251-294.

Wimmer, A. (2004). Does Ethnicity Matter? Everyday Group Formation in Three Swiss Immigrant Neighbourhoods. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 27 No. 1. Pp. 1-36.

Сведения об авторе / Information about the author

Персидская Ольга Алексеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

Статья поступила в редакцию: 14.08.2024

После доработки: 26.09.2024

Принята к публикации: 04.09.2024

Persidskaya Olga – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

The paper was submitted: 14.08.2024

Received after reworking: 26.09.2024

Accepted for publication: 04.09.2024

УДК 167.7+316.012

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СВЕТЕ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

С. А. Хлыновская

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (Новосибирск)
s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru

А. А. Изгарская

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
aizgarskaya@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка обобщения результатов исследования проблемы социального неравенства в миросистемном подходе. Показано, что механизмы периферизации обществ могут иметь существенные различия, обуславливающие уровни социального неравенства внутри обществ и сокращение / увеличение разрыва неравенства с обществами ядра. На основе исследований А. Дж. Бергесена и М. Бата были описаны типы взаимосвязей глобального неравенства и неравенства внутри стран, построена модель, иллюстрирующая зависимость динамики глобального и локального неравенств от направлений движения капитала в миросистеме. Полученные теоретические конструкции позволили осуществить краткую интерпретацию ситуации сложившейся в современной России.

Ключевые слова: миросистема, социальное неравенство, типы глобального неравенства, ядро миросистемы, периферия миросистемы, социальное неравенство в современной России.

Для цитирования: Хлыновская, С. А., Изгарская, А. А. (2024). Проблема социального неравенства в свете миросистемного подхода. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 154-171. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.154-171

THE PROBLEM OF SOCIAL INEQUALITY IN THE LIGHT OF THE WORLD-SYSTEM APPROACH

S. A. Khlynovskaia

Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation (Novosibirsk)
s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru

A. A. Izgarskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
aizgarskaya@gmail.com

Abstract. The article attempts to generalize the results of research into the problem of social inequality in the world-system approach. It is shown that the mechanisms of peripheralization of societies can have significant differences, which determine the levels of social inequality within societies and a decrease / increase in the gap in inequality with core societies. Based on the research of A. J. Bergesen and M. Bata, the types of connections between global inequality and inequality within countries were identified, and a model of the dependence of the dynamics of global and local

inequality on the directions of capital movement in the world-system was built. The resulting theoretical constructs made it possible to carry out a brief interpretation of the situation in modern Russia.

Keywords: world-system, social inequality, types of global inequality, core of the world-system, periphery of the world-system, social inequality in modern Russia.

For citation: Khlynovskaia, S. A., Izgarskaya, A. A. (2024). The Problem of Social Inequality in the Light of the World-System Approach. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 154-171. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.154-171

«Рассуждения о бедности и необходимости сокращения ее масштабов, если не искоренения, сегодня вошли в моду. Этот дискурс благотворительности в стиле девятнадцатого века не стремится понять экономические и социальные механизмы, порождающие бедность, хотя научные и технологические средства для ее искоренения уже доступны».

С. Амин

«Цель перенастройки налоговой системы – стимулировать инвестиции бизнеса в развитие, добиться большей социальной справедливости и сократить неравенство между гражданами».

В.В. Путин

Введение. На пленарной сессии Петербургского международного экономического форума Президент России В. В. Путин отметил необходимость сокращения социального неравенства¹. Вводимая Правительством России прогрессивная шкала налогообложения должна восприниматься как один из механизмов реализации данной цели. В соответствии с заявлением министра финансов А. Силуанова данная инициатива нацелена на поддержку многодетных семей и отвечает запросу широких масс российского общества на социальную справедливость². Озабоченность Президента и Правительства проблемой социального неравенства граждан России понятна. В условиях нарастающего геополитического напряжения разрыв между социальными группами может стать одним из условий социальной турбулентности и препятствием развитию страны в соответствии с вектором, который предписала ей политическая элита. Предпримем попытку взглянуть на ситуацию с позиции миросистемного подхода, предварительно описав имеющийся в его распоряжении теоретический инструментарий.

¹ Путин анонсировал федеральный инвестиционный налоговый вычет. (2024). [Электронный ресурс]. *Коммерсантъ*. 07 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6759751> (дата обращения: 11.06.2024). См. более ранние выступления: Путин: социальная справедливость станет одним из принципов развития экономики России. (2022). [Электронный ресурс]. *ТАСС*. 17 июня. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14953975> (дата обращения: 12.04.2024); Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 г. (2024). [Электронный ресурс]. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 12.04.2024).

² Силуанов: прогрессивная шкала НДФЛ должна затронуть только граждан с высокими доходами. (2024). [Электронный ресурс]. *ТАСС*. 20 мая. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20851687> (дата обращения: 12.04.2024).

Методология. Проблема социального неравенства имеет внушительную историю исследования. Она обнаруживается в различных областях социальной науки и в содержании теорий многих научных традиций. Обзор и сравнительный анализ существующих направлений может быть отдельным предметом исследования. Осознавая эту задачу как перспективную, сосредоточимся на подходе, сформировавшемся внутри миросистемной парадигмы (И. Валлерстайн, Т. Хопкинс, Дж. Арриги, С. Амин, К. Чейз-Данн и др.). В работах основоположников и представителей миросистемного подхода проблема социального и экономического неравенства является одной из центральных. Данный подход фокусирует внимание на формируемые системой международного разделения труда взаимосвязи поляризованных структур миросистемы, ее ядра, полупериферии [Martin, 1990; Worth, 2009] и периферии [Van der Merwe, 2019; Irarrázaval, 2021], представляющих собой неравные социально-экологические ниши выживания включенных в них обществ. На сегодняшний день в миросистемном подходе достаточно подробно описано то, как современный капитализм организует производство через глобальные цепочки создания стоимости [Derudder, 2010], исследуется характер и динамика политических сил, создающих средства периферизации и закрепления ее результатов [Kentor, 2016], изучаются сопутствующие этому проблемы, такие как деградация экологической среды [Hornborg, 2007], социальные движения [Mielants, 2021], миграция населения [Jones, 2010; O’Hearn, 2022], трансформация локальных культур [King, 1991] и др. Указывая на методологические преимущества миросистемной парадигмы, следует отметить ее способность аккумулировать разные подходы и смежные дисциплины.

Обращение к миросистемному анализу вызвано также тем, что его теоретико-методологический арсенал не был востребован в период либерализации российской экономики и общества в целом, когда усугубление противоречий развития часто трактовалось в духе теории модернизации как незначительный, побочный результат реализации российским государством общемирового тренда. Сегодня ситуация изменилась. Противоречия становятся очевидными, это требует не просто частичной коррекции оптики ранее используемых методов, а изменения парадигмальной перспективы анализа социальной динамики российского общества. Миросистемный подход может обеспечить такую перспективу.

Как правило, в работах, посвященных изучению глобального неравенства, господствует подход, в котором единицей анализа выступает национальное государство. Глобальное неравенство здесь представлено лишь как неравенство между имеющими разные конкурентные преимущества или неудобства отдельно взятыми странами без учета их взаимосвязей. По мнению ряда представителей миросистемного направления, например: Дж. Арриги [Арриги, 2006, с. 69-72, 127], А. Дж. Бергесена и М. Бата [Bergesen, Bata, 2002, p. 137], М. К. Махутги, Р. Квона, Дж. Грейнджера [Mahutga et al., 2011, pp. 280-281], М. Дрвенски [Drwenski, 2015, p. 74], такой подход не отражает реалий современного мира. Рассматривая государство в качестве единицы анализа, как это делает, например, модернизационная парадигма, мы не только недооцениваем наднациональные образования (ТНК, ВТО, ЭКОСОС, ОПЕК, АТЭС и др.), но и упускаем из поля зрения системное единство национальных экономик и порождаемое этой системой глобальное и внутривострановое неравенство. К подобным выводам приходят исследователи других направлений, например, С. Сассен [Sassen, 2008, p. 64], Б. Миланович [Миланович, 2017, с. 16-17]. Подчеркнем, измерение глобального неравенства независимо от методологических оснований всегда

вызвано стремлением устранить причины бедности и бесправия людей, проживающих в разных частях планеты. Однако делая это посредством простого соотношения показателей национальных экономик, глядя на агрегированные показатели статистики отношений ВВП, ВНД и на вытекающие из них индексы Джини и Тейла, можно лишь определить зоны, в которых большая часть людей испытывает наибольшие тяготы. При этом индексы не указывают на пути решения проблемы социального неравенства, но создают иллюзию существования такой возможности в рамках отдельно взятого государства.

В отличие от большинства социальных теорий в концепции И. Валлерстайна и его последователей в качестве единицы анализа выступает миросистема [см., например: Korzeniewicz, 2018], что позволяет избежать указанных недостатков. В работах главных теоретиков данного подхода отношения конкуренции между странами ядра и периферийной зоны рассматриваются как необходимые структурные основания капитализма, а сохраняющиеся различия в неравенстве доходов между этими зонами как устойчивый результат функционирования механизмов неравного обмена в циклически воспроизводящейся миросистеме [см., например: Hopkins, 1994a; Hopkins, 1994b]. Как отметили в 1985 г. В. Борншир и К. Чейз-Данн: «Не низкий уровень развития создает высокое неравенство, а, скорее, периферийность в мировом разделении труда» [цит. по: Mahutga et al., 2011, p. 282]. Основная идея здесь заключается в том, что дополнительная прибавочная стоимость извлекается из экономик периферий и распределяется в странах ядра таким образом, чтобы уменьшить неравенство и вероятность классовых конфликтов. Данная позиция закрепились в миросистемном подходе. Д. А. Смит, изучая сорокалетнюю традицию исследования социального неравенства в миросистеме, указывает, что определяющими элементами в процессе формирования неравенства в современном мире являются международные связи, роли и отношения [Smith, 2018, p. 9].

Результаты. Проблема внутренних и внешних факторов формирования социального неравенства обнаруживается в миросистемном подходе практически с момента его возникновения и связана с латиноамериканской интеллектуальной традицией исследования результатов проникновения иностранного капитала в экономику периферизируемых стран (Р. Пребиш, Ф. Кардозо, Э. Фалетто). Проблема нашла отражение в русле двух взаимосвязанных направлений, а именно теории развития экономической отсталости (И. Валлерстайна [Валлерстайн, 2015], А. Г. Франка [Frank, 1989], С. Амина [Amin, 2003]) и теории зависимого развития (Ф. Кардозо [Cardoso, 1973], Т. дос Сантоса [Santos, 1970, 2011]). Данные направления имеют некоторые различия в объяснительных моделях формирования зависимости обществ периферии от ядра, а также ее последствий. Теория развития экономической отсталости не отрицает возможность позитивных изменений в экономике периферии под воздействием внешнего по отношению к ней ядра, но указывает на наличие устойчивых структурных границ развития периферии и сохранения разрыва между обществами этой зоны и ядром. Приток прямых иностранных инвестиций в переориентированные на внешний рынок отрасли дает обществу импульс развития, который, однако, ограничен помимо внутренних параметров возможностями потребления стран ядра и формированием механизмов передачи прибавочной стоимости. Процесс также сопровождается застоем или распадом многих вытесненных конкурентами или невостребованных на внешнем рынке национальных отраслей производства, что закладывает основания для роста неравенства внутри страны [см. подробнее: Amin, 2003].

Представители теории зависимого развития акцентируют внимание не на условиях, ведущих к экономической отсталости, а на факторах, обеспечивающих рост периферии. Начиная с 1970-х гг., представители этого направления особое внимание уделяют последствиям накопления инвестиций ТНК на периферии. ТНК и контроль над технологиями при определенных условиях (росте городского сектора; появлении платежеспособного слоя общества, предпочитающего потребление, соответствующее образцам стран ядра; приобретении местными производителями зарубежных технологий посредством связи с ТНК; стремлении филиалов ТНК опереться на местный капитал) начинают рассматривать как факторы, способные «переключить» механизм передачи прибавочной стоимости посредством реинвестиций. Считается, что это позволяет обществу не только занять более благоприятные конкурентные позиции в сравнении с другими обществами периферии, но и снизить разрыв с ядром.

Современные представители миросистемного подхода чаще склонны давать негативную оценку влиянию ТНК на развитие общества периферии и сокращение неравенства в обществе [Beer, 2002; Herkenrath, 2003]. Время подтвердило старый тезис о том, что, не способствуя экономическому росту, ТНК могут устанавливать избыточный контроль над экономиками периферии, способны менять структуру развития этих стран, увеличивать неравенство, ухудшать экономическое благосостояние широких слоев населения. Однако, как отметили М. Херкенраф и В. Борншир, зафиксированное в конце 1960-х гг. негативное влияние ТНК на экономический рост в значительном числе случаев в начале XXI в. снижается, поскольку «потенциально вредные последствия деятельности ТНК, по-видимому, удалось преодолеть адекватными компенсационными действиями государства» [Herkenrath, 2003, p. 104]. Становится актуальным вопрос о возможностях и последствиях контроля уровня проникновения ТНК и иностранных инвестиций в экономику неядерных стран со стороны их профсоюзных объединений и государств. Не в последнюю очередь это было связано с ростом экономики Китая, в которой усматривалась «значительная сила, вызывающая конвергенцию» [Clark, 2011, p. 589]. Также ученые отмечали, что чрезмерный контроль со стороны государства чреват оттоком капитала, что может иметь отрицательные последствия для роста экономики [Beer, 2002, p. 52].

С позиции современной эпистемологии миросистемного подхода, допускающей различия в механизмах периферизации обществ и предполагающей учет активной позиции элит в процессе включения их страны в мир-экономику, эти два направления можно рассмотреть как реализацию двух противоположных политических стратегий в активности политической элиты встраивающегося в миросистему государства. Описанный И. Валлерстайном, А. Г. Франком и С. Амином вариант предполагает стратегию, при которой политическая элита по каким-либо причинам не формирует механизмы и условия для накопления внутреннего капитала, что ведет экономику к отсталому состоянию, общество к расслоению, а большую его часть к обнищанию. Модель, описанная Ф. Кардозо и Т. дос Сантосом, предполагает готовность и способность политической элиты бороться за «переключение» потоков капитала внутрь посредством реинвестиций в целях технологического роста и развития внутреннего производства. Если эти два направления рассматривать не как противоположные позиции, а как взаимодополняющие, то появляется возможность на их основе достаточно точно описать различия ситуаций, которые сложились в последние десятилетия в России и Китае.

Следует отметить, в 2002 г. П. С. Чикантель и С. Банкер описали еще одну модель развития общества в миросистеме, которая позволила Японии успешно сократить дистанцию с ядром без использования репрессивных возможностей государства. Модели развития, основанные на прямых иностранных инвестициях и ТНК, оказываются недостаточными для объяснения экономического подъема Японии. Страна смогла в ситуации противостояния двух систем – капитализма и социализма – не только заметно улучшить свое экономическое положение после поражения во Второй мировой войне, но и вынудить мировую систему к реорганизации, обеспечившей поддержку развитию государству. Важнейшими рычагами стали организационные и технологические инновации, которые стали основанием для накопления внутреннего капитала в Японии [Ciccantell, 2002]. Подобная стратегия была реализована Южной Кореей.

На сегодняшний день единого «рецепта», предписывающего средство снижения уровня внешнего и внутреннего неравенства не принадлежащим к ядру государствам, не существует. Однако некоторые базовые условия очевидны. Стратегия развития, формирующая зависимость от иностранных инвестиций «может быть ошибочной для стран, озабоченных равенством» [Beer, 2002, p. 52]. Большого успеха достигают те государства, которые последовательно реализуют стратегию, направленную на рост внутреннего капитала, увеличение внутренних инвестиций в инфраструктуру, в производство, в развитие технологий, содействующую росту спроса на внутреннем рынке, развитию человеческого капитала, системы образования, здравоохранения, экологической безопасности и т. д. Важным условием успеха является способность политической элиты сделать выбор цели, соответствующей данной стратегии. И. Валлерстайн в этом отношении отмечал: «Не то государство выигрывает гонку, которое делает политический и особенно военный скачок вперед, но то, которое идет медленно, дюйм за дюймом улучшая свое положение в долговременном соревновании» [Валлерстайн, 2001, с. 106].

Проблема многообразия механизмов формирования и поддержания неравенства в миросистеме получает развитие в конце 1990-х гг., когда попадает в центр внимания ученых, использующих методы экономического анализа. В миросистемном подходе базовыми становятся концепция инвестиционной зависимости [см., например: Alderson, 1999] и концепция экономической дифференциации [см., например: Gustafsson, 1999]. Механизмы формирования международного неравенства исследуются также в большом количестве работ, посвященных процессам глобализации [см., например: Chase-Dunn, 1998; Beer, 2002; Lee et al., 2007; Lloyd et al., 2009]. В этот период ставится вопрос о необходимости объяснения «неравенства как сложного, разворачивающегося в пространстве и во времени комплекса взаимодействий, происходящих одновременно внутри стран и между ними, как подлинно всемирно-исторического явления» [Korzeniewicz, 2009, p. 15]. М. Махутга, Р. Квон, Г. Грейнджер высказали идею о создании теории неравенства, которая сможет «представить миросистемную динамику в качестве основного объяснения межнациональных различий в неравенстве внутри стран» [Mahutga et al., 2011, p. 280].

По сути, миросистемщики вернулись к старой проблеме, но теперь они фокусируются на поиске конкретных, порождающих неравенство механизмах. Характеризуя работы своих предшественников, М. Махутга, Р. Квон и Г. Грейнджер отметили, что «выявление точных механизмов, вызывающих различия в уровне неравенства в зависимости от позиции в мировой системе было особенно неприятной проблемой для исследователей» [Mahutga

et al., 2011, p. 281]. Помимо этого, представители миросистемного подхода все чаще приходят к мысли о том, что общества периферии, как и ядра, неоднородны, а механизмы, порождающие различия в уровнях неравенства внутри этих стран и между ними, также имеют различия. Так, например, М. Махутга, Р. Квон и Г. Грейнджер выделяют два типа механизмов. К первому типу они относят механизмы, которые описаны в качестве базовых достаточно хорошо в работах представителей миросистемного подхода. Их общая идея заключается в том, что отраслевая структура любой национальной экономики является функцией ее положения в мировой экономике. Таким образом, миросистемная позиция общества детерминирует тип его развития, который в свою очередь предопределяет возникновение особенных форм неравенства. М. Махутга, Р. Квон и Г. Грейнджер называют этот тип «косвенные механизмы, действующие через экономическое развитие». Если механизмы первого типа хорошо наблюдаемы, то механизмы второго типа не могут быть систематически наблюдаемы, «поскольку их конкретное пространственно-временное содержание меняется со временем в соответствии с эволюцией самой системы, и ... из-за существующих трудностей в сборе данных межнационального уровня для сравнения» [Ibid., p. 281]. Так, например, во второй половине XX-го в. изменился характер прямых иностранных инвестиций, теперь их основная часть течет между странами ядра, что обостряет возросшую конкуренцию за иностранные инвестиции со стороны неядерных стран. Набор периферийных стран, вовлеченных ядром в процесс производства капитала, также меняется со временем и зависит от потребностей производства (хлопок, металлы, углеводородное топливо, дешевая рабочая сила). «Ненаблюдаемые» (unobservable) механизмы формирования неравенства, как указывают М. Махутга, Р. Квон и Г. Грейнджер, не поддаются обобщению, необходимому для построения теоретической модели. Такой тип механизмов проявляется в ситуациях, связанных с областью принятия решений на уровне государств, например, таких как: заключение союзов между государствами ядра и периферии; подписание долгосрочных международных экономических договоров; организация открытых и тайных политических интервенций; укрепление ориентированных вовне экономических интересов в периферийных странах; идеологическая ориентация государства по отношению к центристскому либерализму ядра; способность государства опереться на международное право с целью подавления мобилизованных низов, выступающих за перераспределение социальных благ и т. д. [Ibid., pp. 281-183].

Следует отметить, что часть механизмов, которые для эконоцентрированных социологов могут показаться «ненаблюдаемыми», становятся очевидными при синтезе миросистемной оптики со средствами анализа из арсенала других, не противоречащих ему теорий. Например, подобрать общие теоретические основания для интерпретации принятого Б. Н. Ельциным решения опереться на крупный, связанный с зарубежным капиталом бизнес и привести к власти олигархию действительно будет затруднительно. В этом и подобных случаях большие результаты могут дать, например, применяемый в исторической науке идеографический метод³ или модель рационального объяснения

---

³ Необходимо отметить, что, описывая уникальную капиталистическую миросистему, И. Валлерстайн снимает дилемму номотетического и идиографического методов. В предисловии к четвертому тому «Мир-система Модерна. Триумф центристского либерализма, 1789–1914» он указывает, что «нашумевшее

У. Дрея. Однако череда военных конфликтов с участием России после распада СССР, а также ее «разворот» с Запада на Восток, не укладывающиеся в рамки миросистемного анализа, но оказывающие влияние на место страны в международной системе разделения труда и динамику социального неравенства внутри общества, могут быть объяснены на основе синтеза миросистемных конструкций с теорией геополитической динамики Р. Коллинза [см.: Изгарская, 2023].

Попытку ответить на вопрос, каким образом неравенства внутри стран и между странами могут быть взаимосвязаны, предприняли А. Дж. Бергесен и М. Бата. Они справедливо отмечают, что данная взаимосвязь «крайне редко исследуется» [Bergesen, 2002, p. 130]. Такое исследование нуждается в соответствующей онтологии, и они ее заимствуют в миросистемном подходе. А. Дж. Бергесен и М. Бата исходят из утверждения о том, что в процессе развития в миросистеме формируются глобальный способ производства и соответствующая ему глобальная классовая система, которые обуславливают состояние глобального неравенства. Рассматривая «неравенство между странами» (измеряемое в различиях показателей ВВП на душу населения между группами стран ядра и не ядра) и «неравенство между людьми» (измеряемое в индексах Джини) как два компонента и две переменные глобального неравенства (с уровнями «высокий» и «низкий»), они выявляют четыре типа их взаимосвязи. В целях визуализации реконструируем эти четыре типа в виде модели (см.: рис. 1).

Первый тип – «большой разрыв между странами и между людьми внутри этих стран». Именно этот тип в большей мере отражает характерное для теории развития экономической отсталости представление о состоянии глобального неравенства. *Второй тип* противоположен первому – «состояние низкого неравенства между странами и между людьми» [Bergesen, 2002, p. 132]. Данный тип, как отмечают А. Дж. Бергесен и М. Бата, «представляет собой идеализированное состояние более эгалитарного мирового порядка» [Ibid.]. Исследуя данные по 72 странам с 1965–1990 гг. А. Дж. Бергесен и М. Бата показали, что существует корреляция показателей «неравенства между странами» и «неравенства между людьми». «Разрыв между странами [ядра и не ядра – С. А. Хлыновская, А. А. Изгарская] увеличивается, разрыв между людьми внутри этих стран также увеличивается, и наоборот, когда разрыв между странами уменьшается, неравенство внутри этих стран также уменьшается» [Bergesen, 2002, p. 132]. Данная взаимосвязь ядра и периферии для миросистемного подхода не является новой. Первая часть тезиса отражает общую тенденцию увеличения дистанции между ядром и периферией. Вторая часть тезиса отражает тенденцию, которая может быть реализована в случае борьбы за эгалитарное общество.

различение между идеографической и номотетической эпистемологией является устаревшим, сомнительным и пагубным для солидного исследования» [Валлерстайн, 2016, с. XI]. Однако следует признать, что микроуровень социальной реальности остается слабо разработанной областью миросистемного подхода, при том, что теоретические построения И. Валлерстайна принадлежат марксистской парадигме и поэтому обладают необходимым для этого потенциалом.

Рис. 1. Типы глобального неравенства А. Дж. Бергесена, М. Бата

В третьем и четвертом типах А. Дж. Бергесен и М. Бата акцентируют внимание на случаях динамики, когда «неравенство между странами» и «неравенство между людьми» движутся в противоположных направлениях. *Третий тип* отражает ситуацию «высокого неравенства между странами, сопровождаемого низким неравенством между людьми внутри этих стран» [Bergesen 2002, p. 132]. В условиях высокополяризованной миросистемы в неядерных странах происходит сближение классов «в общей зональной оппозиции к ядру» [Ibid., p. 141]. Перед общей угрозой «национальные классы и местные социальные группы встают плечо к плечу в общую оппозицию» [Ibid., p. 142]. А. Дж. Бергесен и М. Бата указывают на непродолжительное существование такой динамики в начале 1970-х гг., и они готовы признать, что установленные ими связи данного типа «могут быть ложными» [Ibid., p. 137]. На наш взгляд, причина сомнений авторов кроется в отсутствии исторического анализа ситуации, сложившейся в конце 1960 – нач. 1970-х гг. Это было время, когда вышедшие из колониальной зависимости народы, сформировав национальные государства, начинали требовать изменения мирового порядка, что способствовало интеграции периферийных государств в социалистический лагерь. Борьба систем за влияние в странах третьего мира способствовала притоку туда капитала, и в результате ситуация достаточно быстро изменилась. Однако явление было глобальным и поэтому оно проявилось даже при использовании А. Дж. Бергесеном и М. Бата усредненных данных.

Четвертый тип противоположен третьему – «низкое неравенство между странами и высокое неравенство между людьми» [Bergesen, 2002, p. 132]⁴. При сокращении глобального разрыва в неравенстве, когда капитал устремляется за пределы ядра, элиты неядерных обществ получают возможность встроиться и занять по сравнению с широкими массами более выгодные позиции в системе производства и распределения капитала расширяющейся мир-экономики. Неравенство доходов и утрата элитами чувства национальной солидарности способствуют закреплению поляризации локальных классовых структур на уровне законодательства таких государств.

А. Дж. Бергесен и М. Бата указывают, что случаи динамики третьего и четвертого типов проявляется редко. Однако обращает на себя внимание то, что авторы, во-первых, упрощают структуру миросистемы ядро-полупериферия-периферия и исследуют «только структурное неравенство между богатыми странами ядра и остальным миром» [Bergesen, 2002, p. 134]. Во-вторых, они используют усредненные показатели ВВП на душу населения и индекса Джини для *групп стран* ядра и не ядра⁵, а это должно существенно сглаживать картину соотношения неравенств между обществами и внутри обществ. В действительности можно наблюдать, что одни страны сокращают разрыв и приближаются к лидирующим экономикам, а другие, напротив, начинают увеличивать свое отставание. В реальности мы видим, что в то время как одни национальные экономики включаются в миросистему на уровне периферии, и с течением времени правительства этих стран могут увеличивать внутренний капитал и улучшать уровень жизни населения, другие национальные экономики стагнируют, претерпевают процесс деиндустриализации, а их государства неспособны бороться с ростом неравенства внутри страны. В связи с этим надо полагать, что при анализе отдельно взятых обществ, а не системы в целом, третий и четвертый типы могут встречаться значительно чаще.

А. Дж. Бергесен и М. Бата приходят к выводу относительно динамик последних двух типов: «... глобальный разрыв увеличивается, национальное неравенство для неядерных стран сокращается, а когда глобальный разрыв сокращается, национальное неравенство для неядерных стран увеличивается» [Bergesen, 2002, p. 141]. Этот тезис, имеющий форму «если-то» утверждения, они дополняют выводом о том, что «глобальная оппозиция обеспечивает национальную сплоченность, а уменьшение этой оппозиции усиливает национальные различия» [Ibid., p. 141]. Опираясь на общие идеи о циклах движения капитала в миросистеме [Изгарская, 2022], построим тренд-структуру для этих взаимосвязей (рис. 2), в самых общих чертах опишем ее и кратко поясним полученный результат на примере современной России.

---

⁴ Может показаться, что описание динамики, указывающей на возможность снижения глобального неравенства, противоречит идее И. Валлерстайна о наличии непреодолимого разрыва между ядром и периферией в цикле мир-экономики. На самом деле противоречия нет. И. Валлерстайн не отрицал возможность колебаний в динамике глобального неравенства. Чтобы пояснить характер динамики и изменчивость позиций государств в борьбе за лидерство в миросистеме, он в конце первого тома «The Modern World-System» использует метафору гончих, которые в погоне за зайцем борются за позицию лидера («The hounds are ever to the hares for the position of top dog») [Wallerstein, 1974, p. 350]. Эта метафора была утрачена при переводе четырехтомника И. Валлерстайна на русский язык [ср.: Валлерстайн, 2015, с. 431].

⁵ А. Дж. Бергесен и М. Бата отмечают, что, говоря о «глобальном» или «международном» неравенстве, они имеют в виду «среднюю степень неравенства доходов между странами» [Bergesen, 2002, p. 137].

Рис. 2. Движение капитала и динамика глобального и локального неравенств в миросистеме

Миросистема претерпевает процессы расширения (фаза «А») и сжатия (фаза «Б»). В фазе «А» ее экономическое и территориальное влияние возрастает. Капитал ядра движется на периферию в поисках дешевого сырья и рабочей силы. Глобальное неравенство снижается, но локальное неравенство увеличивается внутри стран ядра (например, в результате вывоза производств растет безработица) и периферии. В ядре проблема локального неравенства менее острая, поскольку механизмы неравного обмена позволяют извлекать дополнительную прибавочную стоимость из экономик периферий и распределить ее так, чтобы снижать классовые противоречия. Местные элиты периферий поддерживают процесс расширения миросистемы. Они действуют или в соответствии с собственными интересами, активизируя стратегию развития экономической отсталости (элиты обогащаются и формируют механизмы, закрепляющие образовавшийся социальный разрыв), или реализуют стратегию зависимого развития (элиты удерживают процесс под контролем и «переключают» потоки капитала посредством реинвестиций в развитие технологий и производство). В условиях первой стратегии немногочисленная экономическая элита ориентирована на усиление интеграции с ядром. При второй стратегии заинтересованный в подключении к системе класс шире и представляет собой владельцев внутреннего капитала, который сформирован при помощи средств контроля и защиты национальных богатств. Обе элиты придерживаются идеи взаимосвязи с ядром, но их идеологии разнонаправлены [см., например: Gagyı, 2016]. В фазе «А» расширяется сотрудничество, привлекательными становятся образцы потребления стран ядра, распространяются ценности центристского либерализма.

Период, последовавший после распада СССР и Варшавского блока, следует отнести к фазе «А». Бывшие советские республики и страны с разницей в сроках, темпах и масштабах интегрировались в глобальные производственные сети [см., например: Mahutga, 2016; Mahutga, Jorgenson, 2016; Clark, 2011]. В борьбе за потоки иностранных инвестиций и за благоприятную нишу на международном рынке они превращались из «братских» в «конкурирующие». Во всех постсоциалистических странах одновременно с этим переходом наблюдался рост неравенства между людьми. При этом неравенство между странами ядра и периферии в этот период снижалось [Clark, 2011, р. 589]. Данная ситуация соответствует четвертому типу соотношения неравенств А. Дж. Бергесена и М. Бата.

В процессе встраивания Россия смогла сохранить полупериферийные позиции, но на рынках ядра она специализировалась на поставках природных ресурсов, товарах с низкой добавленной стоимостью. Экономическая элита активно интегрировала российскую экономику в миросистему. Основной акцент в развитии был сделан на механизм иностранных инвестиций, значительная часть которых представляла «собой реинвестиции российских компаний, выводящих прибыли в оффшорные юрисдикции» [Головнин, Лобанов, 2012, с. 19]. Представители российского бизнеса, ориентированного на внутренний рынок, не получали достаточной поддержки от российского государства. В стране возобладала стратегия развития экономической отсталости, была создана сверхцентрализованная система концентрации капитала, которая блокировала развитие большинства внутренних периферий [Безруков, 2018; Безруков, 2020]. В результате, как отметили Е. В. Реутов, В. М. Захаров и М. Н. Реутова, социальное неравенство стало одним из «значимых и очевидных вызовов целостности социальной ткани российского общества» [Реутов и др., 2018, с. 33].

Следует отметить, что российское государство исторически было способно расширять свое влияние на соседние области и государства, которые уступали ей в размере территории и ресурсах⁶. В «тучные годы» первого десятилетия XXI в., накопив ресурсы на основе природной ренты, Россия стала реализовывать свое геополитическое преимущество. В результате экономическая стратегия развития страны, предполагающая ее встраивание в глобальные сети и зависимость от импорта, вошла в противоречие с геополитическими возможностями российского государства. Санкции государств ядра и их союзников являются попытками ограничить доступ государства-возмутителя спокойствия к самым богатым рынкам и самым передовым технологиям⁷. Произошел отток иностранного капитала, был нанесен значительный ущерб российской экономической элите и поставлены под удар созданные государством международные резервы. Ориентированный на внутренний рынок бизнес также оказался в сложной ситуации, т.к. политика импортозамещения, о которой говорили долгие годы, полноценного развития на тот момент не получила. Хотя ресурсы пошли внутрь страны. В условиях специальной военной операции российское государство стало активно финансировать затраты на военные нужды, восстанавливать военное производство, в ряде отраслей стали расти зарплаты. Не на уровне

⁶ В соответствии с первым геополитическим принципом Р. Коллинза: «Преимущество в размерах и ресурсах благоприятствует территориальной экспансии» [Коллинз, 2015, с. 82].

⁷ Этот механизм был описан Дж. Арриги в 1990 г. [Martin, 1990, р. 11-44].

системы в целом, а на уровне взаимосвязей ядра с одним из геополитически влиятельных государств – Россией, стало формироваться неравенство, характерное для третьего типа А. Дж. Бергесена и М. Бата.

В фазе «Б» прибыль в периферийных зонах снижается, причины этого различны в разных циклах миросистемы. Важнейшей причиной оттока капитала становится появление в миросистеме мощных центров силы, способных не только конкурировать, но и бросить вызов сформированному ядром глобальному порядку. Обострение ситуации ведет к оттоку большей части капитала в менее уязвимое пространство миросистемы, каким является экономика стран ядра. В результате глобальное неравенство возрастает, а локальное неравенство на периферии в результате исчезновения источника обогащения элит снижается, в такой ситуации политика противостояния ядру становится возможной. Эта фаза давно ожидаема в науке [см.: Есть ли будущее у капитализма ..., 2015], но факты таковы, что необходимо констатировать: фаза «Б» еще не наступила, и это объясняет отсутствие со стороны формирующихся новых центров поддержки вызова, который брошен системе российской политической элитой.

Выводы. Возникший в 1970-е гг. в работах И. Валлерстайна подход открыл новый горизонт анализа проблем, давно описанных социальными науками. При этом следует признать, высота миросистемной перспективы сегодня не гарантирует четкого виденья взаимосвязей структур и противоречий развития современных обществ. Часто миросистемная оптика позволяет видеть лишь смутные контуры проблемы, что требует усилий по совершенствованию познавательного инструментария. Нельзя сказать, что миросистемные исследования социального неравенства обрели форму зрелой научной теории. Однако даже сейчас миросистемный подход позволяет более полно, с позиции совокупности внешних и внутренних факторов оценить особенности ситуации, в которой оказалось российское общество. Возникает понимание опасности того, что социальное неравенство в России действительно будет снижаться, но не в результате накопления внутреннего капитала и роста благосостояния населения.

Список литературы / References

Арриги, Дж. (2006). *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего.

Arrighi, J. (2006). *The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Time*. Moscow. (In Russ.)

Безруков, Л. А. (2018). Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири). [Электронный ресурс]. *Региональные исследования*. № 2. С. 79-89. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35417473_37052132.pdf (Дата обращения: 20.05.2022).

Bezrukov, L. A. (2018). Institutional Factor of Interregional Imbalances in Russia (Using the Example of Siberia). [Online]. *Regional Studies*. No. 2. Pp. 79-89. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_35417473_37052132.pdf. (Accessed: 20 May 2024). (In Russ.)

Безруков, Л. А. (2020). Трансформация структур хозяйства и населения Сибири на постсоветском этапе. *География и природные ресурсы*. № 4. С. 25-36. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-4(25-36).

Bezrukov, L. A. (2020). Transformation of the Structures of the Economy and Population of Siberia at the Post-Soviet Stage. *Geography and Natural Resources*. No. 4. Pp. 25-36. (In Russ.)

Валлерстайн, И. (2001). *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Изд-во «Университетская книга».

Wallerstein, I. (2001). *Analysis of World-Systems and the Situation in the Modern World*. St. Petersburg. (In Russ.)

Валлерстайн, И. (2015). *Мир-система Модерна. Т. I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.

Wallerstein, I. (2015). *The World-System of Modernity. Vol. I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Moscow. (In Russ.)

Валлерстайн, И. (2016). *Мир-система Модерна. Т. IV: Триумф центристского либерализма. 1789-1914*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.

Wallerstein, I. (2016). *The World-System of Modernity. Vol. IV. The Triumph of Centrist Liberalism. 1789-1914*. Moscow. (In Russ.)

Головнин, М. Ю., Лобанов, М. М. (2012). Инвестиционное взаимодействие России со странами «пояса соседства». *Российский внешнеэкономический вестник*. № 1. С. 17-31.

Golovnin, M. Yu., Lobanov, M. M. (2012). Investment Interaction between Russia and the Countries of the “Neighborhood Belt”. *Russian Foreign Economic Journal*. No. 1. Pp. 17-31. (In Russ.)

Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. (2015). М.: Изд-во Института Гайдара.

Does Capitalism Have a Future? Collection of Articles by I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derlugyan, K. Calhoun. (2015). Moscow. (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2022). Динамика политической гегемонии в циклах современной миросистемы. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 96-105. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.96-105.

Izgarskaya, A. A. (2022). Dynamics of Political Hegemony in the Cycles of the Modern World System. *Respublica Literaria*. Vol. 3. No. 3. Pp. 96-105. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.96-105. (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2023). Геополитические и миросистемные факторы территориальной динамики современной России. *Власть*. Т. 31. № 5. С. 9-22. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9773.

Izgarskaya, A. A. (2023). Geopolitical and World-System Factors in the Territorial Dynamics of Modern Russia. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 31. No. 5. Pp. 9-22. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9773. (In Russ.)

Коллинз, Р. (2015). *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС: ЛЕЛАНД.

- Collins, R. (2015). *Macrohistory: Essays in Sociology of Long Run*. Moscow. (In Russ.)
- Миланович, Б. (2017). *Глобальное неравенство: новый подход для эпохи глобализации*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Milanovic, B. (2017). *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Moscow. (In Russ.)
- Реутов, Е. В., Захаров, В. М., Реутова, М. Н. (2018). Социальное неравенство в российском обществе: характер и особенности восприятия. *Власть*. Т. 26. № 6. С. 28-34. DOI: 10.31171/vlast.v26i6.5885.
- Reutov, E. V., Zakharov, V. M., Reutova, M. N. (2018). Social Inequality in Russian Society: Nature and Characteristics of Perception. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 26. No. 6. Pp. 28-34. DOI: 10.31171/vlast.v26i6.5885. (In Russ.)
- Alderson, A. S., Nielsen, F. (1999). Income Inequality, Development, and Dependence: A Reconsideration. *American Sociological Review*. Vol. 64. Pp. 606-631. DOI: 10.2307/2657259.
- Amin, S. (2003). World Poverty, Pauperization and Capital Accumulation. [Online]. *Monthly Review*. Vol. 55. Iss. 5. Pp. 1-9. Available at: <https://monthlyreview.org/2003/10/01/world-poverty-pauperization-capital-accumulation> (Accessed: 31 May 2024).
- Beer, L., Boswell, T. (2002). The Resilience of Dependency Effects in Explaining Income Inequality in the Global Economy: A Cross National Analysis, 1975-1995. *Journal of World-Systems Research*. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 30-59. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwsr.2002.277>.
- Bergesen, A. J., Bata, M. (2002). Global and National Inequality: Are They Connected? *Journal of World-Systems Research*. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 130-142.
- Cardoso, F. (1973). Industrialization, dependency and power in Latin America. *Berkeley Journal of Sociology*. Vol. XVII. Pp. 79-95.
- Chase-Dunn, Ch. (1998). *Global Formation. Structures of the World-Economy, Update Edition*. Oxford. Rowman & Littlefield Publishers.
- Ciccantell, P. S., Bunker, S. (2002). International Inequality in the Age of Globalization: Japanese Economic Ascent and the Restructuring of the Capitalist World-Economy. *Journal of World-Systems Research*. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 62-98. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwsr.2002.275>.
- Clark, R. (2011). World Income Inequality in the Global Era: New Estimates, 1990-2008. *Social Problems*. 2011. Vol. 58. No. 4. Pp. 565-592. DOI: 10.1525/sp.2011.58.4.565.
- Derudder, B., Witlox, F. (eds.). (2010). *Commodity Chains and World Cities*. Oxford. Blackwell Publishing Ltd. Global Networks Partnership.

Drwenski, M. (2014-2015). Data on Inequality and the Inequality of Data: The Last Two Centuries. *Journal of World-Historical Information*. Vol. 2-3. No. 1. Pp. 71-78. DOI: 10.5195/jwhi.2015.15.

Frank, A. G. (1989). The development of underdevelopment. [Online]. *Monthly Review*. Vol. 41. Iss. 2. Pp. 37-54. Available at: https://monthlyreviewarchives.org/index.php/mr/article/view/MR-018-04-1966-08_3 (Accessed: 21 May 2024).

Gagyi, A. (2016). «Coloniality of power» in East Central Europe: external penetration as internal force in post-socialist Hungarian politics. *Journal of World-Systems Research*. Vol. 22. No. Pp. 349-372. DOI: 10.5195/jwsr.2016.626.

Gustafsson, B., Johansson, M. (1999). In Search for Smoking Guns: What Makes Income Inequality Vary over Time in Different Countries? *American Sociological Review*. Vol. 64. Iss. 4. Pp. 585-605. DOI: 10.1177/0003122499064004.

Herkenrath, M., Bornschie, V. (2003). Transnational corporations in world development: still the same harmful effects in an increasingly globalized world economy? *Journal of World-Systems Research*. No. 9. Pp. 105-139. DOI: 10.5195/jwsr.2003.246

Hopkins, T. K., Wallerstein, I. (1994a). Commodity Chains: Construct and Research. In Gereffi, G., Korzeniewicz, M. (eds.). *Commodity Chains and Global Capitalism*. London. Greenwood Press Imprint of Greenwood Publishing Group. Pp. 17-20.

Hopkins, T. K., Wallerstein, I. (1994b). Conclusions about commodity chain. In Gereffi, G., Korzeniewicz, M. (eds.). *Commodity Chains and Global Capitalism*. London. Greenwood Press Imprint of Greenwood Publishing Group. Pp. 48-50.

Hornborg, A., McNeill, J. R., Martinez-Aller, J., Wallerstein, I. (eds.). (2007). *Rethinking Environmental History. World-System History and Global Environmental Change*. N. Y. Altamira Press.

Irrarázaval, F., Arias-Loyola, M. (eds.). (2021). *Resource Peripheries in the Global Economy Networks, Scales, and Places of Extraction*. Cham. Springer.

Jones, T.-A., Mielants, E. (eds.). (2010). *Mass Migration in the World-System: Past, Present, and Future*. N. Y. Routledge.

Kentor, J., Sanderson, M. R. (2016). Foreign Investment, Political Corruption, and Internal Violence: A Structural Analysis. 1970-1995. In Wallerstein, I., Chase-Dunn, C., Suter, C. (eds.). *Overcoming Global Inequalities*. N. Y. Routledge. Pp. 48-60.

King, A. D. (ed.). (1991). *Culture, Globalization and the World-System Contemporary Conditions for the Representation of Identity*. N. Y. Palgrave.

Korzeniewicz, R. P., Moran, T. P. (2009). *Unveiling Inequality. A World-Historical Perspective*. N. Y. Russell Sage Foundation.

Korzeniewicz, R. P. (ed.). (2018). *The World-System as Unit of Analysis*. N. Y. Routledge.

Lee, C-S., Nielsen, F., Alderson, A. S. (2007). Income Inequality, Global Economy and the State. *Social Forces*. Vol. 86. Pp. 77-111. DOI: 10.1353/sof.2007.0102.

Lloyd, P., Mahutga, M. C., Leuw, J. De. (2009). Looking Back and Forging Ahead: Thirty Years of Social Network Research on the World-System. *Journal of World-Systems Research*. No. 15. Pp. 48-85. DOI: 10.5195/jwsr.2009.335.

Mahutga, M. C. (2016). Theoretical Holism in the Sociology of Development: Another Look at Foreign Direct Investment, Private Markets and Earnings Inequality during Post-Socialist Transition. *Sociology of Development*. Vol. 2. No. 1. Pp. 1-24. DOI: 10.1525/sod.2016.2.1.1.

Mahutga, M. C. Jorgenson, A. K. (2016). Production Networks and Varieties of Institutional Change: The Inequality Upswing in Post-Socialism Revisited. *Social Forces*. Vol. 94. No. 4. Pp. 1711-1741. DOI: 10.1093/sf/sow012.

Mahutga, M. C., Kwon, R., Grainger, G. (2011). Within-Country Inequality and the Modern World-System: a Theoretical Reprise and Empirical First Step. *Journal of World-System Research*. Vol. 17. No. 2. Pp. 279-307. DOI: 10.5195/jwsr.2011.417.

Martin, W.G., Wallerstein, I. (eds.). (1990). *Semiperipheral States in the World-Economy*. N. Y. American sociological association. Greenwood Press. Pp. 11-44.

Mielants, E., Bardos, K. S. (eds.). (2021). *Economic Cycles and Social Movements. Past, Present and Future*. N. Y. Routledge.

O'Hearn, D., Ciccantell, P. S. (eds.). (2022). *Migration, Racism and Labor Exploitation in the World-System*. N. Y. Routledge.

Santos, T. (1970). The structure of dependence. [Online]. *American economic review*. Vol. 60. No. 2. Pp. 231-236. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1815811> (Accessed: 31 May 2024).

Santos, Th. (2011). *Imperialismo y Dependencia*. Caracas. Biblioteca Ayacucho. (In Spanish).

Sassen, S. (2008). Neither Global nor National: Novel Assemblages of Territory, Authority and Rights. *Ethics & Global Politics*. Vol. 1. No. 1-2. Pp. 62-68. DOI: 10.3402/egp.v1i1.1814.

Smith, D. A. (2018.). World-System Zones in the 21st Century Beyond Core and Periphery, Who Fits Where? In Boatcă, M., Komlosy, A., Nolte, H.-H. (eds.). *Global Inequalities in World-Systems Perspective: Theoretical Debates and Methodological Innovations*. Political Economy of the World-System Annuals. Pp. 3-18.

Van der Merwe, J., Dodd, N. (eds.). (2019). *The Political Economy of Underdevelopment in the Global South. The Government-Business-Media Complex*. Palgrave Macmillan.

Wallerstein, I. (1974). *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. N. Y. Academic Press.

Worth, O., Moore, Ph. (eds.). (2009). *Globalization and the «New» Semi-Peripheries*. London. Palgrave Macmillan.

Информация об авторах / Information about the authors

Хлыновская Софья Александровна – преподаватель-исследователь по специальности «история философии», магистр философии, учитель Общеобразовательной школы «Просвещение», преподаватель кафедры международных отношений и глобального сотрудничества Сибирского института управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, e-mail: s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7117-0619>

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Статья поступила в редакцию: 10.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 01.10.2024

Khlynovskaya Sofia – Predoctoral Research in the specialty «History of Philosophy», Master of Philosophy, teacher of the General Education School «Prosveshchenie», Lecturer at the Department of International Relations and Global Cooperation, Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Nizhegorodskaya Str., 6, e-mail: s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7117-0619>

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

The paper was submitted: 10.08.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 01.10.2024

УДК 316.334

УСТОЙЧИВОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИИ: ИНТЕГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В. С. Шмаков

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vsshmakov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема устойчивого социокультурного развития локальных сообществ как формирующаяся парадигма трансформации евразийского социокультурного пространства с учетом особенностей формирования процессов интеграции / дезинтеграции. К основным детерминантам, обуславливающим устойчивое социокультурное развитие, относим усиление давления глобализации, стимулирующее проявление универсализации и локализации социокультуры, нарушение равновесия, гармонии сочетания традиционных ценностей и инноваций. Проблема устойчивого развития социокультуры, социокультурной идентичности, заключается, прежде всего, в необходимости учитывать интересы локальных сообществ в решении социально-экономических проблем соотносительно с «большим миром», в целях предотвращения социокультурных дисфункций, потери социокультурной идентичности, конвергенции социокультурных смыслов, маркеров, генерирующих жизненные мотивации.

Ключевые слова: социокультурная динамика, устойчивое развитие, локальность, интеграция, дезинтеграция, идентичность.

Для цитирования: Шмаков, В. С. (2024). Устойчивое социокультурное развитие Евразии: интеграционный аспект. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 172-183. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.172-183

SUSTAINABLE SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF EURASIA: THE INTEGRATION ASPECT

V. S. Shmakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vsshmakov@gmail.com

Abstract. The article considers the problem of sustainable socio-cultural development of local communities as an emerging paradigm of transformation of the Eurasian socio-cultural space, taking into account the peculiarities of the formation of integration/disintegration processes. The main determinants of sustainable socio-cultural development include the increasing pressure of globalization, stimulating the manifestation of universalization and localization of socio-culture, imbalance, harmony of the combination of traditional values and innovations. The problem of sustainable development of socio-culture, socio-cultural identity, lies primarily in the need to take into account the interests of local communities in solving socio-economic problems in relation to the “big world”, in order to prevent socio-cultural dysfunctions, loss of socio-cultural identity, convergence of socio-cultural meanings, markers that generate life motivations.

Keywords: socio-cultural dynamics, sustainable development, locality, integration, disintegration, identity.

For citation: Shmakov, V. S. (2024). Sustainable Socio-cultural Development of Eurasia: The Integration Aspect. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 172-183. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.172-183

Глобализация, совершая модернизирующее воздействие на производственно-экономические отношения, трансформируя социальную структуру локальных сообществ, определяет условия эволюции социокультурного пространства Евразии. В поворотные эпизоды развития драматически актуализируется проблема взаимодействия, столкновения «своих» и «чужих» социокультур, требующих принятия и закрепления пришлых социокультурных норм и обычаев. Актуализируются движения, обуславливающие необходимость мотивировки и усвоения новых производственно-экономических и социокультурных моделей, идеалов и ценностей. В процессе модернизации темпы социокультурной динамики обретают большую скорость. Либерализация оказывает влияние на трансформацию традиционной социокультурной картины мира, генерируются и институционализируются практики и нормы жизни, не свойственные локальному сообществу, эволюционируют традиционные принципы и правила.

Геополитическая концепция евразийцев инициировала необходимость анализа проблемы корреляции «народности» и «территории», методологически выделив принцип «месторазвития», ставший основой теоретических положений евразийства, перечеркнув довлеющие позиции «европоцентризма». Евразийцы, визуализируя баланс переплетения, симбиоза территориальных и национальных аспектов жизнедеятельности социумов, предложили способ мирного сосуществования, определив ключевым критерием уважение и сотрудничество, коммуникации субкультур, не принимая положение о разделении народов на «культурные» и «некультурные» [Савицкий, 2002; Трубецкой, 2003]. В этом смысле евразийская идея, интерпретирующая сущность Евразии как суммы сложных групповых, этнических и социокультурных противоречий и взаимодействий «центростремительных и культуурообразующих сил», соответствует концепции устойчивого развития как модели движения цивилизации, основывающейся на потребности сохранения равновесия в решении экономических и социокультурных проблем, сбережения природы и поддержания традиционной культуры и идентичности. В методологическом плане евразийцы, вербализируя геополитическую концепцию развития Евразии в контексте многолинейности исторического развития, рассматривая проблему локальных и глобальных взаимоотношений и взаимодействий социумов, заостряли внимание на том, что социокультурные локальности, являющиеся органичным компонентом цивилизации, обладают своеобразием и уникальностью, формирующими концептуальный образ ее локального пространства, опирающийся на устойчивое развитие.

Мы полагаем, что проблема неоднозначности влияния глобализации на эволюцию евразийского социокультурного пространства в совокупности с внутренними и внешними факторами, формирующими разноплановый комплекс жизнедеятельности, детерминирует проблему сохранения традиционной культуры. Социокультурная идентичность обозначается краеугольным камнем в процессе достижения устойчивого развития Евразии. Выявление тенденций трансформации евразийского пространства дает возможность констатировать основные факторы и критерии универсализации и локализации социокультурной среды. Очерчивание основополагающих принципов объяснения и понимания динамики эволюции культуры и социальности позволяет установить источники, причины и следствия нарастания межнациональных напряжений, с учетом влияния традиций и новаций, инкорпорируемых в развитие локального сообщества.

Социокультурная трансформация как интегративный, многоплановый процесс, охватывающий совокупную структуру деятельности локальных сообществ в условиях поиска и смены жизненных стереотипов, углубляет проблему сохранения приоритетов стабильности и защищенности, детерминируя актуальность исследования устойчивого развития социокультурной среды локальных сообществ. Во-первых, это непреложность сохранения традиционной социокультуры. Во-вторых, актуализируется тема самоидентификации и определения места Российской Федерации в евразийском пространстве и в мировой политике. В-третьих, растущая аккумуляция, проявляющаяся в тенденции трансформации культуры и социальности в сторону европеизации, объективирует ситуацию, связанную с возникновением новых социально-экономических, политических и мировоззренческих ориентаций, смыслов и ценностей, акцентируя необходимость их понимания и обоснования. В-четвертых, проявление признаков социокультурного кризиса в условиях модернизации, порожденного в процессе взаимодействия традиции и новаций, инициирует потребность сохранения традиционной социокультуры, социокультурной идентичности. В этом контексте идентичность определяется как комплекс, общность ключевых традиционных ценностей, стереотипов, ментальных особенностей, позиционирующих принадлежность к локальному сообществу. В-пятых, концепция устойчивого развития, как сформулированная модель жизнедеятельности социума, содержит в основе эволюции локальных сообществ программу, обращенную на человека и предполагающую обязательность поддержания стабильности социокультурных систем. Как подчеркивает В. С. Степин: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [Степин, 2017, с. 10].

Социокультурная динамика охватывает ключевые конструкты локальных сообществ, обуславливает трансформацию социокультурной среды как процесс, сочетающий в своем движении модерн, традицию и архаику, составляющие основу эволюционирующей базовой структуры традиционного локального сообщества. Трансформационные изменения, дифференцируя стержневые конструкции традиционного локального сообщества, порождают систему, сочетающую традицию и модерн, отражая интересы и потребности членов сообщества, соответствуя меняющимся производственно-экономическим условиям и социокультурным практикам. Одним из наиболее актуальных объектов социокультурных исследований является проблема перехода от традиционного общества к модернизирующемуся. Подчеркивается, что в процессе социокультурной эволюции реализуется сосуществование разнонаправленных тенденций интеграции и дифференциации, отражающих неоднозначное состояние традиционной культуры и социальности под влиянием глобализации. В этом смысле трансформационные изменения подвергают состояние социокультурной среды вариативности и неустойчивости [Емелин, Тхостов, 2015; Марков, 2017; Липец, 2018].

В условиях возрастающего взаимодействия и взаимовлияния социокультур модифицируется комплекс производственно-экономической деятельности, оказывая воздействие на трансформацию социальной структуры социума, провоцируя нарастание внутренних противоречий. В свое время Э. Тоффлер отметил, для того, чтобы выжить

в словиях футурошока, «индивид... должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни – религия, нация, общность, семья или профессия – уже шатаются под ураганным натиском силы ускорения» [Тоффлер, 2002, с. 48]. Что и было воспроизведено в период «перестройки» и 90-х гг. В ходе социокультурной эволюции активизируются процессы модификации традиционных ценностей, норм и стереотипов жизнедеятельности социума, идет переоценка смыслов и побуждений формирования различных аспектов жизнедеятельности, подстегивается движение адаптации к условиям, требующим смены традиционных основополагающих ориентаций. В этом смысле Э. Гидденс подмечает, что «традиция, лишённая содержания и подвергшаяся коммерциализации, превращается либо в часть исторического наследия, либо в китч – безделушку из сувенирного магазина в аэропорту» [Гидденс, 2004, с. 60-61]. В нашем случае выбор за участниками процесса. В целом же можно подчеркнуть, отказ от традиционных ценностей, доминирование инновационного слоя в социокультуре, нарушение баланса между традициями и новациями свидетельствует о том, что социокультурная среда подвержена кризисным явлениям, и это способствует активизации конфликта локального и глобального. Развитие социокультурного пространства обретает свойства нелинейности и разграничения [Шмаков, 2023].

К знаковым характеристикам модели евразийского социокультурного развития можно отнести, во-первых, евразийское социокультурное пространство – интегративный феномен, который обладает комплексностью и многофункциональностью, проявляется как разнонаправленное, мультиконфессиональное и многофакторное явление, реализующийся на вариативных уровнях и в различных подходах, включая смысловой и поведенческий. Объединяющие тенденции проявляются во многих областях жизнедеятельности локальных сообществ: рынок, транспорт и связь, проблемы экологии и демографии, и др. В то же время борьба за рынки сбыта, ресурсы, обострение проблемы «свой – чужой» углубляют систему противоречий, интенсифицируя дифференциацию локальных сообществ, подвергая разрушению традиционную социокультурную среду. Во-вторых, эволюция социокультурного пространства локальных сообществ актуализирует процесс взаимозависимостей и взаимодействий глобальности и локальности. В ходе коммуникаций возникает нарушение равновесия, гармонии сочетания традиционных ценностей и инноваций, возникает своеобразный конфликт, стимулирующий возникновение кризисных явлений в развитии социокультуры. В-третьих, генерируется двойственное положение, связанное с универсализацией и локализацией социокультурной среды. Интеграция традиционного и нового порождает проявление в динамике культуры и социальности тенденций, побуждающих формирование гибридных моделей социокультурного развития, отвечающих запросам разноплановых слоев социума. Доминирующим направлением становится унификация социокультурной среды. В-четвертых, явления социокультурного кризиса обуславливают утрату идентификаций, дезориентируя сообщества в выборе ценностных ориентаций, видоизменяя, перестраивая социокультурные смыслы, маркеры, специфицируя жизненные мотивации. В ходе модификации социальной структуры кристаллизуются противоречия внутри локального сообщества, трансформируются межличностные отношения, разрушается национальная консолидация и межнациональные взаимодействия.

Движение к многополярному миру приблизило цивилизацию к переломному моменту развития. Обострение международных отношений в борьбе за природные ресурсы и человеческий капитал активизирует проблему интеграции и дезинтеграции мирового пространства [Инглхарт, Вельцель 2011; Супян, 2018; Décieux, 2021; Колядко, 2022]. Механизмы глобализации, оказывая модернизирующее воздействие на трансформацию локальных сообществ евразийского пространства, с одной стороны, улучшают систему жизнедеятельности части жителей социума, но, с другой стороны, ослабляют устойчивое положение традиционной социокультуры, дезинтегрируя социокультурное пространство. Давление глобализации на социокультурную динамику локальных сообществ продуцирует формирование социокультурных тенденций, характеризующих явления трансформации социокультурной среды, вызывает возрастание влияния либеральных интегрированных социокультурных моделей. В ходе социокультурной эволюции накапливается социокультурная нестабильность и напряженность не только на уровне глобальное / локальное, но и внутри локального сообщества, захватывая и социокультурное пространство Евразии. В процессе взаимодействия обозначаются направления движения, выступающие в качестве реакции сообществ на влияние глобализации, стимулирующие сохранение традиционных ценностей и побуждающие к установлению отношений сотрудничества, к созиданию идентификационных конструкторов. Как вполне объективно обозначили Э. Хобсбаум и Т. Рейнджер, иногда можно обнаружить «переизобретение традиций», апеллируя к историческому прошлому [Hobsbawm, Ranger, 1983]. При этом подчеркнем, что очевидность наличия возможности отмирания, стирания локальных социокультур очень даже реальна. Так называемые «носители свободы» это проделывали уже неоднократно, не особо краснея за полученные результаты, слегка смущаясь проблемы возникновения опасности созревания «свободного человека будущего» в контексте «славного дикого запада». В продолжение традиции евразийской социально-философской мысли получила развитие идея отображения интеграции как оригинального явления, объединенного сложившимися производственно-экономическими, социокультурными отношениями и взаимодействиями на евразийском гео-социокультурном пространстве [Пивовар, 2008; Арпентьева, 2019; Соколова, 2019; Ефимова, Хохлова, 2020.].

В социокультурном дискурсе проблемы интеграции могут быть обобщены следующим образом.

1. В масштабах социокультурных взаимодействий в условиях социально-экономического расслоения и роста социального неравенства и дискриминации образование конфликтных ситуаций неизбежно.

2. Возникающее стремление к универсализации, всеобщности в процессе интеграции вполне способно вызвать к жизни практики обезличивания традиционных ценностей, в конечном итоге сведения к минимуму, «забыванию».

3. Интеграция, как процесс становления, инициации, возникновения конструктивных перемен, стимулирует позитивные трансформации социокультурного пространства, обладающего историко-культурными ценностями, обеспечивающими сохранение духовно-этического, традиционного постулата, и не является системой, отрицающей необходимость сохранения социокультурной идентичности.

Отметим, выделенные мотивы влияния интеграции инспирируют проявление социокультурной напряженности в локальных сообществах, которая усугубляется столкновениями «своей и чужой» социокультуры. Особенно в условиях «приниженного»

положения локального сообщества, представляющего себя потерпевшим. Вопрос в том, в каких условиях, на каком уровне социокультурная интеграция, при адекватном подходе, допускает определенную степень социокультурной обособленности, а не полную изоляцию традиционных ценностей локальных сообществ. Выбор формы, процедуры интеграции как концепции, методологии анализа эволюции социокультурного пространства, должен способствовать сохранению традиционных социокультурных ценностей, устойчивости и целостности локальных сообществ, при этом обеспечивать создание реальной системы взаимодействия локальных социокультур во всех сферах жизнедеятельности с внешней средой. В значительной степени интеграция и дезинтеграция представляют собой процессы эволюции социокультурного пространства в условиях кардинально меняющегося мира. Складываются условия соприкосновения, взаимопроникновения, взаимодействия социокультурных ценностей, обладающих существенными различиями традиций, обычаев, норм и правил. Пожалуй, настолько масштабная интеграция социокультурного пространства еще не отмечалась в истории.

По существу, глобализация, мировоззрение либерализма и постмодернистских принципов жизнедеятельности не создают условия цивилизационной устойчивости, оказывая отрицательное воздействие на проблему сохранения социокультурной идентичности. В этом случае социокультурная идентичность является одним из основных факторов, определяющих динамику процессов интеграции \ дезинтеграции и актуализирующих проблему трансформации системы традиционных ценностей, смыслов и побуждений локальных сообществ с культурно-исторической, аксиологической, духовно-нравственной точки зрения. Анализируя процесс влияния глобализации на трансформацию социокультурных ценностей, Р. А. Данакари акцентирует: «народы Земли не только не согласятся с дальнейшим стремлением развитых стран навязать им уродливые формы глобализации, установить “новый мировой порядок” по-американски, но и неизбежно встанут на борьбу за свои права и свободы, в защиту национальной культуры и этнической идентичности. Все это делает дальнейшую судьбу человечества более опасной и непредсказуемой» [Данакари, 2007, с. 21]. И снова социум стоит перед выбором. Отметим, что если интенсификация процессов интеграции стимулирует кризис идентичности, то в движении разрушаются конструкции, регулирующие процессы идентификационного алгоритма, реконструируются механизмы распознавания «своих» и «чужих», что провоцирует обострение отношений глобального и локального, акцентируя проблему идентичности. Очевидно, что ценностные дифференциации вносят достаточно большой вклад во внутреннее деление локального сообщества по экономическим, конфессиональным, нравственно-эстетическим, ментальным, возрастным основаниям.

В самом общем виде идентичность характеризуется как целостный набор признаков, качеств, ключевых традиционных ценностей, закладывающих отличительные особенности, принципы мировосприятия, стереотипы поведения, указывающие на принадлежность личности, социальной группы к социокультурному локальному сообществу. Идентичность, как совокупность устойчивых свойств, элементов исполняет объединяющую роль по сохранению, объяснению и популяризации социокультурных ценностей социума. Глобализация породила напряжения в сфере экономики, культуры и социальности, подчеркнув проблему социокультурной локальности и глобальности, вызвав актуализацию проблемы идентичности, создав угрозу устойчивому социокультурному развитию локальных сообществ. Процессы глобализации активизируют тенденции дифференциации

и диверсификации социокультурного пространства, оттеняя социокультурный контекст политики интеграции локальных сообществ Евразии. Заметим, например, Ф. Фукуяма, отойдя от созерцания «конца истории», активно апеллирует к проблеме дискриминации понятий идентичности, достоинства, души и т. д. [Fukuyama, 2019]. Процессы целенаправленного воздействия систем мировых социокультурных коммуникаций генерируют кризисные явления в социокультурной динамике локальных сообществ, что предрасполагает к развитию конфликта модернизации и традиционализма, разрушая устойчивое развитие локальных сообществ.

Концепция устойчивого развития сложилась в формате своеобразной модели, закладывающей перспективы мирового процесса, мысля основой цивилизации целостное интегративное решение экономических, социальных проблем, в контексте сохранения природной среды. В этом смысле, устойчивое развитие есть процесс выравнивания уровня жизни, создание равноправных отношений к природным ресурсам, сохранение окружающей среды, удовлетворение жизненных потребностей населения.

В отчете о глобальных рисках за 2019 г. определяется два основных положения касательно проблемы устойчивого развития. Глобализация радикально изменила состояние мировой системы, формируя положение дивергенции. Возникающие широкомасштабные риски обостряют политическое и социально-экономическое противостояние. Внутриполитическая и экономическая поляризация, дискриминация в отношении к природным ресурсам и средствам к существованию усугубляют межнациональные и межконфессиональные отношения, способствуя усилению кризисного состояния цивилизации. Слабоуправляемые процессы трансформации мирового развития осложняют поиск ответов на глобальные вызовы в социально-экономических проблемах, возможности защиты окружающей среды, включая социокультурные, этические и этнические направления [The Global Risk..., 2019].

В этом контексте, устойчивое развитие необходимо рассматривать в ключе формирования многополярного мира, как основную идею движения человечества, затрагивающую проблемы, в том числе и социокультурного развития. Есть два вектора динамики. С одной стороны, существует реальная опасность утраты традиционных социокультурных ценностей, норм и принципов жизнедеятельности в пользу «удобных, правильных, цивилизованных» линий жизни. С другой стороны, отказ от социокультурных традиций грозит потерей базовых социокультурных ценностей, нравственных установок, программирующих смыслы и побуждения жизнедеятельности локальных сообществ. Следует помнить, что влияние «чужих» ценностей на традиционную социокультуру будет продолжаться и, в конечном счете, утвердится основной причиной зарождения конфликтов и не только в социокультурной среде. В этой ситуации акцентируется необходимость осуществления равноправного сотрудничества и взаимодействия социокультур, предоставления свободы выражения многообразия. Как в свое время отметил К. Леви-Стросс: «необходимость сохранить разнообразие культур в мире, которому угрожают монотонность и униформность, конечно, не оставлена вниманием международных институтов. Они также понимают, что для достижения этой цели будет недостаточным лелеять локальные традиции и предоставить отсрочку минувшему. Надо спасти факт разнообразия». И далее: «Единственное, чего мы могли бы пожелать в адрес этого разнообразия (созидающего для каждого индивида соответствующие обязанности), – чтобы оно реализовывалось в таких формах, каждая из которых была бы вкладом, способствующим

наибольшей щедрости других» [Леви-Стросс, 2011]. В этом смысле, используя терминологию К. Леви-Стросса, заострим, социокультурная среда представляется исключительной особенностью развития социокультурного пространства локальных сообществ, ее роль состоит в формировании смыслов и оснований жизнедеятельности социума. С нашей точки зрения проблема сохранения разнообразия социокультурной сферы тесным образом связана с идеей устойчивого развития. Сама практика применения концепта «устойчивое развитие» подтверждает, что при анализе проблемы социокультуры, отчетливо проявляются вопросы социокультурного контекста процессов интеграции / дезинтеграции социокультурного пространства. Подчеркнем актуальность рассмотрения эволюции культуры и социальности как не менее важного аспекта жизнедеятельности локальных сообществ, нежели политика и экономика; на наш взгляд, данная сфера бытия заслуживает особого внимания.

Значимость и фундаментальность концепции устойчивого развития как перспективной цели движения и взаимодействия цивилизации в основных сферах жизнедеятельности человечества коренятся в многовековой гуманистической истории, и как неоднократно напоминал В. А. Коптюг, устойчивое развитие – это не раз и навсегда апробированный стандарт, оно может стать адекватной программой долгосрочного действия [Коптюг, 1997]. Стабильное развитие мира – возможный путь для осуществления жизненных приоритетов и ценностей, способных быть основанием обустройства человечества для сохранения жизни на Земле. Придавая большое значение экономике, политике, экологии, Валентин Афанасьевич подчеркивал, что не следует забывать о морально-нравственном, социальном компоненте [См. подробнее: Мархинин, 2017]. Жаль, что концепция устойчивого мирового развития в условиях резко меняющейся мировой политики становится все более декларативной.

Что определяет концепция устойчивого развития с точки зрения сохранения традиционного социокультурного пространства в целях предотвращения дисфункций в развитии социокультуры, при потере социокультурной идентичности?

Во-первых, усиление давления глобализации детерминирует совокупность проблем, «исторических вызовов» в производственно-экономическом и социокультурном развитии локальных сообществ Евразии, находящихся на пути поиска оптимальных условий жизнеустройства, направленных на сохранение национально-государственных и социокультурных интересов.

Во-вторых, в локальных сообществах осуществляется модификация условий жизнедеятельности, пересмотр приоритетов, жизненных оснований, смыслов, оказывающих существенное влияние на трансформацию культуры и социальности.

В-третьих, в процессе социокультурной динамики возникают локальные конфликты идентичностей. Проблема совмещения интеграции традиционной социокультуры с приходящими новациями, с учетом влияния архаизмов, требует своего решения. Дилемма подчиненности традиций новациям существует, конфликт «своей – чужой» социокультуры имеет место.

Развитие социокультурного пространства, в условиях активизации влияния модернистских концепций социокультуры, должно основываться на традиционализме, являющемся одним из основополагающих механизмов адаптации. Концепт необходимости сохранения социокультурного многообразия в процессе восприятия и принятия инноваций, не пытающихся изменить, отторгнуть традиции, является основой социокультурного взаимодействия. Тем более, что опыт освоения и принятия культуры соседей

в социокультурном пространстве Евразии имеется достаточно богатый и «разнообразный». Предложенное в свое время евразийцами определение культуры через восприятие «культурной среды» социума, как основы жизнедеятельности, включает идею выстраивания интегрированной системы ценностей, полагая, что процесс коммуникации, взаимосвязи и взаимодействия увеличивает возможности принятия и усвоения достижений субкультуры, не подвергая травмированию традиционные социокультурные ценности. Евразийская концепция знаменует собой решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма».

Социокультурная среда обретает характер неравномерности, хаотичности, позиции отказа от традиций, что приводит к превалированию в социокультуре различного рода модификаций, стимулируя разрушение баланса между традициями и инновациями. Это обозначает вступление социокультуры в стадию социокультурного кризиса в рамках выбора пути развития. В локальных сообществах в ходе модернизации образуются процессы социокультурной бифуркации как следствие возникающих противоречий эволюции социокультурной среды.

Цель устойчивого развития локальных сообществ, имея многоплановое толкование, фиксирует наличие самостоятельной политики, делающей акцент на необходимости развития стабильной независимой экономики, рационального природопользования, поддержания экологической безопасности и оптимистичного решения социокультурных проблем. Генерирующаяся модель социокультурного развития складывается в природно-географических условиях и способах хозяйствования, обладает исторической социокультурной связанностью, традиционными социокультурными ценностями локальных сообществ, формирует концептуальный образ евразийского социокультурного пространства, как синтез восточных и западных идей и смыслов. Разработка механизмов обретения устойчивого социокультурного развития является долгосрочной стратегией, основанной на принципах политической, экономической и социокультурной безопасности как основного приоритета деятельности государственных институтов.

Список литературы / References

Арпентьева, М. Р. (2019). Евразийская интеграция: проблемы межкультурных отношений. *Наука. Культура. Общество*. Т. 25. № 2. С. 73-80.

Arpentieva, M. R. (2019). Eurasian integration: problems of intercultural relations. *Science. Culture. Society*. Vol. 25. No. 2. Pp. 73-80. (In Russ.)

Гидденс, Э. (2004). *Ускользящий мир: как глобализация изменяет нашу жизнь*. М.: Весь мир. 120 с.

Giddens, A. (2004). *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. Moscow. 120 p. (In Russ.)

Данакари, Р. А. (2007). Глобализация и философские проблемы этнического бытия. *Изв. вузов. Сев. - Кавк. регион*. № 4 (140). С. 16-21.

Danakari, R. A. (2007). Globalization and philosophical problems of ethnic existence. *Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Social Sciences*. No. 4 (140). Pp. 16-21. (In Russ.)

Емелин, В. А., Тхостов, А. Ш. (2015). Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения. *Вопросы философии*. № 2. С. 14-24.

Emelin, V. A., Tkhostov, A. S. (2015). Chronotope deformation under conditions of sociocultural acceleration. *Questions of Philosophy*. No. 2. Pp. 14-24. (In Russ.)

Ефимова, Л., Хохлова, Н. (2020). Концептуализация «азиатских ценностей» в Малайзии и Сингапуре. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 1. С. 91-98.

Efimova, L., Khokhlova, N. (2020). Conceptualization of "Asian values" in Malaysia and Singapore. *World Economy and International Relations*. Vol. 64. No. 1. Pp. 91-98. (In Russ.)

Инглхарт, Р., Вельцель, К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое изд-во. 464 с.

Inglehart, R., Welzel, K. (2011). *Modernization, cultural changes and democracy: The sequence of human development*. Moscow. 464 p. (In Russ.)

Колядко, И. Н. (2022). Антропологический кризис техногенной цивилизации: параметры и перспективы преодоления. *Вопросы философии*. № 3. С. 76-80.

Kolyadko, I. N. (2022). The Anthropological Crisis of Man-Made civilization: Parameters and Prospects of Overcoming. *Questions of Philosophy*. No. 3. Pp. 76-80. (In Russ.)

Коптюг, В. А. (1997). *Наука спасет человечество*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГГМ. 342 с.

Korpyug, V. A. (1997). *Science will save humanity*. Novosibirsk. 342 p. (In Russ.)

Леви-Стросс, К. (2011). *Раса и история*. [Электронный ресурс]. URL: https://thelib.ru/books/levi_stross_klod/rasa_i_istoriya-read-4.html (дата обращения: 20.01.2024).

Levi-Strauss, K. (2011). Race and history. [Online]. URL: https://thelib.ru/books/levi_stross_klod/rasa_i_istoriya-read-4.html (accessed: 01/20/2024). (In Russ.)

Липец, Е. Ю. (2018). Тенденции формирования культурной идентичности на юге России в контексте глобализации. *Культура и цивилизация*. Т. 8. № 5А. С. 105-112.

Lipetsk, E. Y. (2018). Trends in the formation of cultural identity in the South of Russia in the context of globalization. *Culture and Civilization*. Vol. 8. No. 5A. Pp. 105-112. (In Russ.)

Марков, А. П. (2017). *Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования*. СПб: СПбГУП. 453 с.

Markov, A. P. (2017). *Russian Civilization in the Global World: Challenges, Threats, Resources of Transformation*. St. Petersburg. 453 p. (In Russ.)

Мархинин, В. В. (2017). Концепция устойчивого развития в трудах академика В. А. Коптюга. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. Т. 1. № 3. С. 268-275.

Markhinin, V. V. (2017). The concept of sustainable development in the works of academician V. A. Koptuyug. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations*. Vol. 1. No. 3. Pp. 268-275. (In Russ.)

Пивовар, Е. И. (2008). *Пост советское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк*. СПб: Алетейя. 320 с.

Pivovarov, E. I. (2008). *The post-Soviet space: alternatives to integration. Historical essay*. St. Petersburg. 320 p. (In Russ.)

Савицкий, П. Н. (2002). Евразийство. *Основы евразийства*. М.: Арктогея-Центр. С. 266-280.

Savitsky, P. N. (2002). Eurasianism. In *Fundamentals of Eurasianism*. Moscow. Pp. 266-280. (In Russ.)

Соколова, Т. (2019). Евразийская интеграция: социальный аспект. *Россия и новые государства Евразии*. № III (XLIV). С. 27-42.

Sokolova, T. (2019). *Eurasian integration: a social aspect. Russia and the New States of Eurasia*. No. III (XLIV). Pp. 27-42. (In Russ.)

Степин, В. С. (2017). Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал БГУ. Социология*. № 3. С. 6-11.

Stepin, V. S. (2017). Civilization in the era of change: the search for new development strategies. *BSU Journal. Sociology*. No. 3. Pp. 6-11. (In Russ.)

Супян, В. Б. (2018). США: глобализующаяся экономика в глобализующемся мире. *Международная жизнь*. № 4. С. 84-102.

Supryan, V. B. (2018). USA: a globalizing economy in a globalizing world. *International Life*. No. 4. Pp. 84-102. (In Russ.)

Тоффлер, Э. (1997). *Футурошок*. СПб: Лань. 464 с.

Toffler, E. (1997). *Futuroshok*. St. Petersburg. 464 p. (In Russ.)

Трубецкой, Н. С. (2003). *Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока*. М.: Директ-Медия. 96 с.

Trubetskoj, N. S. (2003). *A look at Russian history not from the West, but from the East*. Moscow. 96 p. (In Russ.)

Шмаков, В. С. (2023). Тенденции трансформации социокультурного пространства Евразии. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 149-161. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.149-161.

Shmakov, V. S. (2023). Trends in the transformation of the socio-cultural space of Eurasia. *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 3. Pp. 149-161. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.149-161. (In Russ.)

Décieux, J. Ph. (2021). The Dialectic of Transnational Integration and National Disintegration as Challenge for Multilevel Governance. *Social Sciences*. Vol. 10 (7). Pp. 1-11. DOI: 10.3390/socsci10070263.

Fukuyama, F. (2019). *Identidad. La demanda de dignidad y las políticas de resentimiento*. Barcelona. Ediciones Deusto. 206 p.

Hobsbawm, E., Ranger, T. (1983). *The Invention of Traditions*. Cambridge. Cambridge University Press.

The Global Risk. Report 2019. 14th Edition. World Economic Forum. (2019). Geneva. 114 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Шмаков Владимир Сергеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vsshmakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 04.10.2024

Shmakov Vladimir– Doctor of Philosophical Sciences, Leading researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: vsshmakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>.

The paper was submitted: 10.06.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 04.09.2024

УДК 347.78

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА В МАШИННОМ ОБУЧЕНИИ: В ПОИСКАХ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ И ОБЩЕСТВА

А. Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
artemova-an-1991@yandex.ru

Аннотация. Внедрение искусственного интеллекта открывает большие возможности, но вместе с тем ставит новые задачи перед законодателями и правоприменителями. Одной из таких задач является поиск баланса между интересами правообладателей произведений, используемых в машинном обучении, и общества, заинтересованного в развитии технологии искусственного интеллекта. В статье автор анализирует состояние действующего законодательства в сфере авторского права и правоприменительную практику. Предметом исследования выступает судебное дело о нарушении авторских прав по иску группы писателей (Пол Трэмблей и др.) к компании-разработчику искусственного интеллекта OpenAI, которое находится в производстве Окружного суда США (Северный округ Калифорнии): автор оценивает использование произведений в машинном обучении на предмет соответствия условиям применения доктрины добросовестного использования (fair use). В заключении автор приходит к выводу о необходимости дополнения случаев свободного использования произведений посредством использования в системах машинного обучения.

Ключевые слова: авторское право; искусственный интеллект; машинное обучение; большие языковые модели; набор данных; свободное использование произведений; доктрина добросовестного использования произведений.

Для цитирования: Артемова, А. Н. (2024). Использование объектов авторского права в машинном обучении: в поисках баланса интересов правообладателей и общества. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 184-194. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.184-194

USE OF COPYRIGHT WORKS IN MACHINE LEARNING: SEARCH FOR A BALANCE OF INTERESTS OF COPYRIGHT HOLDERS AND SOCIETY

A. N. Artemova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
artemova-an-1991@yandex.ru

Abstract. The introduction of artificial intelligence opens up great opportunities, but at the same time poses new challenges for legislators and courts. One of these challenges is to find a balance between the interests of copyright holders of works used in machine learning and society interested in the development of artificial intelligence technology. In the article, the author analyzes the state of current copyright legislation and law enforcement practice. The subject of the study is a copyright infringement lawsuit filed by a group of writers (Paul Tremblay et al.) against the artificial intelligence developer OpenAI, which is being processed by the US District Court (Northern District of California): the author evaluates the use of works in machine learning for compliance with the conditions for applying the fair use doctrine. The author comes to the conclusion about the need to supplement cases of free use of works through use in machine learning systems.

Keywords: copyright; artificial intelligence; machine learning; large language models; dataset; free use of works; fair use doctrine.

For citation: Artemova, A. N. (2024). Use of Copyright Works in Machine Learning: Search for a Balance of Interests of Copyright Holders and Society. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 184-194. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.184-194

Искусственный интеллект (далее – ИИ) сегодня является приоритетным направлением развития экономики Российской Федерации. Большая ставка делается на генеративный искусственный интеллект, внедрение которого обещает настоящий прорыв в экономике. Как отмечается в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., внедрение больших генеративных моделей может привести к повышению производительности труда, увеличению валового внутреннего продукта на 1–2 % ежегодно, повышению оплаты труда специалистов во всех отраслях за счет увеличения объема выпуска продукции и улучшения ее качества¹.

Вместе с тем внедрение ИИ требует обеспечения комплексного нормативно-правового регулирования. Одним из ключевых вопросов является определение условий допустимого использования результатов интеллектуальной деятельности третьих лиц в машинном обучении². Однако до настоящего времени такие условия законодательно не определены.

Машинное обучение (Machine Learning) как процесс создания алгоритмов, самостоятельно обучающихся благодаря опыту, основано на использовании наборов данных (Dataset). Такие наборы данных могут включать в себя и произведения, охраняемые авторским правом. Так, книги выступают ключевым компонентом наборов данных для обучения больших языковых моделей (Large Language Models) – программного обеспечения на основе искусственного интеллекта, предназначенного для анализа и генерации естественного языка, поскольку служат источником качественных литературных произведений.

Представляя в 2018 г. свою разработку – большую языковую модель GPT-1 (Generated Pretrained Transformer), корпорация OpenAI сообщила, что обучала GPT-1 на BookCorpus – коллекции из более 7000 уникальных неопубликованных книг самых разных жанров. Как пояснила OpenAI, ценность книг состоит в том, что они содержат длинные отрезки непрерывного текста, что позволяет модели учиться обуславливать большие объемы генерируемого текста [Radford et al., 2018, p. 4].

Набор данных BookCorpus был создан в 2015 г. группой исследователей из Университета Торонто и Массачусетского технологического института в целях обучения языковых моделей и состоит из неопубликованных романов, размещенных в Интернете

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124). П. 175. [Электронный ресурс]. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/2> (дата обращения: 18.07.2024).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.». [Электронный ресурс]. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://government.ru/docs/all/129505/> (дата обращения: 18.07.2024).

и доступных читателям бесплатно [Zhu et al., 2015, p. 21]. Несмотря на то, что входящие в состав BookCorpus произведения охраняются авторским правом, согласие авторов на использование их произведений в обучающем наборе данных получено не было.

В 2020 г., представляя общественности большую языковую модель GPT-3, OpenAI сообщила, что 15 % обучающих данных было получено из двух интернет-наборов книг: «Книги-1» и «Книги-2». Какие именно книги входят в состав данных обучающих наборов, OpenAI не раскрыла [Brown et al., 2020, p. 8]. Однако их количество существенно превышает количество книг, входящих в BookCorpus.

Предположительно, набор данных «Книги-1» был сформирован из цифровой коллекции произведений, находящихся в общественном достоянии «Project Gutenberg», а набор данных «Книги-2» содержит данные из нелегальных «пиратских библиотек», таких как Library Genesis (также известной как LibGen), Z-Library (также известной как Vok), Sci-Hub и Bibliotik³.

Представляя GPT-4 в марте 2023 г., OpenAI уже не сообщала информацию об обучающих наборах данных, ссылаясь на конкурентную среду и соображения безопасности⁴.

Таким образом, как верно подметил Н. А. Назаров, «на данный момент объекты машинного творчества создаются по принципу “пока не поймали”, основанном на том, что незаконное использование определенного произведения в коллекции данных в машинном творчестве нельзя обнаружить» [Назаров, 2022, с. 109]. Однако появление судебной практики по незаконному использованию произведений в машинном обучении лишь вопрос времени. В США такая практика уже на этапе формирования. На данный момент на рассмотрении судов США находится несколько дел о нарушении авторских прав посредством использования произведений литературы в машинном обучении без согласия правообладателей (Tremblay et al. v. OpenAI, Inc. et al.; Silverman et al. v. OpenAI, Inc. et al.; Authors Guild et al. v. OpenAI Inc. et al. и др.) В частности, 28 июня 2023 г. группой писателей (Пол Трэмблей и др.) был подан иск к корпорации OpenAI о запрете использования их произведений, взыскании компенсации и убытков, причиненных незаконным использованием. Иск заявлен как коллективный в защиту прав всех лиц на территории США, обладающих авторскими правами на произведения, использованные OpenAI для машинного обучения без согласия правообладателей.

Как утверждают истцы, они являются авторами книг, использованных для обучения ChatGPT (программное обеспечение, основанное на языковых моделях GPT-3,5 и GPT-4, созданное, поддерживаемое и реализуемое корпорацией OpenAI). ChatGPT способен взаимодействовать с пользователем в разговорном стиле: пользователь вводит текстовый запрос, а ChatGPT генерирует ответы, имитирующие человеческий язык. Поскольку результаты ответов ChatGPT зависят от наборов данных, использованных для обучения, тот факт, что ChatGPT выдает краткое изложение содержания произведений истцов в ответ на соответствующий запрос, свидетельствует о том, что языковая модель была обучена

---

³ Paul Tremblay, et al. v. OpenAI, Inc., et al. Class Action Complaint. (2023). [Online]. Available at: https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.414822/gov.uscourts.cand.414822.1.0_1.pdf (Accessed: 18 July 2024).

⁴ GPT-4 Technical Report. OpenAI. (2023). [Online]. Available at: <https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf> (Accessed: 18 July 2024).

на произведениях истцов, охраняемых авторским правом. При этом OpenAI не обращалась к истцам за получением согласия на такое использование. В обоснование исковых требований истцы указали на следующие нарушения OpenAI:

1. Прямое нарушение авторских прав в результате обучения больших языковых моделей на произведениях, правообладателями которых являются истцы. В соответствии со статьей 106 Закона об авторском праве США копирование произведения, а также осуществление иных правомочий без согласия правообладателя запрещено.

2. Опосредованное нарушение авторских прав. Поскольку выходные данные основаны на информации, извлеченной из работ истцов, каждый ответ, генерируемый ChatGPT, представляет собой производное произведение, созданное в отсутствие согласия правообладателя исходного произведения, что запрещено законом (статья 106 Закона об авторском праве США).

3. Удаление информации об управлении авторскими правами. В книгах истцов содержалась информация об управлении авторскими правами (уведомление об авторских правах, информация об авторе и правообладателе, условия использования). В нарушение статьи 1202(b)(1) Закона США о защите авторских прав в цифровую эпоху OpenAI намеренно удалила информацию об авторах. Распространяя производные произведения, созданные на основе произведений авторов, без указания информации о них, OpenAI нарушила статью 1202(b)(3) указанного закона.

4. Недобросовестная конкуренция. По мнению истцов, действия OpenAI нечестны, неэтичны, аморальны, беспринципны, поскольку корпорация необоснованно извлекает прибыль и приписывает себе разработку коммерческого продукта, основанного на чужих произведениях, охраняемых авторским правом. Кроме того, удаляя информацию об авторах исходных произведений, OpenAI обманывает пользователей. Таким образом, OpenAI нарушила положения Делового и профессионального кодекса штата Калифорния.

5. Халатность. По мнению истцов, на OpenAI лежит обязанность проявлять заботливость в отношении информации, которая находится в их распоряжении, воздерживаясь от причинения вреда истцам. Эта обязанность вытекает из статьи 1714 Гражданского кодекса штата Калифорния, предписывающей действовать добросовестно по отношению к другим лицам.

6. Неосновательное обогащение. Истцы вложили значительное время и энергию в создание произведений. OpenAI извлекает выгоду из использования произведений истцов в то время, как истцы не получили денежного вознаграждения за использование их произведений компанией OpenAI⁵.

Большая часть исковых требований была отклонена судом 12 февраля 2024 г. по ходатайству ответчика. В соответствии с Федеральными правилами гражданского судопроизводства США (далее – Правила) иск должен содержать краткое и ясное изложение, демонстрирующее, что истец имеет право на судебную защиту (статья 8 (а) Правил). В случае несоблюдения данного требования ответчик вправе подать ходатайство об отклонении иска (статья 12 (b)(6) Правил).

---

⁵ Paul Tremblay, et al. v. OpenAI, Inc., et al. Class Action Complaint. (2023). [Online]. Available at: https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.414822/gov.uscourts.cand.414822.1.0_1.pdf (Accessed: 18 July 2024).

Так, суд отклонил исковые требования, основанные на опосредованном нарушении авторских прав, удалении информации об управлении авторскими правами, халатности и неосновательном обогащении. Как указал в определении суд, утверждения о том, что любой результат деятельности GhatGPT представляет собой производное произведение, нарушающее авторское право, недостаточно для установления нарушения авторских прав, необходимо показать существенное сходство между оригиналом и производным произведением, чего истцы не продемонстрировали.

Что касается предполагаемого удаления OpenAI информации об управлении авторскими правами, то в соответствии со статьей 1202(b)(1) Закона США о защите авторских прав в цифровую эпоху для такого заявления требуются факты, демонстрирующие, что предполагаемый нарушитель знал или имел разумные основания знать о том, что удаление информации об авторских правах спровоцирует, сделает возможным, облегчит или скроет нарушение авторских прав. Утверждения истцов голословны, не подкреплены доказательствами. Напротив, тот факт, что в приведенных истцами выдержках из ответов ChatGPT упоминаются имена истцов, говорит о том, что информация об авторах не была удалена из обучающих наборов данных. Что касается ответственности за распространение произведений или их копий без информации об авторских правах, то в силу статьи 1202(b)(3) указанного закона она наступает за распространение оригинальных произведений. Однако истцы не утверждали, что OpenAI распространяла их книги или копии их книг. Вместо этого они заявили, что каждый результат ChatGPT является производной работой, нарушающей авторские права, не представив доказательств того, что такие результаты являются копиями их книг.

Также, по мнению суда, истцам не удалось доказать наличия между ними и ответчиком особых фидуциарных правоотношений и обязанности ответчика охранять информацию, содержащуюся в произведениях истцов, а также получения OpenAI неосновательного обогащения от использования произведений истцов.

Наконец, оценивая действия ответчиков на предмет недобросовестной конкуренции, суд указал, что для признания определенной деловой практики недобросовестной конкуренцией необходимо, чтобы она была «незаконной», «несправедливой» или «мошеннической». Отклоняя требования, основанные на нарушении Закона об авторском праве в цифровую эпоху и мошенничестве, суд тем не менее посчитал заслуживающим внимания аргумент истцов о несправедливых действиях ответчика, выразившихся в том, что OpenAI использовала произведения истцов, охраняемые авторским правом, для тренировки своих языковых моделей с целью получения коммерческой выгоды. Суд пришел к выводу, что поведение OpenAI может представлять собой недобросовестную практику и оставил ходатайство ответчиков об отклонении иска в этой части без удовлетворения⁶.

---

⁶Paul Tremblay, et al. v. OpenAI, Inc., et al. United States District Court. Northern District Of California. Order Granting In Part And Denying in Part The Motions To Dismiss. (2024). [Online]. Available at: https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.414822/gov.uscourts.cand.414822.104.0_1.pdf (Accessed: 18 July 2024).

Истцам была предоставлена возможность внести изменения в срок до 13 марта 2024 г. В уточненном исковом заявлении истцы, ссылаясь на прямое нарушение авторских прав со стороны OpenAI в результате использования их произведений для обучения больших языковых моделей, а также на недобросовестную конкуренцию со стороны OpenAI, выразившуюся в использовании произведений истцов для разработки коммерческого продукта и получения собственной коммерческой выгоды, просили суд признать факт умышленного нарушения исключительных прав истцов со стороны ответчиков, взыскать убытки и компенсацию, предусмотренную статьей 504 Свода федеральных законов США, а также неустойку в виде процентов и судебные расходы. Кроме того истцы просили рассмотреть заявленные требования судом присяжных в соответствии со статьей 38(b) Федеральных правил гражданского судопроизводства. На данный момент рассмотрение дела не завершено.

Представляется, что позиция ответчиков относительно прямого нарушения авторских прав будет основываться на доктрине добросовестного использования произведений (fair use), в соответствии с которой допускается использование произведений без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения, если это способствует прогрессу науки и искусства. Сформировавшись в рамках системы общего права (Common Law) доктрина впоследствии нашла закрепление в статье 107 Закона об авторском праве США 1976 г.

Для оценки добросовестности использования произведения суды анализируют четыре фактора: 1) цель и характер использования; 2) характер используемого произведения; 3) объем и существенность использованной части произведения; 4) влияние на рынок.

Все факторы оцениваются в совокупности, но ключевое значение имеют первый и четвертый факторы. Чтобы использование произведения было признано добросовестным, оно должно носить преобразующий, творческий характер, быть нацелено на создание новых объектов авторского права. Новое произведение должно обогащать общество, стимулировать развитие инноваций, вносить свой вклад в культуру, а не подменять собой оригинал, не конкурировать с ним, нанося ущерб его коммерциализации.

Так, в знаменитом деле *The Authors Guild v. Google Inc.* оцифровка книг без согласия правообладателей для создания сервиса по поиску книг Google Books была признана добросовестным использованием.

Фабула дела была такова: в 2004 г. корпорация Google запустила новый сервис по поиску книг – Google Books, заключив соглашения с рядом крупнейших научных библиотек мира на оцифровку книг. С 2004 г. Google отсканировала и сделала машиночитаемыми свыше 20 млн. книг, включая книги как находящиеся в общественном достоянии, так и охраняемые авторским правом. Пользователям сервиса была предоставлена возможность осуществлять поиск книг по фразам и ключевым словам. В информацию о книге, предоставляемую сервисом, включалось краткое описание, ключевые слова, ссылки для покупки книги в Интернете и библиотеки, где можно ознакомиться с книгой. В ряде случаев предоставлялась возможность ограниченного просмотра текста (ознакомительный фрагмент).

Ряд авторов оцифрованных работ, однако, посчитали, что проект Google Books нарушает их права, поскольку не было испрашено их согласие на такое использование, и в 2005 г. обратились в суд с иском о взыскании компенсации за нарушение авторских прав.

В обоснование своей позиции Google ссылалась на доктрину добросовестного использования.

Оценив четыре условия применения доктрины, суд пришел к выводу, что использование произведений компанией Google носит преобразующий характер. Во-первых, благодаря функции поиска книг по ключевым словам / фразам Google Books является уникальным инструментом для интеллектуального анализа текста и данных. Во-вторых, оцифровка книг позволила расширить доступ к книгам для лиц с ограниченными возможностями. В-третьих, оцифровка дала жизнь старым обветшалым изданиям. Наконец, Google Books позволяет ознакомиться с информацией о книге и способами ее приобретения, тем самым Google привлекает новую аудиторию авторам и увеличивает продажи книг в интересах правообладателей. Важным моментом является то, что отображение материалов, охраняемых авторским правом, надлежащим образом ограничено, пользователям доступен лишь ознакомительный фрагмент. Таким образом, суд признал, что Google Books не заменяет и не вытесняет книги. Вместо этого проект приносит значительную общественную пользу, учитывает права авторов и увеличивает продажи книг в интересах правообладателей. В результате Окружной суд США (Южный округ Нью-Йорка) отказал в удовлетворении иска⁷. В 2015 г. Апелляционный суд США оставил в силе данное решение⁸.

Как отмечает О. В. Луткова, ни один фактор не предписан императивно, поэтому учитывая уникальность и специфику каждого конкретного спора, суды могут принимать во внимание и другие факторы, не указанные в законе, в частности, недобросовестное поведение стороны, общественный интерес, «право автора контролировать первое появление своего произведения на публике» [Луткова, 2016, с. 193, 196].

Таким образом, поскольку наличие у судей дискреционных полномочий по анализу данных факторов в конкретном деле делает применение доктрины судами противоречивым и непредсказуемым, прогнозирование исхода дела *Tremblay v. OpenAI* является крайне сложной задачей. Представляется, что использование произведений в машинном обучении удовлетворяет первому условию, поскольку является преобразующим. Большая языковая модель, несомненно, способствует развитию науки и искусства, не подменяя собой исходные произведения, а предоставляя возможность создавать новые на основе запроса пользователя.

Тот факт, что для обучения были использованы значительные по объему фрагменты художественных произведений, творческий вклад авторов которых традиционно оценивается высоко, играет не в пользу OpenAI. Однако второй и третий факторы сами по себе не являются определяющими, и оцениваются судами в совокупности с другими.

---

⁷*Authors Guild v. Google, Inc.* United States District Court. Southern District Of New York. Opinion Granting Summary Judgment of Fair Use. (2013). [Online]. Available at: <https://www.eff.org/document/opinion-granting-summary-judgment-fair-use> (Accessed: 30 July 2024).

⁸*Authors Guild v. Google, Inc.* United States Court of Appeals For The Second Circuit. Second Circuit Opinion (2015). [Online]. Available at: <https://www.eff.org/document/ruling-appeals-court> (Accessed: 30 July 2024).

Скруплезного изучения требует четвертый фактор, который, по нашему мнению, является решающим. С одной стороны, формулирование с помощью ChatGPT текста по запросу пользователя не может служить заменой книг, т. е. продукт OpenAI не является конкурентом произведениям истцов. Книги и большие языковые модели служат разным целям и удовлетворяют разные потребности потребителей.

С другой стороны, даже если характер использования произведения в высшей степени преобразующий, такое использование может нанести ущерб ценности использованного произведения, охраняемого авторским правом, если приведет к широкому раскрытию значительной части данного произведения и тем самым сделает доступным конкурирующий аналог. Как утверждают истцы, ChatGPT выдает на основе запроса обобщение их книг. Такое краткое содержание уже может выступать прямым конкурентом оригинальному произведению.

Также не в пользу OpenAI играет и тот факт, что компания не раскрывает произведения, использованные для обучения, и их авторов, что может быть расценено как недобросовестное поведение.

Таким образом, суду предстоит исследовать представленные истцами доказательства (генерируемый ChatGPT текст, содержащий краткое содержание произведений истцов), чтобы сделать вывод о влиянии, которое продукт, созданный OpenAI, способен оказывать на рынок и ценность книг истцов. От того, какое решение будет в конечном итоге принято по делу, будет зависеть правоприменительная практика по данной категории дел, формирование доктрины добросовестного использования и дальнейшее развитие индустрии ИИ.

На данный момент является очевидным тот факт, что машинное обучение – это та сфера, где необходимо найти баланс интересов правообладателей и общества, поскольку от развития ИИ зависит, без преувеличения, благосостояние всего общества, и это тот случай, когда ограничение исключительных прав может быть оправдано необходимостью развития технологии ИИ, которое невозможно без использования произведений науки, литературы и искусства в машинном обучении. Установление понятных правил необходимо как для разработчиков ИИ, так и для правообладателей произведений. В доктрине справедливо указывается на то, что отсутствие правового регулирования машинного обучения будет препятствовать развитию ИИ, поскольку легализация контента, используемого для машинного обучения, будет сопряжена с дополнительными расходами, а ограничение контента доступными источниками будет вести к снижению качества создаваемого ИИ [Калятин, 2021, с. 24].

Если в странах общего права баланс интересов правообладателей и общества достигается посредством применения доктрины добросовестного использования произведений, то в странах романо-германской правовой системы данная цель достигается путем перечисления в законе случаев свободного использования произведений (информационные, научные, учебные, культурные цели и др.) Такой подход именуется перечневым: законодатель устанавливает в законе точный перечень случаев свободного использования, использование произведения в случаях, не поименованных в законе, не допускается. Отечественным законодательством также установлен перечень случаев

свободного использования (ст. 1273-1280 ГК РФ), однако ни один из случаев свободного использования произведений, установленных ГК РФ, не предусматривает возможности использования произведений в машинном обучении.

С точки зрения действующего российского законодательства к способам законного использования произведений в машинном обучении можно отнести: 1) заключение договора с правообладателем; 2) использование произведений с открытой лицензией (с учетом условий, на которых правообладатель разрешил использование своего произведения); 3) использование произведений, перешедших в общественное достояние.

К сожалению, ни один из указанных способов не является адекватным для целей машинного обучения. Первый способ требует значительных временных и финансовых затрат. Второй и третий предполагают доступ к ограниченному количеству произведений, что существенно снижает эффективность ИИ, ведь чем больший набор актуальных данных был использован для обучения, тем точнее и ценнее будет результат машинного обучения.

В этой связи представляет интерес подход к решению проблемы, реализованный в ЕС в принятом в 2024 г. Регламенте Европейского Союза «Об искусственном интеллекте» (EU Artificial Intelligence Act). Так, поставщики моделей ИИ общего назначения обязаны составить и сделать общедоступной информацию о контенте, используемом для обучения модели ИИ общего назначения (п. 107 Регламента), а также соблюдать законодательство ЕС об авторском праве, в частности, положения статьи 4 (3) Директивы (ЕС) 2019/790 (п. 105 Регламента)⁹. Данной Директивой предусмотрена возможность правообладателя посредством прямо выраженного запрета предотвратить использование его произведения для интеллектуального анализа текста и данных за исключением случаев, когда это делается в целях научных исследований. При этом интеллектуальный анализ текста и данных (Text and Data Mining) служит инструментом формирования набора данных, необходимого для машинного обучения [Афанасьева, Фурман, 2023, с. 1645-1646]. Следовательно, если такой запрет был прямо выражен, разработчикам моделей ИИ общего назначения необходимо получить разрешение от правообладателя, либо воздержаться от использования произведения. Данное решение (возможность правообладателя зарезервировать право на произведение, использование которого законодателем разрешено) критикуется учеными за создание конструкций «неопределенной правовой природы» (введение ограничений на ограничения) [Назаров, 2022, с. 108].

Более разумным выглядит предложение дополнить случаи свободного использования охраняемых объектов авторских прав посредством использования в машинном обучении. Согласно Дорожной карте развития нормативно-правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ планируется внести в 2025 г.¹⁰

⁹ *Artificial Intelligence Act. Regulation (EU) 2024/1689*. [Online]. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (Accessed: 18 July 2024).

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 03.08.2020 № 2027-р (ред. от 29.06.2023) «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) по реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности “Трансформация делового климата” “Интеллектуальная собственность”». [Электронный ресурс]. *Консультант плюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_359540/a784b71d972346637c2ccceec51b63163548b642/ (дата обращения: 18.07.2024).

Баланс интересов правообладателей и общества, будучи важным принципом авторского права, нуждается в постоянной корректировке в соответствии с текущим уровнем развития технологий и интересами общества. В этой связи дополнение случаев свободного использования объектов авторского права использованием в системах машинного обучения является логически обоснованным и послужит формированию правовой основы для развития и внедрения технологии искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Список литературы/ References

Афанасьева, Е. Н., Фурман, Д. Д. (2023). Правовые аспекты обработки искусственными интеллектуальными системами объектов авторского права в процессе машинного обучения. *Baikal Research Journal*. Т. 14. № 4. С. 1643-1656.

Afanasyeva, E. N., Furman, D. D. (2023). Legal aspects of processing copyright objects by artificial intelligent systems in the process of machine learning. *Baikal Research Journal*. Vol. 14. No. 4. Pp. 1643-1656. (In Russ.)

Калятин, В. О. (2021). *Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы. Доклад НИУ ВШЭ*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482492820.pdf> (дата обращения: 18.07.2024).

Kalyatin, V. O. (2021). *The problem of machine creativity in the legal system: regulation of the creation and use of the results of intellectual activity using artificial intelligence, foreign experience and Russian prospects. Report from the National Research University Higher School of Economics*. Moscow. [Online]. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2005.14165> (Accessed: 07 August 2024). (In Russ.)

Луткова, О. В. (2016). Доктрина добросовестного использования произведений в современном авторском праве США. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 186-199.

Lutkova, O. V. (2016). The fair use doctrine in modern US copyright law. *Right. Journal of the Higher School of Economics*. No. 2. Pp. 186-199. (In Russ.)

Назаров, Н. А. (2022). Машинное творчество и право: две части одного целого. *Труды по интеллектуальной собственности*. Т. 43. № 4. С. 101-110.

Nazarov, N. A. (2022). Machine creativity and law: two parts of one whole. *Papers on intellectual property*. Vol. 43. No. 4. Pp. 101-110. (In Russ.)

Brown, T. B., Mann, B., Ryder, N., Subbiah, M., Kaplan, J., Dhariwal, P., Neelakantan, A., Shyam, P., Sastry, G., Askell, A., Agarwal, S., Herbert-Voss, A., Krueger, G., Henighan, T., Child, R., Ramesh, A., Ziegler, D. M., Wu, J., Winter, C., Hesse, C., Chen, M., Sigler, E., Litwin, M., Gray, S.,

Chess, B., Clark, J., Berner, C., McCandlish, S., Radford, A., Sutskever, I., Amodei, D. (2020). *Language Models are Few-Shot Learners*. [Online]. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2005.14165> (Accessed: 18 July 2024).

Radford, A., Narasimhan, K., Salimans, T., Sutskever, I. (2018). *Improving Language Understanding by Generative Pre-Training*. [Online]. Available at: https://cdn.openai.com/research-covers/language-unsupervised/language_understanding_paper.pdf (Accessed: 18 July 2024).

Zhu, Y., Kiros, R., Zemel, R., Salakhutdinov, R., Urtasun, R., Torralba, A., Fidler, S. (2015). *Aligning Books and Movies: Towards Story-like Visual Explanations by Watching Movies and Reading Books*. [Online]. Available at: https://www.cv-foundation.org/openaccess/content_iccv_2015/papers/Zhu_Aligning_Books_and_ICCV_2015_paper.pdf (Accessed: 18 July 2024).

Сведения об авторе / Information about the author

Артемова Анастасия Николаевна – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: artemova-an-1991@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 10.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 04.10.2024

Artemova Anastasiia – Candidate of Juridical Sciences, Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: artemova-an-1991@yandex.ru.

The paper was submitted: 10.08.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 04.10.2024